

Г.С. Иваненко

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
В ПРОЦЕССАХ ПО ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ,
ДОСТОИНСТВА, ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ**

Монография

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2018

УДК 81+34
ББК 81я75
И18

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и методики преподавания русского языка ЧГПУ *Л.П. Гашева*;

д-р юр. наук, профессор, зав. кафедрой теории государства и права СПбУ МВД РФ *Р.А. Ромашов*

Иваненко Г.С.

И18 Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации [Электронный ресурс]: монография. — 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2018. — 247 с.

ISBN 978-5-9765-3731-6

В монографии предпринимается попытка соотнести категории и терминологию лингвистики и юриспруденции в рамках лингвистической экспертизы, являющейся основным доказательным средством при судебном разрешении информационного конфликта. Предлагается концепция и структура лингвистической экспертизы в процессах по защите чести и достоинства, определяются возможности и границы применения лингвистического инструментария в этой сфере юриспруденции.

Научное исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в 2005-2006г.г, проект № 05-03-85310 а/У, ИНО-Центра «Межрегиональные исследования о области общественных наук» в 2004г., проект №КИ 095-3-03.

УДК 81+34
ББК 81я75

ISBN 978-5-9765-3731-6

© Иваненко Г.С., 2018

© Издательство «ФЛИНТА», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Язык как исток, средство реализации и объект права	5
Введение	18
Глава I. Лингвистическая экспертиза как особый вид научного	
Исследования	23
1.1. Объекты правовой защиты: честь, достоинство, деловая репутация	23
1.2. Конфликтный дискурс как объект лингвистической экспертизы.....	28
1.3. Смысл текста в конфликтном дискурсе как предмет лингвистической экспертизы.....	35
1.4. Структура лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации	45
1.5. Определение интенции адресанта в структуре лингвистической экспертизы.....	61
Выводы по I главе	71
Глава II. Декодировка конфликтного текста	73
2.1. ИмPLICITные смыслы, пресуппозиции	73
2.2. Амфиболия конфликтного текста	82
2.3. Порочащий характер распространенной информации	89
2.4. Референциальная соотнесенность информации	97
Выводы по II главе	103
Глава III. Информационная природа сведений	105
3.1. Дифференциация фактуального и оценочного: правовой аспект.....	105
3.2. Дифференциация номинативного и коннотативного компонентов информации: лингвистический аспект	113
3.3. Модальность как соотнесение высказывания с действительностью в событийном аспекте	122
3.4. Виды фактуальной информации	136
3.5. Виды нефактуальной информации	138
3.6. Ссылка на источник информации.....	145

3.7. Дифференциация утверждения и предположения	149
3.7.1. Утверждение как семантико-прагматическая категория.....	149
3.7.2. Грамматические ограничители утверждения	152
Выводы по III главе	165
Глава IV. Инвектива как правонарушение	167
4.1. Лингвистическая трактовка правового понятия «оскорбление»	167
4.2. Языковые средства реализации оскорбления	175
4.3. Несовпадение речевых кодов коммуникантов	180
4.3. Классификация инвективных средств	187
Выводы по IV главе	199
Заключение	200
Библиографический список	202
Приложение	218

ПРЕДИСЛОВИЕ

Язык как исток, объект и средство реализации права

В начале XXI века в системе социальных наук наметились две противоположные и в то же время вполне гармонично дополняющие друг друга тенденции: с одной стороны, тенденция к дифференциации, с другой – к интеграции. Мы наблюдаем выделение в рамках одной науки все новых и новых дисциплин, и наряду с этим науки, самостоятельно функционирующие на протяжении даже не веков – тысячелетий – начинают взаимодействовать, влиять друг на друга, взаимно определять концептуальные положения в теории и решать конкретные задачи на практике. К выделению новой научной дисциплины, как и к созданию нового термина, следует относиться с большой осторожностью, избегая дублирования предмета изучения и объекта номинации. Однако новации и в той, и в другой сфере все же неизбежны, что обусловлено самим движением жизни.

В настоящем предисловии к работе, находящейся на междисциплинарном срезе, предпринята попытка обозначить сферы взаимодействия права и языка, юриспруденции и лингвистики. В настоящий период данная область научных исследований приобретает статус самостоятельной научной дисциплины, называемой юрислингвистикой [Голев 1999б], юридической лингвистикой [Прайд 2004], лингво-правовой герменевтикой [Иваненко 2004а]. Диапазон проблем, решаемых этой дисциплиной, чрезвычайно широк. Попытаемся рассмотреть лишь некоторые аспекты заявленной проблематики.

Язык как исток права

Возможно, в период формирования человеческого общества реализация общественного договора и имела какие-либо невербальные средства выражения, однако в современном обществе язык – это единственное средство формулировки, выражения и передачи права. Естественный язык – это тело права, как и любой другой гуманитарной дисциплины. Все, что есть в праве, выражено только языком, может быть облечено только в его формы и ограничено его возможностями, семантическими и грамматическими. Специфика языка как оболочка юридических понятий и предоставляет широкие возможности, и накладывает определенные ограничения как на формализацию, так и на реализацию права.

Специфика юридического языка

Пожалуй, одним из первых аспектов юриспруденции, привлечших внимание лингвистов, стал язык текстов права. Задолго до появления юрислингвистики филология рассматривала стилевые особенности официально-делового стиля, который в основе своей есть язык права. Говоря об особенностях языка права, большинство исследователей рассматривают вопрос соотношения языка права и естественного языка. По-разному решая его, выделяя или нет специальный юридический язык как отдельную и самостоятельную систему, исследователи единодушно признают сам факт его специфичности.

К числу особенностей юридического языка, подвергающихся критике со стороны лингвистов, наиболее часто относятся следующие:

1. Сложный синтаксис (сложные синтаксические конструкции с различными видами синтаксической связи, длинные ряды однородных членов, обособления, в том числе уточнения, которые трудно соотнести с главным элементом, пассивные конструкции).

2. Отвлеченность многих понятий (неправильное поведение в быту, неприличная форма выражения).

3. Использование юридических терминов, совпадающих со словами естественного языка, но отличающихся значением (порочащий, деяние, лицо)

4. Применение архаизмов (сей, оный, таковой).

Специфика юридического языка признается как факт, однако отношение к этой специфике различно. Нам наиболее близка позиция Н.Д. Голева [Голев 2004а], признающего легкость/сложность восприятия юридического текста бытовым носителем языка фактором значимым, но вторичным.

Требования к языку правового текста

При всем своем разнообразии, правовые тексты призваны отражать реалии действительности, фактически имевшие место или моделируемые как должные. Юридические тексты относятся к официально-деловому функциональному стилю речи и на этом основании в идеальной модели воплощают такие его основные черты, как объективность, точность, неличностный характер.

Точность прежде всего предполагает однозначность понимания сообщенной в документе информации, адекватную декодировку. Социальная и экономическая значимость многих документов столь велика, что неточность формулировки неизбежно приводит к неоднозначному пониманию и различным трактовкам, вызванным либо

искренним заблуждением, либо намеренной спекуляцией лингвистически дефектным текстом.

Опыт участия в качестве лингвиста-эксперта в судебных разбирательствах показал, что причина значительной части правовых конфликтов имеет лингвистический корень. К сожалению, правоустанавливающие документы нередко дают почву для различных толкований. Неоднозначность прочтения связана с несколькими типичными упущениями.

Во-первых, смысл локального отрезка текста может не совпадать со смыслом, выраженным в более широком контексте. Так, суды разных районов г.Челябинска вынесли противоречащие друг другу решения по вопросу о распространении льгот по оплате коммунальных услуг не только на лиц, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, но и на членов их семей. Суд, отказавший в льготе, руководствовался п.3 ст.14 «Закона о социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», формальное прочтение которого действительно дает основания для такого решения. Суд, предоставивший льготу, руководствовался ст.15, уточняющей и конкретизирующей ст.14. Однако для адекватного прочтения документа только по обозначенному вопросу необходимо привлечение сведений из 13-ой и 15-ой статей, создающих необходимый полный контекст для разрешения проблемы, обоими судами решенной необъективно, без учета всех текстовых факторов. Тексты законов перегружены ссылками, осложненными уточнениями, часто не дополняющими, а кардинально меняющими смысл текста, к которому апеллируют, что создает правовые конфликты.

Вторая распространенная причина разночтений – языковая амфиболия, вызываемая различными грамматическими причинами, например, употреблением зависимых элементов, отнесенных к членам предложения, связанным сочинительной связью. Так, двояко может быть истолкована следующая фраза: *«Подакцизными товарами признаются: ...автомобили легковые и мотоциклы с мощностью двигателя свыше 112,5 кВт (150 л.с.)»* Постпозитивное определение *«с мощностью двигателя свыше 112,5 кВт»* может относиться как к автомобилям легковым и мотоциклам вместе взятым, так и только к мотоциклам.

Третья причина неадекватного декодирования правового текста – формально грамотная, но чрезвычайно синтаксически загруженная структура, разобраться в которой носителю языка, не обладающему специальными лингвистическими познаниями, сложно.

Еще одна причина невыполнения документом своей функции – заложенное в нем противоречие лингвистического и, как следствие, логического характера. В некоторых случаях противоречивость текста – результат намеренной манипуляции. Избежать серьезных правовых проблем можно лишь при максимально лингвистически точном оформлении документа, в чем заинтересованы все, кто имеет к этому документу хоть какое-то отношение. Приведем пример намеренного введения в заблуждение противоречивой формулировкой, создающей текстовую амфиболию [Иваненко 2005г]. Гражданка А доверила гражданину Б распоряжаться своей квартирой, предполагая возможный ее залог. Квартира была продана на основании доверенности: *«Доверяю Б заключать все разрешенные законом сделки, в частности: с правом залога, определяя во всех случаях сроки, суммы и другие условия по своему усмотрению; быть моим представителем во всех учреждениях и организациях, включая органы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним; ...»*.

В анализируемом тексте одна часть предложения вступает в противоречие с другой: до присоединительной конструкции обобщающая часть имеет более широкий смысловой объем, чем раскрывающая часть. Местоимение «все» в русском языке предполагает обычно указание на полный перечень элементов. Начало предложения формирует мысль о том, что доверенное лицо получает право «заключать все разрешенные законом сделки», и без присоединительного оборота из текста логично вытекал бы вывод о праве доверенного лица на осуществление сделки «купли-продажи». Однако поскольку конкретизирующий ряд был открыт в тексте, в соответствии с законом построения однородного ряда в официальном документе на первом месте должен стоять самый значимый элемент. Но указание на право доверенного лица осуществлять сделку купли – продажи отсутствует, обозначено только право залога, в связи с чем меняется декодировка текста: местоимение «все» воспринимается как «все следующие», «все, которые ниже будут перечислены». Оборот «в частности» имеет два значения: иллюстративное (синоним «например») и конкретизирующее, раскрывающее (синоним «а именно»). В первом значении слово употребляется в разговорном, художественном и публицистическом стилях. В научном же и официально-деловом стилях оно реализуется во втором значении, то есть предваряет четкий и полный перечень того, что является частным проявлением общего, названного перед «в частности». Перечень этот составляется по принципу убывающей значимости элементов ряда. Следовательно, в нашем случае обособленный

присоединительный оборот, вводимый единицей «в частности», должен содержать конкретный, полный и четкий перечень прав доверенного лица.

Обозначенные противоречия вылились в правовой конфликт, избежать которого можно было бы при большем внимании всех участников ситуации к языковому оформлению документа.

Документы, представляющие собой законодательную, правоустанавливающую норму, должны содержать все необходимые элементы для адекватной декодировки [Иваненко 2005д]. К сожалению, нередко текст закона имеет варианты осмысления, обусловленные использованием слов с очень неконкретной семантикой. Так, в соответствии со ст. 152 ГК РФ, порочащими считаются *«не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно – хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица»* (ст.152 ГК РФ). При рассмотрении дел по этой статье возникает целый ряд вопросов: что считать нечестным поступком и неправильным поведением? что считать утверждением? любое ли сообщение может быть проверено на предмет соответствия действительности?

Таким образом, анализ конкретного материала – текстов документов, вызвавших правовой конфликт – позволяет говорить о приоритетности такого качества правового текста, как однозначность. Адекватное выполнение юридически значимым текстом своей функции зависит в значительной мере от лингвистически грамотного оформления текста и столь же грамотного его прочтения.

Язык как объект права

Язык, воплощенный в речи – мощнейшее средство формирования действительности. Все реальные, практические действия берут начало в сфере речевой коммуникации. В начале было слово. В силу осознания государством значимости вербального оформления действительности, речевая деятельность регулируется законодательно. В этих случаях язык становится объектом права. Конкретное содержание и практическая реализация законов, определяющих жизнь языка и речевую практику, зависит от типа государства, характера и особенностей государственного устройства и политической системы.

Все разнообразие «языковых законов» можно охватить двумя антагонистичными типами: нормы, предоставляющие речевую свободу и нормы, ограничивающие речевую свободу. В России разрешительная норма представлена единой, универсальной и недискретной декларацией свободы слова. Запретительная норма представлена целым рядом положений из Гражданского и Уголовного кодексов РФ. Сказанное не содержит никакой иронии относительно преобладания запретов, а всего лишь отражает общую тенденцию к обобщенности разрешения и конкретности запрета. Закон о СМИ и Закон о рекламе представляет правовую норму в сфере информационного регулирования в обеих этих ипостасях.

Регулирование языковых норм (реформы языка)

Правовая норма регулирует норму языковую даже в сфере, казалось бы, отвлеченной от государственной политики. На обозримом протяжении существования нашего государства известна не одна реформа языка, инициированная правительством. Цель таких реформ – упрощение и единообразие языка, приведение в соответствие устной речевой практики ее письменному выражению, уничтожение речевой дифференциации как отражения социальной, ознаменованное новым этапом в жизни общества.

Последствия одних реформ в сфере языка в силу частного характера затрагиваемых норм оказываются незначительными и не имеют заметных социально-политических последствий. Другие реформы имеют ярко выраженную социальную направленность. Так, в декабре 1919 года Московское лингвистическое общество получило письмо из научного отдела Народного комиссариата просвещения с предложением ввести «латинский шрифт для всех народностей, населяющих территорию Республики...как существенное средство для укрепления международных культурных связей». Лингвисты, признав, что «с научной точки зрения нет противопоказаний для применения с известными изменениями латинского алфавита вместо обычного русского шрифта», усомнились в целесообразности такой реформы, приводящей к разрыву с традициями русской культуры. Мнение лингвистов было учтено, и радикальная реформа не состоялась.

Гораздо менее претенциозная, но реально воплощенная реформа 1918 года, помимо упрощения орфографии, привела и к возникновению еще одной границы «до» и «после» – в сфере словесного творчества. Новая орфография символизировала новую жизнь, и сохранение дореформенной орфографии было знаковым. Так, И.А. Бунин до самой своей смерти намеренно и демонстративно писал в соответствии со старыми

нормами: в эмиграции он имел такую возможность, в СССР его произведения, конечно же, подвергались корректировке и лишались дополнительной знаковости.

Количество и степень радикальности языковых реформ отражает национальный менталитет и правовую систему государства. При признании определенной полезности и необходимости реформ бесполезно осознать, что современный англичанин способен понять текст Шекспира, а современный россиянин с трудом может читать произведения 19 века, а надежды на адекватное понимание текстов 16, 17, даже 18 веков почти нет.

Таким образом, право определяет динамику нормы языка, а динамика нормы языка отражает социально-политические цели государства.

Закон о государственном языке

Язык – наиболее яркое, пожалуй, проявление национальной культуры как показателя национальной определенности: наличие своего языка свидетельствует о самом факте существования нации, различие языков стопроцентно указывает на национальную дифференциацию, сходство же языков заставляет задуматься об общности национальных корней, о длительности исторического функционирования в качестве единого государственного образования. Языковая политика является зримой проекцией политики национальной.

Языковая политика государства наиболее полно отражается в Законе о государственном языке. Ключевым положением такого закона является придание статуса государственного одному или нескольким языкам. Однако не менее существенны вопросы, связанные со статусом языков, не утвержденных в качестве государственных, и положением их носителей: каковы возможности и границы применения государственного и негосударственных языков? имеют ли возможность носители негосударственного языка сохранять свою этнокультурную специфичность и в каких формах имеют право ее проявлять? каковы возможности получения образования у носителей негосударственного языка?

Решение поставленных вопросов в государствах бывшего СССР является мощным конфликтогенным фактором, вносящим конфронтацию в общество. Так, законодательно введенные в Латвии экзамены по латвийскому языку как необходимое условие получения гражданства, проигнорированы значительной частью русскоязычного населения, воспринявшего это положение как ущемление своих прав. Массовые возмущения вызвало в Украине и странах Прибалтики ограничение

возможностей получать образование на русском языке, по исторически сложившимся причинам чрезвычайно значимом в культурном пространстве этих государств.

Правовое разрешение информационного конфликта

Социальные изменения последнего десятилетия в России повлекли за собой информационную революцию, к последствиям которой не готово ни сознание реципиентов, ни правовая система. Политическая борьба партий и их лидеров, экономическая конкуренция предприятий, любое противостояние идей и концепций как сугубо практического так и отвлеченно-эстетического характера – все это так или иначе отражается в средствах массовой информации. К сожалению, в настоящий момент приходится констатировать несформированность национальной информационной культуры, что подтверждается увеличением количества информационных конфликтов, разрешаемых в судебном порядке.

Информационным мы называем любой конфликт, возникший в результате распространения какой-либо информации. Термин «информация» в данном случае имеет самое широкое и обобщенное значение и обозначает любое новое знание или псевдознание объективного или субъективного характера. Любое произведение речи может стать причиной конфликта и объектом разнонаправленных интересов. Как правило, правовым путем разрешаются речевые конфликты, возникшие в результате распространения информации в СМИ, хотя существенно участились обращения в суд, вызванные речевым конфликтом частного характера.

Назовем основные группы информационных речевых правонарушений [Иваненко 2006д]: умаление чести, достоинства, деловой репутации (распространение порочащих сведений, клевета, оскорбление), нарушение авторских прав (плагиат, искажение авторского текста, использование товарного знака, фирменного наименования), экстремизм.

Умаление чести и достоинства и нарушение авторских прав – конфликты, представляющие противоборство физических и юридических лиц. Распространение экстремистских материалов – конфликт, в котором одной стороной является государство.

Правовая система не готова к рассмотрению новой для нее сферы, долгие десятилетия находившей лишь формальное отражение в правовых документах и не разрабатываемой на практике. Несовершенство юридического инструментария при рассмотрении дел этого типа проявляется в некорректности формулировок правовых документов, исключающих четкое единообразное понимание и, следовательно,

порождающих субъективизм в судебных разбирательствах. Объективации судопроизводства в обозначенной сфере препятствуют многие факторы: нетождественное использование ключевых понятий, отсутствие критериев классификационных категорий, определяющих правовые последствия процесса.

Речевое деяние лежит в основе целого ряда преступлений.

Речевым информационным преступлением по форме и по содержанию является дача заведомо ложных показаний. В данном случае именно содержание речи является предметом преступления, и именно лингвистический анализ логико-семантического характера является основой его выявления. Практика по этому вопросу почти отсутствует, и тема ждет своих исследователей.

Уголовно наказуемо ложное сообщение о теракте, ложный вызов какой-либо государственной службы. В этих случаях содержание речи не имеет существенного значения, текст можно заменить абстрактным знаковым сигналом, поэтому речевыми эти преступления можно назвать с известной долей условности. Однако при раскрытии таких преступлений лингвистический инструментарий может быть использован для определения по звучащему тексту характеристик говорящего. На настоящий момент разработаны методики, позволяющие с высокой степенью достоверности определить биолого-физиологические и социально-культурные свойства автора аудиотекста.

К информационным можно отнести такие виды преступления, как разглашение государственной тайны, разглашение сведений о частной жизни лиц, известных в связи с профессиональной деятельностью, например тайны усыновления. Речетворчество правонарушителя в таких случаях всего лишь возможно, но не обязательно. Форма распространения сведений гораздо менее существенна, а в некоторых случаях и несущественна, в отличие от самого факта распространения. С появлением электронной сети появился новый тип информационного преступления – компьютерное. Хотя новой является только форма преступления, средство его реализации, цель и сущность его стары как мир. База данных вскрывается с целью получить информацию и использовать ее в корыстных целях. Эти преступления логично охарактеризовать как информационные, но вряд ли допустимо как речевые. Это свидетельствует о том, что понятие информации шире понятия речевой информации. Нас же в этом материале интересует именно сфера пересечения лингвистики и юриспруденции.

Язык как средство реализации права

Язык является не только истоком и объектом права, но и средством его реализации. Средством решения юридических задач может быть не только язык как знаковая система, но и лингвистика как наука о языке, в частности его прагматических возможностях.

Речевая коммуникация в сфере права

Юриспруденция – гуманитарная дисциплина, и от владения языком участниками процесса в значительной степени зависит его исход. Одно из направлений юрислингвистики изучает языковое поведение сторон перед судом. Это широкое направление исследований включает, в частности, вопросы риторики, стилистики, лингвистики текста, а также различные чисто языковые аспекты, например, социальные и диалектные различия в языковом поведении участников коммуникации.

Юридическая аргументация, имеющая не исключительно лингвистическую природу, основанная на законах логики, связанная с положениями философии, отталкивающаяся, естественно, от собственно правовых категорий, полное свое выражение находит все же в языковых формулировках, неточность которых уничтожает в свете практического результата ценность всех скрытых этапов осмысления ситуации. Нуждается в разработке направление юрислингвистики, изучающее способы и возможности выражения юридических аргументов средствами естественного языка с учётом его многозначности, вариантности и неопределённости. Юридическая логика рассматривается тем самым через призму возможностей и свойств языка.

Лингвистические приемы расследования

Отчасти к сфере речевой коммуникации относятся и лингвистические приемы расследования, однако сущность их прагматической направленности позволяет придать самостоятельный статус этому научному направлению. Следственная процедура включает в качестве одного из компонентов, и весьма существенных, допрос свидетелей, обвиняемых, потерпевших. Получение достоверной, точной и по возможности максимально полной информации зависит от общих речевых навыков следователя и от специфических профессиональных умений, технических приёмов расследования, имеющих лингвистическую природу. Изучение и разработка таких приемов основываются не только на лингвистическом инструментарии, но и на психологическом, и этнокультурном, и даже физиологическом. Объединение сведений из различных научных дисциплин с целью разработки новых, эффективных в

современных условиях (меняется социум, меняется человек и его психология) методов ведения следствия – актуальная потребность правовой системы.

Лингвистическая экспертиза

В тех случаях, когда объектом судебного разбирательства является текст как произведение речи и правовое разрешение ситуации требует анализа текста, неизбежно возникает потребность в привлечении специальных познаний из области лингвистики. Судебные лингвистические экспертизы (в случае назначения судом) или заключения (представленные одной из сторон) на основании предмета рассмотрения можно разделить на несколько групп: семантическая (установление смысла), автороведческая (установление авторства), определение сходства наименований (товарных знаков). Иные виды лингвистических экспертиз, не перечисленные в настоящем списке, либо не являются судебными, либо не относятся к строго лингвистическим по методам исследования (реконструирующая – восстанавливает утраченные надписи, графологическая, фоноскопическая – определяют авторство по почерку или физическим показателям звучащей речи, психолингвистическая – устанавливает по характеру речи психологический тип и состояние автора).

Методы автороведческой экспертизы, служащей цели определения авторства спорного текста, имеют историю и разработаны лучше, чем методы семантической экспертизы. Однако произошедшие в современной речевой практике сдвиги в стилистической норме, наблюдающаяся функционально-стилистическая универсализация, деиндивидуализация речи, особенно публицистической, а также популяризация приемов стилизации – все это усложняет процедуру авторизации и требует разработки более тонкого инструментария. Так, известны автороведческие экспертизы, основанные на анализе не только одного языкового уровня, как правило, лексического, но и одного его пласта, например, вводных слов. Не исключая возможности объективного разрешения проблемы при таком подходе, предположим, что велика вероятность ошибки, поскольку в журналистской практике качественный набор и частотность вводных элементов, как показал анализ, примерно идентичны у различных авторов.

Лингвистическая экспертиза по установлению тождества или сходства до степени смешения фирменных наименований зиждется на весьма шатком фундаменте патентоведческой теории, не разъясняющей критерии «сходства до степени смешения». Разработка методики экспертизы такого типа – перспектива исследователей в сфере юрислингвистики.

Семантическая экспертиза преследует цель выявить смысл конфликтного текста, его лингвистическую стратегию и тактику, стилистическую форму воплощения. Семантическая экспертиза востребована при разрешении различных типов информационных конфликтов: при распространении порочащих сведений, клевете, оскорблении, экстремизме. Характер и структура экспертиз зависят от типа разрешаемой проблемы, однако общей является семантическая направленность лингвистического исследования. Методика семантической экспертизы на настоящий момент не может считаться разработанной, хотя первые шаги уже делаются [Кондрашова 2006]. Правовые категории требуют соотнесения с лингвистическими. Так, например, содержание понятия «порочащий» в общеправовом языке отличается от правового. Требования юридической системы к лингвисту-эксперту при определении «неприличной формы выражения» совершенно не обеспечены лингвистическим инструментарием, поскольку такой термин в филологии отсутствует. Нет ясности в вопросе дифференциации сведений на фактуальные (событийные, описательные) и оценочные (мнения, оценки, прогнозы). При кажущейся внешней прозрачности эта проблема вновь и вновь возникает в конкретных судебных разбирательствах и, будучи концептуально значимой, нуждается в глубоком и всестороннем теоретическом обосновании. Выработкой совместной лингво-юридической терминологии, соотнесением понятий, разработкой методик лингвистического анализа текста применительно к определенным типам процессов (опорочение, клевета, оскорбление) занимается современная юрислингвистика, в том числе автор настоящей монографии.

Лингвистическая экспертиза семантического типа может быть направлена и на собственно правовой текст, ставший причиной разногласий сторон. Различное толкование закона либо другого юридически значимого текста (завещания, доверенности) требует четкого, аргументированного анализа. Анализ правовых документов опирается на разработанное в теории права учение о толковании закона, определяющее его виды, способы, приемы, среди которых на первое место традиционно и вполне оправданно выносятся так называемое грамматическое толкование как совокупность методов анализа речевых форм законодательного текста.

Юридическая семантика – одно из интереснейших направлений юрислингвистики, область, берущая своё начало в классической юридической герменевтике и впитавшая на пути своего развития современные идеи философии, а затем и новые направления и методы лингвистики.

Обзор проблем, связанных с юрислингвистической экспертизой, показал, что в этой сфере на настоящий момент больше вопросов, чем ответов.

В заключение отметим, что взаимодействие языка и права наблюдается в трех плоскостях: в науке, в юридической практике, в юридическом образовании. Юридическая практика объективно востребовала исследования, осуществляющие лингвистическое обеспечение права, а также показала необходимость подготовки юриста, владеющего естественным языком как своим основным инструментом и имеющего общие представления о лингвистических аспектах юриспруденции.

В предисловии мы сделали обзор многообразных сфер пересечения языка и права. В предлагаемой читателю монографии рассматривается один из актуальных вопросов юрислингвистики – содержание и сущность семантической лингвистической экспертизы в процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации.

ВВЕДЕНИЕ

Социальные изменения последнего десятилетия в России повлекли за собой информационную революцию, к последствиям которой не готово ни сознание реципиентов, ни правовая система. **Актуальность** разрабатываемой темы обусловлена, с одной стороны, увеличением количества информационных конфликтов, с другой стороны, несовершенством юридического инструментария, исключающего четкое единообразное понимание правовых документов и, следовательно, порождающего субъективизм в судебных разбирательствах о защите нематериальных благ физических и юридических лиц. В правовом поле невозможно найти ответы на вопросы, имеющие лингвистическую природу, например, к таким вопросам относятся критерии определения информационной природы высказывания (фактуальной или оценочной), различия «приличной» и «неприличной» формы выражения мнения, относящиеся к компетенции лингвиста. Однако и уже имеющиеся научные знания из различных лингвистических дисциплин не могут быть механически перенесены в юридическую практику: необходимо соотнесение терминологии двух наук, определение принципов и методов лингвистической экспертизы. Участие в судебных процессах показало востребованность судебной практикой результатов лингвопрагматического исследования в юриспруденции.

Цель настоящего исследования – сформировать концепцию лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, определить основные классификационные понятия, на основе анализа конкретного материала назвать их признаки, предложить теоретическую основу лингвистического анализа в обозначенной сфере юриспруденции.

Научная новизна поставленной цели заключается в том, что предпринимается попытка выработать концепцию анализа текста, служащую целям объективации судопроизводства в конкретной сфере и принципиально отличную по своим целям от известных взглядов на анализ, например, художественного текста.

Теоретическое значение исследования заключается в попытке создать и обосновать концепцию лингвистической экспертизы в процессах по защите чести и достоинства как типа лингвистического исследования, что обогатит теоретическую базу двух наук: правоведения и лингвистики. Вырабатывается взгляд на судебную лингвистическую экспертизу по процессам о защите чести, достоинства, деловой

репутации как на особый вид научного лингвистического исследования со своими специфическими целью, задачами, объектом, предметом рассмотрения.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в судопроизводстве. В работе предлагается конкретная структура лингвистической экспертизы определенного типа, включающая необходимые компоненты лингвистического исследования, место и роль которых в едином целом обосновываются. Обозначаются возможности и границы применения лингвистического инструментария при разрешении информационного конфликта.

Предлагаемые методы и подходы

Теоретическая база исследования, в силу его специфики, бинарна и включает научный инструментарий двух дисциплин: юриспруденции и лингвистики.

Анализ правовых документов опирается на разработанное в теории права учение о *толковании закона*, определяющее его виды, способы, приемы, среди которых на первое место традиционно и вполне оправданно выносятся так называемое *грамматическое* толкование как совокупность методов анализа речевых форм законодательного текста.

Лингвистической теоретической базой исследования является, прежде всего, *теория речевых актов*, которая позволит рассмотреть компоненты пресуппозиции и средства их реализации в структуре текста при определении авторской мотивации.

Учение о *подтексте* лежит в основе выявления системы средств формирования порочащей информации, оскорбительного смысла.

Лингвистическая *теория модальности* в применении к конфликтным текстам является основой определения заложенной в тексте авторской оценки, отношения, а продолжающее развиваться в современном языкознании понимание реальной и нереальной модальности даст возможность выявить критерии классификации информации на фактуальную и оценочную, от чего будут зависеть правовые последствия для ответчика и истца.

Научные сведения о *стилистической окрашенности* лексем, о понятиях нормативности и ненормативности, стилистической сниженности, обценности, табуированности, будучи соотнесенными с понятием инвективности (оскорбительности), наполнят конкретным смыслом весьма абстрактные юридические понятия «неприличной формы» и «формы, противоречащей общепринятым нормам общения» и позволят предложить и судам, и СМИ критерии этой «неприличности».

Разработка теоретических положений методики опирается на *анализ конкретного языкового материала – текстов*, подлежащих судебному рассмотрению. Автор проекта привлекался в качестве лингвиста-эксперта к 29-ти судебным разбирательствам, и анализ возникающих в их ходе вопросов и противоречий определяет ключевые положения разрабатываемой методики и основные этапы работы.

Обзор научной литературы

Юрислингвистика – молодая научная дисциплина, делающая первые шаги. Лингвистическая экспертиза – одно из ее направлений, проявляющееся на настоящий момент как реальная практика, но не имеющее убедительной теоретической базы. Предвидим возможные возражения относительно необходимости специальной разработки этой предметной сферы, обусловленные представлением о том, что весь арсенал лингвистических знаний является базой для лингвистов, выполняющих исследование в сфере юриспруденции.

С одной стороны, действительно, вся лингвистическая теория может быть применена в тех или иных случаях при осуществлении анализа конфликтного текста. С другой стороны, принципиально важно осознавать, какую теорию когда применять, и для этого недостаточно самых обширных лингвистических познаний, для этого требуется осмысление правовых категорий и соотнесение с ними лингвистических, что и должна дать теория лингвистической экспертизы, на настоящий момент находящаяся в зародыше.

Так, лингвист, не осознающий правовой сущности понятия «клевета», делает прекрасный стилистический анализ текста и доказывает, что он наносит ущерб репутации истца, делая в конце вывод о наличии клеветы, то есть признавая уголовно наказуемое деяние, не учитывая принципиально значимых факторов и осуществляя таким образом подмену понятий. Появившиеся в 90-е годы в России информационные конфликты, разрешаемые в судебном порядке, показали необходимость объективации лингвистической экспертизы. Изучение обозначенной проблемы имеет столь недавнюю историю, что на данный момент не только не найдены пути ее решения, но и не поставлены все вопросы. Предлагаемое исследование обозначает эти вопросы и намечает пути их решения.

Проблема эта имеет национальный характер, поскольку вытекает из особенностей Российского законодательства, поэтому труды зарубежных авторов могут быть использованы только в качестве общетеоретической основы. Так, неизбежно

обращение к положениям лингвопрагматики Дж.Л.Остина и Т.А. ван Дейка и к «философии подмены».М.А. Блюменкранца.

Специфика объекта изучения предполагает опору на результаты исследований во многих сферах лингвистики: лексики и фразеологии, семасиологии, культуры речи, теории речевых актов,- однако собственно проблеме создания методики лингвистического подхода к делам о защите чести и достоинства посвящены единичные работы.

Юридический аспект обозначенной проблемы разработан А.Л. Анисимовым в монографии «Честь, достоинство, деловая репутация, гражданско-правовая защита» [Анисимов 1994] и А.М.Эрделевским в работе «Компенсация морального вреда» [Эрделевский 1996]. В названных работах перечислены основные проблемы, возникающие в ходе процессов по защите чести и достоинства, дана правовая характеристика ключевых понятий. Предложенные А.М.Эрделевским вопросы, адресованные лингвисту, легли в основу нашей схемы лингвистической экспертизы. Но поскольку объектом рассмотрения является текст, закономерным является поиск направленных на решение правовой задачи лингвистических подходов.

Попытку реализовать такой подход предпринял коллектив лингвистов под руководством проф. Леонтьева в работе [Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ 1997] . Это единственное исследование лингвистических категорий применительно к правовым понятиям, положившее начало «юридической герменевтике». Невозможно переоценить роль этого труда в лингвоправовом поле: обозначены правовые формулировки, порождающие противоречивую судебную практику, намечены задачи в обозначенной сфере и пути их решения. Тщательно разработана тема «обсценной» (оскорбительной) лексики, рассмотрено соотношение понятий «факт», «событие», «оценка» и др. Однако исследование проведено практически без опоры на конкретный языковой материал, что придает многим научным положениям статус гипотез и превращает работу в теоретическое обоснование дальнейших лингвистических изысканий. Научный редактор проф. А.Р. Ратинов говорит о «необходимости дальнейшего обсуждения представленного материала, развития высказанных идей и решения дискуссионных вопросов». Собранный нами материал позволит подтвердить одни тезисы этой работы и оспорить другие, в частности систему рассматриваемых лингвистом в ходе экспертизы аспектов анализа.

Монография же [Цена слова 2002], напротив, представляет собой подборку лингвистических экспертиз с комментариями – бесценный материал для дальнейших исследований. Анализ экспертиз, выполненных различными авторами, привел к выводу об отсутствии единого научно обоснованного подхода к вопросам обозначенного круга.

Алтайская «Ассоциация лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис» под руководством Н.Д. Голева вносит значительный вклад в развитие юрислингвистики, в частности интересующего нас направления, на протяжении многих лет издавая сборник научных трудов «Юрислингвистика». Однако на настоящий момент мы имеем дело с отдельными статьями по частным вопросам, целостное представление о цели, концепции, структуре и методологии лингвистической экспертизы, о ее возможностях и границах на настоящий момент отсутствует.

Итак, как видно из приведенного обзора литературы, рассматриваемая тема находится в начальной стадии разработки, а проявляемый к ней исследовательский интерес реализуется появлением первых «предконцепций», имеющих дискуссионный характер.

ГЛАВА I. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ОСОБЫЙ ВИД НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Объекты правовой защиты: честь, достоинство, деловая репутация

Объектом правовой защиты в рассматриваемых процессах являются **честь, достоинство и деловая репутация**. Без четкого осознания содержания защищаемых нематериальных благ невозможно установить, подверглись ли они противоправному умалению. Однако определения обозначенных понятий законодатель не дает. Поэтому в ходе исследования рассматриваемых категорий подверглись анализу общеязыковые значения слов, восприятие лексем носителями языка, а также уже имеющиеся юридические и юрислингвистические определения.

Честь, в соответствии со словарем В.Даля [Даль 1989], отражающем хотя и несколько отдаленные во времени представления об этой нравственно-этической категории, но все же попадающие в условно очерченные границы «современного русского языка» – это «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть». Честь и достоинство воспринимаются в этом контексте как синонимы. Устраняется эта синонимия и конкретизируется понятие чести в «Словаре русского языка» [С.И.Ожегов под ред. Н.Ю.Шведовой 1990]. По данным словаря, слово «честь» имеет несколько значений:

- 1) достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы;
- 2) хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя;
- 3) целомудрие, непорочность;
- 4) почет, уважение.

Первое и третье значения связывают честь с собственно качествами лица, а второе и четвертое – с их восприятием окружающими. Однако реальные употребления слова «честь» позволяют скорректировать его восприятие, во всяком случае, в современной языковой ситуации. Анализ конкретного языкового материала – употреблений слова «честь» – показал, что современные носители языка связывают рассматриваемую категорию прежде всего не с внутренней самооценкой, а с внешним восприятием личности другими людьми. «*Эти сведения умаляют мою честь*», «*Вы опорочили мою честь*» – эти употребления свидетельствуют о том, что говорящий воспринимает честь как общественную оценку своей личности. Очевидно, что

несправедливое обвинение не может умалить человека в своих собственных глазах, заставить его меньше уважать себя.

Но даже если слово «честь» и может означать наличие высокой самооценки, самоуважение личности, в контексте процессов о защите чести и достоинства это значение слова не сможет реализоваться, поскольку объективные качества лица не зависят от распространенных сведений. Порочащими в юридическом смысле признаются только **распространенные** сведения, т.е. сообщенные кому – либо, помимо самого истца. Законодатель признает возможность умаления чести только как результат изменения общественного отношения к истцу.

Попытку дифференциации понятий «честь» и «достоинство» предприняли авторы работы [Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации 1997, с.33]: «...понятие достоинства включает в себя сознание человеком своей абстрактной и конкретно-социальной ценности, а также ценности социальных групп, в которые он входит...Нельзя унижить человека в его собственных глазах. Поэтому правильнее было бы говорить не об «унижении чести и достоинства», а об «унижении чести и умалении достоинства». Развивается мысль о дифференциации рассматриваемых понятий во втором издании [Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами 2004, с.35]: «В целом если трактовать честь как честь-2, т.е. как общественное мнение о положительных качествах человека, то достоинство есть положительное мнение человека о самом себе как отражение его социальной оценки. Дискредитация человека в общественном мнении и есть «унижение чести». Но можно ли дискредитировать человека в его собственных глазах? Думается, именно поэтому в Конституции РФ говорится об «умалении»: законодатель, по-видимому, имеет в виду такое воздействие на общественное мнение, которое противоречит достоинству личности как ее неотъемлемому праву».

Поддерживая заданную логику размышления, пойдем дальше. Если достоинство – это самооценка, выработанная внутренней шкалой ценностей, не определяемая социумом, то естественно предположить, что никакая порочащая информация не может эту самооценку умалить или унижить. Умалить и унижить можно честь как отражение общественного признания. Значит, порочащие сведения наносят удар по чести человека. Достоинство же страдает при оскорблении, которое связано прежде всего с ощущениями самого оскорбленного, независимо от общественного мнения по поводу конфликта. Закономерно, что для признания оскорбления наличие

свидетелей существенно только как доказательный фактор, если же есть другие средства доказательства: аудио- или видеозапись, письменный носитель информации – наличие свидетелей становится несущественным для признания оскорбления, поскольку присутствие третьих лиц, то есть распространение оскорбления, не является основным квалификационным признаком, хотя и признается отягчающим. То есть оскорбление, в отличие от опорочения, влияет не на социальный статус личности, а собственно на нравственное самочувствие человека.

Во всех рассмотренных нами юридических и юрислингвистических определениях **чести** присутствует указание на социальный характер этой категории. **Честь** – это отраженная в общественном сознании заведомо положительная (во всяком случае не отрицательная) оценка чьих-либо личностных качеств. Унижение чести заключается в дискредитации этих качеств в общественном мнении. Независимо от реального отношения общества, каждый гражданин, в соответствии с правовыми документами, априори обладает честью, что отражено в комментарии к ГК РФ: «При защите чести и достоинства действует презумпция, согласно которой распространяемые порочащие сведения считаются не соответствующими действительности. Это означает, что доказывать правдивость таких сведений должен тот, кто их распространил».

Достоинство, как и **честь**, включается законодателем в число нематериальных прав личности: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» (Конституция РФ, ст.21, ч.1). По [Анисимов 1994], достоинство – это «самооценка личности, основанная на ее оценке обществом». Лексема **«достоинство»** в качестве правовой категории употребляется, как правило, как синоним понятия «честь». Однако проведенный анализ употреблений слова показал, что современные носители языка дифференцируют эти понятия. Частотно употребление слова «достоинство» в словосочетании «чувство собственного достоинства», в то время как употребления в таком контексте слова «честь» не зафиксированы. Это можно объяснить лишь тем, что достоинство воспринимается как чувство, а честь – как статус. Честь связана с общественным признанием личности, а достоинство является самооощущением, признанием собственной ценности.

Понимание носителями языка понятия «достоинство» отражено в словарях, отражающих общенациональную норму: «Достоинство – уважение лицом своих положительных качеств в собственном сознании» [Ожегов, Шведова 1990]. Личностный характер достоинства подчеркивается также определением: «Достоинство

– сопровождающееся положительной оценкой лица отражение его качеств в собственном сознании» [Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы 2004, с.24]. Однако и самому человеку, и окружающим трудно определить, насколько положительна чья-либо самооценка, какие качества и как оценивает человек в себе, поэтому более логично, на наш взгляд, говорить о достоинстве как о личностной ценности вообще, независимо от субъективно-психологических и социально-политических факторов, о ценности личности, признаваемой априори. Это положение представляется существенным, поскольку в судебной практике известны случаи отрицания возможности оскорбления лица по той причине, что «у него нет достоинства».

Так, адвокат журналиста доказывал, что публицистический материал, содержащий негативные и недоказанные (следовательно, возможно, не соответствующие действительности) сведения о лице не могут навредить его и без того плохой репутации. Такой подход представляется несистемным, нелогичным, и о нем можно было бы не говорить, если бы он не приобретал все большей популярности, несмотря на явно аморфную доказательную базу.

Многогранность реализации личности обуславливает многоаспектность реализации чувства собственного достоинства. Можно говорить о личном, человеческом достоинстве, национальном достоинстве, профессиональном. Таким образом, **достоинство** – это ощущение ценности собственной личности в различных ее проявлениях: человеческом (нравственно-этическом), национальном, профессиональном, религиозном. Достоинство личности ущемляется оскорблением.

Деловая репутация. С понятиями чести и достоинства органично связано понятие «**деловая репутация**». Выясним общезыковое значение словосочетания. В соответствии с данными словарей, репутация – это приобретаемая кем-нибудь или чем-нибудь общественная оценка, общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-нибудь или чего-нибудь, деловая – относящаяся к общественной, служебной деятельности, к работе [Ожегов, Шведова 1996]. Как следует из определений, деловая репутация представляет собой оценку обществом социально значимой деятельности лица. Социальный характер оценки сближает понятия чести и деловой репутации. Различия заключаются в объекте такой оценки. Честь предполагает оценку обществом нравственно-этических качеств, а деловая репутация – деловых, связанных с общественной деятельностью.

По словам М.Н. Малеиной, под деловой репутацией следует понимать совокупность качеств и оценок, «с которыми их носитель ассоциируется в глазах своих контрагентов, клиентов, потребителей, коллег по работе, поклонников (для шоу-бизнеса), избирателей (для выборных должностей) и персонифицируется среди других профессионалов в этой области» [Малеина 1998].

Однако оценка чьей-либо социально значимой деятельности может быть положительной и отрицательной, или находиться в промежутке между этими полюсами. Поэтому следует признать, что общезыковое понимание деловой репутации отличается от юридического, о чем следует помнить лингвисту-эксперту. То или иное благо в юридическом аспекте интересно в свете защиты его от возможного умаления. Поэтому при рассмотрении дел интересующего нас типа значимым является не качество объективной репутации истца, а возможность его ухудшения в результате распространения порочащих сведений.

Кто же является субъектом защиты в процессах о защите чести, достоинства и деловой репутации? Это один из наиболее актуальных вопросов юрислингвистики. Может ли частное лицо обладать деловой репутацией? Имеет ли право организация требовать защиту своей чести и достоинства? Как соотносены деловая репутация предприятия (организации) и личные честь и достоинство его работников? Решение всех этих вопросов далеко не очевидно, в юридическом поле они не определены в силу отсутствия конкретных законодательных определений, в связи с чем лингвистический аспект их трактовки играет не последнюю роль.

Компилируем сказанное по обозначенному поводу юристами и соотнесем с лингвистическим пониманием рассматриваемых понятий. Все юридические исследования приходят к выводу о том, что физическое лицо имеет право требовать защиты чести, достоинства и деловой репутации.

Однако проведенный анализ использования категории деловой репутации показал, что на практике известны случаи отказа частному лицу в возбуждении дела о защите деловой репутации. Отказ в таком случае мотивирован пониманием деловой репутации как репутации в сфере коммерческой деятельности. Так, депутату городской Думы отказали в праве защищать свою деловую репутацию, которой, как было сказано, «не может быть у лица, не имеющего права заниматься коммерческой деятельностью».

Подмена понятий осуществилась по той причине, что слово «деловой» действительно неоднозначно, и в современной языковой ситуации продуктивно реализуется значение «коммерческий». Однако и первое значение, указанное выше,

обозначающее любую общественно значимую деятельность, актуально. Именно оно и лежит в основе правовых документов, что следует из логических исследований юристов. То есть общеязыковое понимание понятия «деловая репутация» двузначно и не тождественно юридическому, однозначному. В то же время лингвистическое и юридическое понимание рассматриваемого понятия не противоречат друг другу: юридический термин поглощает оба общеязыковых значения, то есть деловая репутация как правовой термин характеризует отношение к любым общественно значимым видам деятельности, в том числе и к коммерческой деятельности. Это следует учитывать лингвисту – эксперту.

Может ли юридическое лицо быть субъектом защиты чести и достоинства? Как пишет Эрделевский, «юридическое лицо, в отличие от физического, – это искусственная правовая конструкция, не имеющая телесной оболочки и не обладающая ни сознанием, ни психикой». Следовательно, юридическое лицо не способно испытывать эмоции и в том числе моральные страдания. По указанным причинам юридическое лицо не является носителем чести и достоинства как сугубо личностных категорий. Юридическому лицу по этим же причинам не может быть нанесен моральный вред [Эрделевский 1996]. Последнее утверждение является спорным и нуждается в доказательствах юридическими методами.

Таким образом, используемые в процессах исследуемого типа понятия чести, достоинства и деловой репутации объединены на основании их структурной роли в судебном разбирательстве – они являются объектом правового нарушения и, соответственно, объектом правовой защиты. Однако сущность этих категорий различна: честь связана с общественной оценкой личности в различных аспектах, достоинство – с самооценкой, деловая репутация – с общественной оценкой в профессиональной, деловой сфере. В соответствии с правовыми формулировками, ст.152 ГК РФ (опорочение) и ст.129 УК РФ (клевета) защищают честь, достоинство и деловую репутацию, ст. 130 УК РФ защищает только честь и достоинство, но не деловую репутацию.

1.2. Конфликтный дискурс как объект лингвистической экспертизы

Материалом анализа в ходе лингвистической экспертизы является конфликтный текст, содержащий какую-либо информацию об истце. В судебном

разбирательстве нередко недифференцированно используются для обозначения объекта исследования понятия **высказывание, сообщение, суждение, информация**. Определим эти понятия в свете их употребления в судебном процессе. Прекрасно понимая, что каждый из этих терминов достоин рассмотрения в отдельной монографии, ограничим свои претензии попыткой установления их наиболее частотных, типичных, устоявшихся значений, которые наиболее естественно могут лечь в основу единого юрислингвистического аппарата.

Высказывание в лингвистике – наименьшая единица речи, семантически и грамматически целостная, самостоятельная и законченная. В современной лингвистике высказывание, в отличие от предложения – структурно-семантической категории, понимается как категория коммуникативная, отражающая прагматическую направленность речевого акта. В интересующем же нас контексте с некоторой долей условности синонимами можно считать понятия фраза, выражение. Однако для юрислингвистического исследования целостность, самостоятельность и законченность этих языковых единиц весьма относительны. В некоторых случаях объектом исследования может быть и отдельное высказывание (предложение, фраза, выражение), так, обычно этого материала бывает вполне достаточно при разрешении вопроса об оскорблении, которое, как правило, выражается даже меньшей языковой единицей – словом или фразеологизмом. Для выявления же порочащих сведений одного предложения (фразы, выражения, высказывания) бывает обычно недостаточно. Вне более широкого контекста нельзя однозначно ответить ни на один из принципиально важных вопросов:

- 1) относится ли высказывание к истцу?
- 2) какой конкретно смысл оно выражает во взаимодействии с другими высказываниями?
- 3) сообщение это о событии или мнение автора, оценка?

Так, предложение «*В этот день он капитально принял на грудь*» означает лишь, что истец принял алкоголь и был пьян. В контексте же статьи это высказывание приобретает более глубокий смысл, имеющий для истца гораздо более значимые последствия. В тексте сообщается, что истец – вице-губернатор, и в описанный день должен был встречать президента, но по обозначенной причине не смог этого сделать, и его функции выполнял другой человек. Очевидно, что такие сведения представляют истца как человека, пренебрегающего своими служебными обязанностями, не справляющегося с требованиями, предъявляемыми к столь высокой должности.

Приведенный пример доказывает, что лингвисту-эксперту для анализа должно предоставляться не отдельное высказывание (предложение, фраза, выражение), а весь конфликтный текст, который рассматривается лингвистом в дискурсе.

Высказывание или комплекс **высказываний** в гносеологическом аспекте формируют **информацию**. Информация как явление – одно из чрезвычайно значимых в современной жизни, информация как понятие – одно из базовых в процессах о защите чести и достоинства. Полагаем, что лингвистика до сих пор уделяла недостаточное внимание этому явлению, в связи с чем и не выработала четких признаков и критериев этого понятия и не отличила от других смежных. Именно неразличение, смешение или неидентичное понимание пересекающихся в каких-либо аспектах категорий является серьезным конфликтогенным фактором при судебном разрешении информационного конфликта. Так, одна сторона ставит в центр рассмотрения высказывание (предложение, фразу), другая – смысл распространенной информации. Или лингвист-эксперт утверждает, что конфликтные высказывания – это не информация. Что понимает в данном случае филолог под информацией?

Оттолкнемся от общеязыкового значения слова «информация»: 1) сообщение о чем-либо; 2) сведения, являющиеся объектом хранения, переработки и передачи [Современный словарь иностранных слов, с.245].

Очевидно, что понятие *информации* не тождественно понятию *высказывание*. Основное их различие лежит в нетождественности плоскостей рассмотрения. Высказывание – категория лингвистическая, коммуникативно-речевая. Информация – категория нелингвистическая, надлингвистическая, гносеологическая в самом широком смысле. На первый взгляд, *информация* шире *высказывания*, поскольку она не связана исключительно с речью, с вербальным уровнем. Информация может быть выражена различными средствами и соответственно воспринята различными органами чувств: визуально, обонятельно, тактильно, аудически. В судебной практике по делам о защите чести и достоинства средством распространения информации является либо – наиболее типичный вариант – вербальный текст (напечатанный или озвученный), либо – крайне редко – изображение без вербального сопровождения (карикатурное изображение, доказать порочащий или оскорбительный характер которого крайне трудно, даже если персонаж изображен в эсэсовской форме), либо – достаточно часто – изображение с текстовым комментарием.

С другой стороны, *информация* шире *высказывания* только на основании возможных средств выражения. С других позиций информация будет неизмеримо уже

высказывания. Если высказывание предполагает структурно-семантическую целостность, некую внутреннюю завершенность, определяющую наличие выводимого значения и – возможно – смысла, то информация не предполагает никакой целостности и завершенности. Информация может иметь различный объем. И текст, и даже отдельное высказывание может содержать несколько блоков информации. Нельзя не признать, что каждое слово несет в себе определенную информацию. Так, например, в Челябинской области два Мительмана – депутата Законодательного собрания. Употребление только фамилии не позволит осуществить референциальную соотнесенность распространенной информации. И только одно слово – имя или характеристика: «старший»/«младший», либо «отец»/«сын» – устранил амфиболию и выступит в роли носителя необходимой идентификационной информации. Любая однословная характеристика лица, например, «русый», «горбатый», «негр», является новой информацией. Значит, информация не связана с отдельным языковым уровнем.

Анализ и синтез всех лингвистических элементов текста позволяет определить сущность и объем воспринятой реципиентами информации. Природа же этой информации может быть совершенно различной: как формально-событийной, констатирующей, так и субъективной, интеллектуальной или эмоционально-чувственной, оценочной. Информация – это любое сообщение, субъективное или объективное, это все то новое, что от распространителя переходит к реципиенту.

Событийную информацию логичнее охарактеризовать как **сообщение**, хотя в одном из значений это слово может быть синонимом информации. Информация же из разряда мнений и оценок вполне закономерно, на наш взгляд, называется **суждением**, и семантика этого слова гораздо более узкая и многозначности в рассматриваемом аспекте не предполагает. Некоторые лингвисты-эксперты отталкиваются как от очевидного от представления о том, что информация имеет логическую природу и, соответственно, не включает мнения и оценки. В этом понимании информация противопоставлена суждению, выражению отношения. Такой подход, на наш взгляд, существенно запутывает рассмотрение дела по сути и не отражает реально функционирующего в языке значения понятия информация. Разве выражение чьей-либо позиции, чьего-либо мнения, любой другой субъективной категории не является для реципиента новым знанием, увеличивающим, независимо от меры приятия, его информационный багаж, а следовательно, вполне закономерно могущий именоваться **информацией**. Именно в таком, самом широком смысле, мы и будем употреблять

термин **информация** в своей работе и считаем оправданным включение его в этом значении в юрислингвистический терминологический аппарат.

Результатом лингвистического анализа является выявленный **смысл** текста. Конечно, не все аспекты смысла, а только имеющие отношение к судебному разбирательству.

Таким образом, понятия **высказывание, фраза, выражение** соотносятся с понятиями **информация, сообщение, суждение, смысл, значение** как общеметодологические сущности формы и содержания. Первые являются средством выражения вторых. Первые являются материалом анализа, вторые – его результатом.

В свою очередь **сообщение** и **суждение** противопоставлены как реализации диаметрально противоположных в процессах о защите чести, достоинства и деловой репутации категорий событийности и оценочности. Мнения, оценки, выраженные в определенных **суждениях**, не подлежат проверке в силу своей субъективности и потому априори не могут быть признаны порочащими. Событийная информация (фактуальная) выражена **сообщениями** о конкретных поступках лица, осуществленных в определенном месте в определенное время, может быть проверена на предмет соответствия действительности и в случае недоказанности признана порочащей.

Понятия **смысл** и **значение**, как и **информация**, противостоят всем остальным рассматриваемым понятиям как внеязыковые сущности языковым. Конечный итог анализа языковых элементов – выявление их значений, в комплексе с пресуппозитивными знаниями формирующих **смысл** информации.

Это положение имеет принципиальный характер, поскольку на настоящий момент преобладает практика выявления в процессах, объектом профессионального рассмотрения в которых является текст, формальной структуры текста, а не его смысла. Но лингвистическая экспертиза, как нам представляется, как вид научного исследования оправдана в том случае, если преследует цель вывести из совокупности высказываний сущность информации, воспринятой читателями (слушателями), то есть смысл. Прямо выраженный смысл очевиден и без лингвиста, и без специальных методов декодировки информации и выведения подтекста. Цель филолога – специальными лингвистическими методами определить типовое восприятие текста и убедительно доказать, что заданный комплекс языковых элементов, с учетом композиции, графических изображений, сопровождающих текст, пресуппозитивных знаний реципиентов определяет именно такой, а не иной смысл. В делах об опорочении истца интересуется не формальное наличие или отсутствие какой-либо

фразы, а ее реальный смысл, воспринятый массовым читателем. Такой смысл часто содержится в подтексте. Для выявления подтекста, для экспликации имплицитного необходим анализ всей текстовой структуры, а во многих случаях – всего конфликтного дискурса.

Дискурс мы понимаем как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их создания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990]. Дискурс в этом смысле – это речь в контексте жизненных реалий.

Поскольку сужение объекта исследования может привести к необъективным выводам, именно дискурс должен служить объектом лингвистической экспертизы при разрешении информационного конфликта.

К сожалению, лингвисту – эксперту нередко задают вопрос: *«Содержится ли в тексте высказывание о том, что...?»* Лингвист вынужден ответить, что такое высказывание в тексте отсутствует. Приведенная постановка вопроса не способствует объективации судопроизводства, так как усмотренный истцом смысл действительно был воспринят читателями.

Для демонстрации высказанного положения приведем пример текста, смысл которого выражен не прямо, а подтекстом. Ответчики отрицают наличие порочащего смысла.

«Вот и растрезвонили близкие к Головлеву и примкнувшему к нему депутату Юревичу СМИ о том, что Галкина недавно даже избili якобы по политическим мотивам. Знающие люди лишь усмеваются и пытаются угадать: сколько долларов заплатили Герману за пару синяков? Вся эта шумиха, думается, рассчитана на людей с не критическим мышлением ...»

Текст формирует у читателя представление, что избивание Г.Галкина было фиктивным, намеренно спланированным и оплаченным. Такой смысл создается следующими средствами.

Во-первых, слово «растрезвонить» имеет значение «широко разгласить какие-либо слухи, сплетни».

Во-вторых, частица «якобы» выражает неверие автора в правдивость информации, содержащейся в придаточном предложении.

В-третьих, используя отсылку к «знающим людям», автор самим характеризующим прилагательным «знающие» выражает мысль о том, что оплаченность избиения очевидна.

В-четвертых, слово «шумиха» имеет значение «разговоры о чем-то несерьезном».

Всеми перечисленными средствами автор выражает полную и абсолютную уверенность в том, что избиение спланировано, оплачено и проявилось в «паре синяков». Уверенность эта передается и читателю.

Оплата собственного избиения в имиджевых целях в глазах читателей негативно характеризует истца, формирует негативное отношение к нему. Г.Галкин в исковом заявлении отрицает соответствие распространенных сведений действительности (проверка соответствия сведений действительности находится вне компетенции лингвиста).

В приведенном отрезке текста выражен вполне конкретный смысл, который либо соответствует, либо не соответствует действительности: *«Г.Галкин заплатил за пару синяков сколько-то долларов»*. Вопросительная форма предложения, которую многие журналисты считают средством ухода от ответственности за содержание высказывания, в анализируемом предложении с автора текста ответственности за соответствие суждения действительности не снимает. В вопросительном предложении присутствует тема и рема. В анализируемом предложении: *«...сколько долларов заплатили Герману за пару синяков?»* утверждается, что Г.Галкину заплатили за «пару синяков» и спрашивается, сколько. Никакие языковые средства не указывают на предположение, автор преподносит сообщение как имеющее место в действительности. Сообщение это фактуально и позорит честь истца в глазах окружающих, а потому должно быть проверено на предмет соответствия действительности и в случае недоказанности признано порочащим и опровергнуто.

Смысл текста могут формировать не только вербальные, но и невербальные средства, в комплексе оформляющие публицистический материал и формирующие конфликтный дискурс. Так, в период предвыборной кампании реклама одного кандидата содержала антирекламу другого, притом выражаемый ею смысл наносил явный ущерб чести и достоинству объекта изображения. Притом авторы материала использовали приемы ухода от судебного разбирательства, основанные на сложившейся практике опровержения не смысла текста, а конкретных фраз.

Опишем содержание антирекламного, дискредитирующего ролика. Показывается достаточно узнаваемая нижняя часть лица депутата, затем полураздетая женщина легкого поведения с хлыстом, а затем для особо непонятливых пакет с мукой «Макфа». Пресуппозитивные знания всех жителей Челябинской области позволяют связать продукцию «Макфы» с первым хлебокомбинатом и ее руководителем. Комментирующий текст довольно нейтрален, но включенное в видеоряд изображение проститутки совершенно очевидно отнесено к личности депутата М.Юревича, поскольку по законам восприятия у фрагментов, предлагаемых в связке, неизбежно есть какое-либо общее логическое основание, которое реципиент и определяет. В другом материале используется тот же прием – демонстрация упаковки муки, половина лица, но сопровождающий текст уже не так безобиден: «Не позволим сифилитикам управлять нами! Поймаем их и заставим сдать анализы на СПИД!» Формальный подход к тексту не позволяет идентифицировать реальный смысл воспринятой читателями информации и установить взаимосвязь между компонентами дискредитирующего материала: «Конкретные лексические указания на М.Юревича отсутствуют». Да, конкретные лексические указания отсутствуют, но анализ текста в дискурсе с учетом пресуппозитивных знаний реципиентов позволяет осуществить референциальную соотнесенность информации как один из важных элементов декодировки конфликтного текста. Приведенный пример, как и множество других, подвергнутых анализу, убедительно показывает, что объектом анализа в ходе специального лингвистического исследования в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации должен быть весь конфликтный дискурс.

1.3. Смысл текста в конфликтном дискурсе как предмет лингвистической экспертизы

Наше исследование, как и, пожалуй, любое исследование, рассматривающее проблемы декодировки произведения речи, столкнулось с необходимостью осмысления понятий «значение» и «смысл», столь неоднозначно рассматриваемых современной лингвистикой.

Значение, по [Леонтьев 1997], – это то, что открывается в предмете и явлении объективно: в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость. Человек

живет в мире значений, которые открыты для него в каждом слове другими людьми. Но сам он не в состоянии усвоить все значения всех слов или даже некоторые значения в их полном объеме.

Значение предшествует наиболее развитой его форме – понятию – и выступает в единстве с личностным смыслом и чувственной тканью, образуя структуру индивидуального сознания.

Личностный смысл – это переживание субъективной значимости предмета, действия или события, оказавшегося в поле действия ведущего мотива. По словам В.П.Белянина, «это одна из главных образующих сознания, осознаваемая как «значение для меня» [Белянин 2003, с.104].

Некоторые лингвисты считают это противопоставление упрощенным, поскольку значения также подвержены широкому варьированию – *« по линии коллективного и индивидуального, узального и окказионального, нормативного и аномального, языкового и речевого, внеконтекстуального и контекстуального»* [Никитин 1988,с.39]. Мы же согласимся со мнением В.И.Шаховского и В.И.Карасика, что *«соотношение значения и смысла не противоречит концепции диалектического единства стабильной и вариативной части значения»* [Шаховской, Карасик, 1990]. Однако в целом разрабатываемая М.В.Никитиным теория значения представляется логичной, целостной и практически ценной для решения наших задач. Автор обосновывает противопоставление двух типов значимых ситуаций и, соответственно, выделение двух типов значений – импликационного и знакового. Первый тип моделирует естественную связь между фактами, второй тип отражает условную, собственно знаковую связь. При этом естественная связь между сущностями может быть основана и на знаковой базе. Такая вторичная импликация выступает в качестве «значимой среды, в которую погружены собственно знаковые значения высказываний и текстов» [Никитин 1988,с.18]. Наряду с импликационным и знаковым значениями автор выделяет в качестве основных типов когнитивные и прагматические значения, отражающие диалектику объективного и субъективного опыта. Отмечено, что «исходными являются прагматические структуры сознания, отвечающие за субъективную оценку всего наблюдаемого и ощущаемого человеком» [Никитин 1988,с.20]. Серьезной критике со стороны автора новой концепции значения подвергается теория Ч.Пирса относительно трех сторон знака: семантики, синтактики и прагматики, принятая во многих работах современных языковедов. М.В.Никитин считает недостатками пирсовской концепции отсутствие разграничения денотативного и сигнификативного значений,

гетерогенность прагматики, формальную природу синтактики. Однако при всей противоречивости и сама теория Ч.Пирса, и вытекающее из нее разграничение значения и смысла имеют практическое значение для рассмотрения и научно обоснованного решения нашей проблемы.

Вопрос дифференциации значения и смысла волновал многие лингвистические умы. Так, классик отечественного языкознания В.А. Звегинцев в своей замечательной монографии «Предложение и его отношение к языку и речи», глубоко и многоаспектно размышляя о многих лингвистических понятиях, в том числе и о понятии «смысл», дает такое его определение: «Согласование значимого содержания предложения с ситуативными потребностями акта общения и образует смысл» [Звегинцев 1976, с.193]. Эти слова прямо соотносятся с высказанным уже требованием к лингвистической экспертизе рассматривать не только слова в контексте предложения, предложение в контексте текста, но и текст в контексте жизненных реалий дня, в контексте печатного издания, преподносимого видео- или аудио – ряда, то есть в дискурсе.

Очень похоже определяет **смысл** и Н.И. Жинкин в [Жинкин 1972, с.13]: «Смыслом мы будем называть такое информационное образование, которое направлено на определенный предмет действительности». Примечательно, что в этом определении смысл дефинируется через информацию.

Когда мы говорим об отдельной языковой единице, мы можем для дифференциации инвариантного и индивидуального употреблять соответственно дифференцирующие понятия *значение* и *смысл*. Применительно же к тексту как сложному единству вообще неприменимо, как нам представляется, понятие «значение», относимое к отдельной языковой единице и характеризующееся, при всей возможной многокомпонентности, одноплановостью, цельностью. Применительно к тексту можно говорить только о смысле, очевидно, не совсем о том «личностном смысле» Белянина, а о смысле как содержательной квинтэссенции, выводимой из взаимодействия множественных значений носителями языка.

А.К.Жолковский и И.А. Мельчук пытаются определить ключевые категории *текст* и *смысл*: «Понятие текста в разъяснении, видимо, не нуждается. Что же касается **смысла**, то здесь мы тоже будем исходить из некоторого достаточно тривиального представления, которое должно, на наш взгляд, лежать в основе современной лингвистической семантики. Бесспорно, что в первую очередь владение смыслом проявляется у говорящего в умении выразить одно и то же по-разному, а у слушающего – в умении отождествлять смысл разных по форме высказываний, понять, что они

сообщают то же самое. Отсюда, **смысл** есть то общее, что имеется у всех различных высказываний, признаваемых и используемых носителями языка в качестве равнозначных, или, короче, смысл есть инвариант синонимических преобразований (перифраз). Таким образом, смысл предстает как конструкт – пучок соответствий между реальными равнозначными высказываниями (фиксируемый, когда нужно, с помощью специальной символики – «семантической записи») [Жолковский, Мельчук 1969, с.7].

Нам близка мысль В.А. Звегинцева о том, что в конкретном дискурсе «предложение и его смысл настолько слитны, настолько связаны друг с другом внутрдискурсными отношениями (которые...есть вместе с тем выражение ситуативной ориентированности), что не допускают отслоения друг от друга и отдельных манипуляций над каждым из них» [Звегинцев 1976, с.197]. Под манипуляциями понимаются в контексте различные синонимичные замены.

К тому же, даже принимая теоретический взгляд на проблему смысла Мельчука-Жолковского, следует понимать, что определение смысла дается с точки зрения кодировки речи, и его жизнеспособность определена этим ракурсом. С позиций же декодировки нельзя не признать практической неприменимости предложенного понимания. Мы не можем выявить инвариант в том случае, когда не имеем возможности сравнить синонимические преобразования. На практике при необходимости проанализировать текст на предмет выявления смысла исследователь лишен возможности теоретически идеального моделирования. Напротив, различными интерпретаторами предлагаются диаметрально противоположные трактовки, претендующие на синонимичность с первичным текстом.

Соглашаясь в целом с критическими замечаниями В.А.Звегинцева, направленными на «действующую модель языка «смысл – текст» А.К.Жолковского и И.А. Мельчука, вычленим в их определении смысла то рациональное зерно, которое способствует решению наших задач. Важным в определении Мельчука и Жолковского для нас является снятие с понятия *смысл* печати субъективизма. Слово «инвариант» представляется ценным, хотя мы использовали его в несколько ином аспекте при определении *смысла*.

В.А. Звегинцев, ставя в центр семантической системы предложение и рассматривая последнее как феномен языковой системы и речевой практики, определяет через его посредство смысл: «Согласование значимого содержания предложения с ситуативными потребностями акта общения и образует смысл. Если

такого согласования нет, то у предложения (точнее, псевдопредложения), хотя оно организуется по всем правилам языка, наличествует только псевдосмысл» [Звегинцев 1976, с.193]. Такое, казалось бы, очевидное представление о том, что дискурс привязывает предложение к ситуации, вне которой не существует смысла предложения, не является сегодня очевидным в практике лингвистических экспертиз. Сложившееся в практике требование признать порочащими конкретные фразы, как и предложить для опровержения определенные цитаты из конфликтного текста, совершенно противоречит логике формирования смысла: «Изыятие предложения из дискурса и превращение его в псевдопредложение означает переключение мира мысли в мир языка, что сопровождается процессом абстрактизации как самого смысла предложения, так и значения составляющих его единиц. С этого момента мысль теряет свою подвижность – фиксируется, как нечто отрешенное от человека, существующее независимо от него – в языке» [Звегинцев 1976, с.200].

В связи с определением понятия «смысл» В.А. Звегинцев затрагивает еще два аспекта проблемы, вычлененных нами из его концепции в силу связанности с целями нашего исследования.

Первый аспект – непризнание «неграмматичных» предложений и признание наличия смысла у всего, что реально было сказано: «Но верховным принципом для речи является не язык с его «нормами», а смысл, который в свою очередь есть представитель интересов главного руководителя всей этой деятельности – мысли» [Звегинцев 1976, с.176]. Лингвисты – последователи Хомского и Карнапа признают достойным семантического анализа только материал, соответствующий нормам языка, забывая о том, что, во-первых, сами эти нормы не были первичны, а появились как результат анализа того же реального речевого материала, и нельзя исключать несовершенства выведенной системы; во-вторых, норма динамична, как динамичны сами закономерности речевой практики; в-третьих, даже предложение или текст, построенные с нарушением грамматических или стилистических норм, являются воплощением акта коммуникации, реализуют какую-либо стратегию и несут какой-либо смысл.

Поясним, с какой позицией мы дискутируем в настоящий момент. Рассматривая конфликтный текст, лингвист выявляет его «неграмматичность», несоответствие или неполное соответствие нормам языка, в результате чего ставит на нем клеймо «ущербного» текста, с чем мы не намерены спорить, но из этого делается вывод о невозможности проанализировать неграмматную конструкцию, с чем мы категорически

не согласны. Грамматически ненормативная конструкция может провоцировать неоднозначное понимание, но в таком случае лингвист может выявить возможные варианты смысла. Текст может быть нелогичным, плохо выстроенным, эклектичным, но если это не искусственно сконструированный материал, он неизбежно реализует какую-либо интенцию и, следовательно, выражает какой-либо смысл, явно или неявно, при помощи пресуппозиций и импликаций, но выражает.

При разговоре о пресуппозициях мы еще вернемся к критике представления о предложениях, «не имеющих смысла». Сейчас в связи с определением понятия «смысл» лишь обозначим, что считаем наличие смысла константной характеристикой любого естественного текста, а необходимость и возможность выявить этот смысл – константной характеристикой любого лингвистического анализа текста семантической направленности, в том числе на предмет выявления порочащих сведений.

Второй аспект, связанный с проблемой смысла, выделенный нами в концепции В.А. Звегинцева, – вопрос о принципиальной постижимости смысла. В судебных заседаниях неоднократно возникал вопрос о способности анализируемого текста выразить законченный смысл. Сторонники «незаконченного смысла» апеллируют к понятию «восприятие», придавая ему исключительно индивидуально-психологический смысл и полностью отказывая в объективных закономерностях. Автор – говорят в таком случае – только задал тему разговора, – а читатель развивает ее в направлении, зависящем от его интеллектуального и культурного уровня, личных ассоциаций и других субъективных факторов.

Такая логика размышления была представлена в процессе о распространении экстремистских материалов (дело Назарова, Герасимова). В текстах изображались многочисленные сцены насилия над представителями различных групп населения и прямым текстом говорилось о необходимости насилия как формы выражения социального протеста. Филологическая сущность защиты обвиняемых прежде всего основывалась на том, что натуралистичные жестокие сцены должны вызвать у читателя отвращение и побудить обратную реакцию.

Такая позиция по сути отрицает возможность определенной декодировки текста, а следовательно, объективный характер реализованного в речи языка как знаковой системы. В таком подходе неоправданно смешиваются категории совершенно различной природы. Реакция на текст, отношение к тексту, его оценка, отклик на него – явления индивидуальные, воплощающиеся во множественных субъективных реализациях, хотя и в этой сфере можно наблюдать определенную типизированность.

Смысл же текста – категория объективного порядка, основанная на закономерностях реализации значений языковых единиц. Отрицание объективной природы смысла по сути означает отрицание коммуникативной функции языка. Невозможно отрицать, что понимание смысла различными реципиентами не будет абсолютно идентичным, что зависит от множества факторов, однако диапазон этих различий у носителей одного языка, одной культуры не может быть бесконечным и ограничен рамками допустимых толкований.

Наличие возможных интерпретаций текста, обусловленное неидеальной кодировкой автором смысла или намеренно созданной двусмысленностью не отрицает выдвинутого тезиса об объективном характере смысла и о его принципиальной постижимости. Два, редко три, только гипотетически возможно – более – принципиально выражаемых смысла – это как раз показатель выявляемости смысла. Обозначенные варианты возможного по законам языка понимания очерчивают определенный круг, отвергая находящиеся за его пределами смыслы. Возможны случаи абсолютной неадекватности декодировки смысла текста, отражающие патологию в усвоении языковой системы и интересные лингвисту в совершенно ином аспекте. О несовпадении кодировки и декодировки текста мы еще будем говорить в соответствующем разделе.

Вторым филологическим доводом в упомянутом деле о распространении экстремистских материалов был тезис о «незаконченности смысла» конфликтных статей, об открытом финале и перспективе домысливания. По сути этот довод перекликается с первым. Ответом на это положение может послужить достаточно категоричное высказывание В.А. Звегинцева: «Нет никакой надобности отдельно говорить о законченности смысла: если он существует, он всегда закончен. Незаконченного же смысла или какого-нибудь «полусмысла» не может быть» [Звегинцев 1976, с.177]. Полностью солидаризируясь с автором высказывания, добавим, что смысл – вполне материальная сущность, прямо названная или логически выводимая из приведенных языковых знаков. Повторяем, смысл текста не есть отношение к тексту или размышления по поводу высказанных в нем идей. Смысл текста можно представить как ответ в алгебраической задаче, которая может иметь различную степень сложности. Но если читатель текста при помощи универсального компьютера – сознания постигает смысл интуитивно, то лингвист-эксперт вскрывает все те шаги, этапы осмысления, которые лежат в основе итогового результата – содержательной сущности (включая все ее компоненты) полученной информации.

Таким образом, определяя понятие **смысл** для использования в юрислингвистической практике при осуществлении семантических экспертиз, мы опираемся на несколько постулатов:

1. Смысл объективен, а потому постигаем, выводим из языковой структуры текста.
2. Смысл текста представляет собой инвариант возможных по законам языка пониманий.
3. Смысл рассматриваемого речевого произведения характеризуется целостностью и законченностью.
4. Смысл отдельного предложения или фрагмента необходимо рассматривать в дискурсе, с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов.
5. Смысл текста далеко не всегда представлен конкретным предложением или фрагментом и в целях экспликации требует дополнительного оформления средствами естественного языка.

Смысл текста мы определяем как основанное на языковых законах типовое, инвариантное понимание носителями языка информации, заложенной в тексте.

Конечный итог анализа языковых элементов – выявление их **значений**, в комплексе с пресуппозитивными знаниями и выявленными импликациями формирующих **смысл** информации.

Прежде всего эти теоретические положения являются основой чрезвычайно важного для процессов по защите чести и достоинства постулата о допустимости несовпадения интенции говорящего и понимания объекта высказывания. При возникновении такого несовпадения, вернее, при заявлении (отражающем или не отражающем истинное намерение) ответчиком о несовпадении сообщенного и воспринятого («Это Вы так поняли, а мы имели в виду другое»), допускаются две крайности.

Обозначенная нами проблема по сути есть проблема соотношения **смысла** как личностной категории (смысл для меня) и **смысла** как категории объективного порядка. Значение – постоянная часть содержания знаков – реализуется в различных смыслах-достоинствах индивидов, в личностных категориях (в первом значении). Так что же должен выявлять лингвист в своем анализе: инвариантное значение или личностный смысл?

Одна крайность – прочтение и интерпретация текста, основанные исключительно на субъективном восприятии униженного и оскорбленного, абсолютизация личностного смысла без учета каких-либо объективных приемов декодировки текста, позволяющих выявить и его значение, и, соответственно, константную часть воспринимаемой основной массой реципиентов информации. В этом случае происходит абсолютизация субъективно выявленного смысла, личностного восприятия, последствия чего в полной мере ощущает на себе ответчик.

Другая крайность – непризнание правовой системой возможности неоднозначного восприятия текста, обусловленного его объективной амфиболией (двузначностью) – результатом случайного или намеренного со стороны авторов текста отсутствия необходимых конкретизаторов. При возможности (вероятной или преобладающей) восприятия реципиентами речи смысла, порочащего чью-либо репутацию, нематериальные права, интересы этого лица должны быть защищены либо опровержением, либо разъяснением.

В связи с понятием «смысл» нельзя не обратиться к понятию «восприятие», вызывающему активную дискуссию и в лингвистике, и в праве, в частности в судебном процессе по защите чести, достоинства и деловой репутации. Прочитав выказывание, отражающее довольно типичный взгляд на эту семантико-коммуникативную категорию:

«Восприятие направленности текста – понимание текста (передачи) читателями (зрителями). Восприятие не может быть предметом лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, так как спорным в таких разбирательствах является текст, а не его восприятие. Для определения хотя бы «усредненного» восприятия необходимы специальные социологические, психологические, культурологические и другие исследования. Восприятие как вкусы, а о вкусах не спорят» [Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы 2004]

Безусловно, понятие «восприятие» достаточно сложно и может трактоваться диаметрально противоположно.

1. Во-первых, как индивидуальная и неповторимая, обусловленная личностными качествами, опытом жизни, уровнем образованности, психологическим состоянием и другими факторами система вызываемых текстом ассоциаций и реакций.

2. Во-вторых, как типовое и закономерное выведение из текста определенного смысла. В данном случае уместно вспомнить о восхождении в генезисе слов

восприятие, приятие, понимание к одному корню со значением собственности. То знание, что было у предающего информацию, *перенято, принято, воспринято* реципиентами.

Два приведенных значения, только что названные нами противоположными, противопоставлены только на основании критерия объективности/субъективности. В практике реализации реального процесса получения читателями, слушателями, зрителями информации осуществляется восприятие в обоих этих значениях в комплексе. Безусловно, в какой-то части понимание, то есть восприятие, будет индивидуальным, но нельзя отрицать и константной части восприятия, основанной на закономерно реализующих себя в речи языковых значениях единиц различных уровней. Более того, существуют закономерности в экспликации подтекста при восприятии, вполне выводимые логически и лингвистически. Фоновые знания реципиентов также имеют достаточную площадь пересечения, что позволяет сделать вывод о типовом понимании текста. Например, жители области знают, как правило, в лицо губернатора, и его фотография или карикатурное изображение с очевидностью будут связаны с его личностью.

Приведенное утверждение о том, что восприятие текста как понимание текста не может быть предметом лингвистической экспертизы, представляется неубедительным. Полагаем, что спорным в делах о защите чести и достоинства является именно восприятие текста и всего конфликтного дискурса, а не текст. Конфликтный дискурс является **объектом** экспертизы, **предметом** же ее, на наш взгляд, должно быть именно типовое понимание, массовое восприятие текста, основанное на законах декодировки.

Что отстаивает истец в суде? Что стало причиной искового заявления? Собственное восприятие текста лицом, усмотревшим ущемление своих неимущественных прав, вызванное распространением позорящей его в глазах общественности информации. Действительно ли текст вызвал реакцию, предполагаемую истцом? Возможно ли такое восприятие текста, которое позорит истца, умаляет его репутацию? Или такое восприятие субъективно и по объективным языковым законам типовое понимание текста должно быть иным? Эти вопросы интересуют суд, и именно на эти вопросы по сути должна отвечать лингвистическая экспертиза. Безусловно, для идеально точного ответа действительно «необходимы специальные социологические, психологические, культурологические и другие исследования». Однако именно разработкой методик декодировки текста, выведением обобщенных законов восприятия и занимаются все коммуникативные направления

лингвистики: стилистика, лингвопрагматика, лингвокогнитология, коммуникативный синтаксис, семантический синтаксис.

Текст же не может быть спорным, он объективно существует как данность. Спорным является именно его восприятие, понимание, представленное в ходе судебного разбирательства как минимум двумя вариантами. Стороны в суде оспаривают значение каких-либо языковых единиц, заложенный в тексте смысл.

Поэтому именно смысл текста в конфликтном дискурсе, отражающий типовое восприятие текста реципиентами, и является предметом любой лингвистической экспертизы семантического типа. в том числе судебной лингвистической экспертизы при рассмотрении конфликтного текста в процессах о защите чести, достоинства, деловой репутации.

1.4. Структура лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации

Судебная лингвистическая экспертиза представляет собой лингвистическое исследование – анализ текста. Но любой текст в силу своей структурной и содержательной многослойности предоставляет поистине безграничные возможности для анализа. Никакой анализ в принципе не может быть абсолютно полным, поскольку бесконечны ракурсы, с которых можно на него смотреть. Ракурсы эти определяются целями анализа.

Так, традиционный лингвистический (филологический) анализ художественного текста выявляет концепцию автора и средства ее репрезентации, и предметом рассмотрения является все, что служит реализации этой цели. В то же время совершенно несущественным в большинстве случаев является, например, вопрос о биологическом поле автора и отражении его в языковом строе. В любом случае, даже если этот аспект и попадет в поле зрения аналитика, подход к нему будет принципиально иным, чем в определенном виде целевой идентификационной экспертизы. Одно дело – проиллюстрировать уже известный факт, другое дело – этот факт установить. Определение пола автора текста не имеет никакого отношения к исследуемому нами типу экспертизы, но этот пример показался нам чрезвычайно показательным для доказательства положения: любой лингвистический анализ, как и другой анализ (химический, физический) имеет логику и структуру, определенные его

целевой ориентацией. Цель лингвистического исследования в процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации определяется логикой анализа нормативных документов, из чего с очевидностью следует, что этот тип исследования будет отличаться от других типов лингвистических исследований по цели и, следовательно, по структуре. Все сказанное – ответ на возможные сомнения в необходимости выработки какой-либо особой структуры лингвистического анализа, утверждение специфичности рассматриваемого типа научного исследования, как, скорее всего, и любого другого, и отрицание возможности применения к нему схем анализов, применимых в других ситуациях с другими целями

Практическим результатом нашего исследования является выявление тех параметров текста, которые в обязательном порядке должен рассмотреть лингвист для осуществления объективного заключения, служащего целям объективации судопроизводства по делам исследуемого типа. На настоящий момент в сфере лингвистической экспертизы наблюдается полный методический произвол, наглядно проявляющийся в диаметрально противоположных выводах специалистов по одному материалу.

В чем же причина таких противоречий? Отбросив в сторону варианты: а) ангажированность специалиста, б) непрофессионализм, – остановимся на причине, анализ и устранение которой находятся в рамках научного дискурса. Причина эта – отсутствие разработанной **структуры** экспертизы по делам обозначенного типа, под которой мы понимаем перечень обязательных **аспектов** анализа, занимающих определенное место в едином целом. В практическом преломлении такой перечень аспектов – это полная **система корректных вопросов**, поставленных на разрешение лингвиста-эксперта при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации. Эта система вопросов ограничена сферой филологической компетенции и обусловлена логикой динамики судебного процесса. Система эта включает а) характер содержания вопросов, б) порядок их следования.

Узко поставленный вопрос на практике приводит к пренебрежению существенными элементами структуры текста и в результате к необъективному решению суда, не менее печальны последствия широко поставленного вопроса, провоцирующего лингвиста на неоправданное расширение профессиональной компетенции и выход не только в сферу юриспруденции, но и этики, морали, философии и политики. Поскольку наша модель имеет дискуссионный по отношению

к некоторым ныне существующим схемам характер, содержание и место каждого вопроса в системе нуждается в тщательном обосновании.

Какие схемы вопросов лингвисту-эксперту мы имеем на настоящий момент? Можно разделить их на две группы: общие и частные. Общие схемы представляют попытки универсализации лингвистической экспертизы по делам названного рода. Частные схемы подходят к тексту избирательно, вычлняя отдельные его аспекты. Фрагментарность анализа, вырванность языковой единицы из контекста, отсутствие целостного взгляда на содержание и форму распространенной информации препятствуют формированию объективного решения и в рамках конкретного процесса, и – шире – в процессах исследуемого типа вообще.

Так, в коллективной монографии [Цена слова 2002] предлагаются следующие вопросы:

1. Содержит ли текст информацию о лице?
2. Содержит ли текст негативную информацию о лице?
3. В какой форме – утверждение, предположение – дана эта информация?

[Цена слова 2002, с.215].

Предлагаемая схема, при всех ее достоинствах, не приближает разрешения информационного конфликта. Или приближает необъективное его разрешение, поскольку никак не учитывает информационную природу высказывания, не дифференцирует суждения на событийные и оценочные. Предположим, информация негативная и утвердительная и относится к лицу. Эти показатели не могут и не должны определять исход дела. Такая информация может быть выражением авторского негативного отношения, позиции, взгляда, и, не будучи фактуальной, не может быть проверена на предмет соответствия действительности, а следовательно, должна не опровергаться, а оспариваться. Необходимость такой дифференциации отражена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005г. Возможно, авторы отождествляют оппозицию информация утвердительная – предположительная и информация фактуальная – оценочная. Однако такое отождествление не представляется правомерным.

Довольно подробный алгоритм предложили авторы монографии [Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации 1997]: «Допустим, «Х» высказал какое-то суждение об «У» и «У» возбуждает против «Х» иск об унижении чести и достоинства. Вопрос первый: имело ли место само событие? Если не имело, то знал ли об этом «Х»? Если не знал, то имело

место добросовестное заблуждение. Если знал, то это означает, что «X» распространял заведомо ложные сведения. Вопрос второй, возникающий, если событие имело место: Является ли суждение «X» суждением оценочным или не оценочным? Если оно не оценочно, т.е. претендует на то, чтобы быть достоверным фактом, то является ли оно истинным или ложным? В первом случае (суждение истинно) проблема сводится к тому, в какой форме оно выражено, - см. ниже. Во втором случае (суждение ложно) опять-таки существенно, знал ли об этом «X»: если да, то он распространял заведомо ложные сведения. Вопрос третий, если суждение оценочно: содержит ли оно порочащие «У» сведения? Вопрос четвертый: имела ли место умышленность в распространении таких сведений? Вопрос пятый: выражено ли суждение в неприличной форме?»

Содержание вопросов представляется корректным, учитывающим все основные категории процесса. Что же касается порядка их следования, то закономерным представляется только место последнего вопроса.

Во-первых, вопрос о том, имело ли место само событие, не может начинать анализ, так как еще неизвестно, событийное суждение перед нами или оценочное. Мнение не может соответствовать или не соответствовать действительности. Например, «X» высказал об «У» суждение: «Все поступки «У» продиктованы не мыслью о пользе дела. А жадной славой и личного благополучия». Неприятные для «У» слова, однако автор суждения обосновывает свой вывод о мотивах деятельности «У». Таково мнение «X», справедливое или нет. И как же должен будет рассматриваться первый вопрос: «Имело ли место событие»? Как суд будет решать, какой мыслью продиктованы поступки «У»? Очевидно, что в рассмотренном случае такой вопрос вообще неуместен, он должен быть опущен в схеме анализа.

Во-вторых, вне компетенции лингвиста находятся вопросы: 1) истинно ли распространенное сведение? 2) умышленно ли журналист распространил не соответствующие действительности сведения? Эти вопросы включены в алгоритм судебного разбирательства, но не в алгоритм лингвистической экспертизы.

Авторы статьи «Экспертиза в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации» [Губаева, Муратов, Пантелеев 2002] предлагают следующий взгляд на методику анализа текста: «Текстологическая экспертиза в обязательном порядке должна ответить на три главных вопроса:

1. Содержатся ли в тексте сведения о фактах и событиях?

2. Допускают ли языковые формы высказываний в тексте оценку с точки зрения их достоверности, соответствия действительности?

3. Имеются ли в тексте бранные слова и выражения, словесные конструкции с оскорбительным переносным значением или оскорбительной эмоциональной окраской?»

Авторы предложенной схемы считают объективным лингвистическим критерием, позволяющим дать категорическое экспертное заключение по первому вопросу, наличие в предложении предикативной связи между главными членами: «В двусоставных предложениях центральным элементом предикативной связи является сказуемое с грамматическими категориями времени и наклонения, которые соотносят содержание высказывания с действительностью. Категория времени показывает, с каким моментом – настоящим, прошлым или будущим – связано действие (событие). Категория наклонения означает либо реальность данного действия, либо то, что его желательно, требуется или необходимо осуществить.

Поскольку отсутствие предикативной связи не позволяет соотнести содержание высказывания с внеязыковой реальностью, постольку и высказывания, в которых нет предикативной связи, по своей языковой форме не допускают оценку в плане их соответствия или несоответствия действительности».

Авторы отрицают наличие предикативной связи в односоставных и вопросительных предложениях.

При ответе на второй вопрос, поставленный на разрешение текстологической экспертизы, используется формальный лингвистический критерий – принадлежность отдельных фрагментов текста к классу описательных либо оценочных высказываний. «Описательные высказывания содержат сведения о фактах и событиях: констатируют положение дел или утверждают необходимую связь явлений. В большинстве случаев они имеют грамматическую форму повествовательного предложения и подлежат верификации, т.е. могут быть проверены с целью установить их истинность или ложность (соответствие или несоответствие действительности). Пример описательного высказывания – «Явные элементы плагиата обнаружены в книге диссертанта».

К оценочным высказываниям, устанавливающим абсолютную или сравнительную ценность какого-либо объекта, относятся собственно оценки, аналитические высказывания (отражающие, в частности, отношения основания-вывода), утверждения о целях, а также стандарты, нормы, конвенции, идеалы. Оценка объекта, хотя и основана на определенном знании о нем, описанием не является и,

соответственно, не может быть истинной или ложной. Отсюда следует, что оценочное высказывание нельзя опровергнуть как не соответствующее действительности – его можно только оспорить, предлагая другую шкалу оценок, какой-то новый эталон, иные аксиологические критерии. Показателями оценочных высказываний могут быть слова: по-видимому, впрочем, очевидно, таким образом, как видно и др. Пример оценочных высказываний – *Просто удивительно, как он решился на очередной большой обман при сведущих людях*» (позиция авторов).

Оценочные высказывания не могут рассматриваться с точки зрения их достоверности, соответствия действительности, так как являются выражением личного мнения и взглядов. Они недопустимы лишь в том случае, если используются бранные слова, конструкции с оскорбительным переносным значением или оскорбительной эмоциональной окраской. Как правило, в словарях подобные лексические единицы помечены маркерами "грубое", "бранное". К основным тематическим группам бранной лексики относятся названия животных; наименования нечистот; обращения к нечистой силе; обвинения в незаконнорожденности; наименования интимных отношений и названия гениталий. Неприличная форма этих слов однозначно расценивается как посягательство на чьи-либо честь и достоинство.

Таким образом, по мнению авторов, « при рассмотрении судом дел о защите чести и достоинства подлежат оценке только те высказывания, которые удовлетворяют следующим лингвистическим критериям: имеют грамматическую форму повествовательного предложения с предикативной связью между главными членами; являются описательными высказываниями; содержат или не содержат бранные слова и выражения, словесные конструкции с оскорбительным переносным значением или оскорбительной эмоциональной окраской».

Последний вопрос в триаде о наличии в тексте инвективной лексики представляется логичным и обоснованным. Первые же два по сути дублируют друг друга, судя по авторскому комментарию. И первый, и второй вопросы направлены на определение информационной природы высказывания. Ответ на первый вопрос выделяет сведение о событии, то есть, иными словами, фактуальное сведение, второй вопрос направлен на все ту же дифференциацию сведений описательных (событийных) и оценочных. Критерии этой дифференциации оспорены нами в соответствующей главе. Что же касается содержания вопроса, то его необходимость в структуре лингвистического анализа очевидна. Выделение в методике лингвистической экспертизы двух вопросов, аналогичных предлагаемому, имеет смысл в том случае, если

правовая система признает различие между критериями «фактуальное сведение» – «оценочное» и «утверждение» – «предположение». Фактуальность или оценочность определяется не по маркерам субъективной модальности, а по содержательной сущности высказывания, о чем мы еще будем говорить в третьей главе.

Предположение или прогноз могут быть выражены предложением без конкретных лексических показателей авторского отношения (вводных, модальных слов): *Такая политика правительства приведет рано или поздно к экономическому краху*. Форма будущего времени глагола-предиката, а также само содержание предложения – социально-экономический прогноз, вывод из предшествующих рассуждений автора, – свидетельствуют о субъективном характере суждения, не подлежащего судебному рассмотрению. Поскольку информативная природа такого типа высказываний, по своей референциальной природе являющихся мнениями, оценками, определена, применительно к ним становится несущественным наличие или отсутствие показателей субъективной модальности. Вводные слова (*как нам кажется, на наш взгляд* и подобные лишь усилили бы субъективизм высказывания, но не повлияли бы принципиально на определение его информационного типа и на исход судебного разбирательства.

Иной подход необходим к тексту, сообщающему о событии, явлении, но содержащему маркеры субъективной модальности. Фактуальное по информативной природе сведение может быть преподнесено говорящим не как категоричное утверждение, а как предположение, вывод из известных фактов, как логическое умозаключение. Так, сообщение о том, что некое лицо берет взятки, пользуется служебным положением в целях получения личной выгоды по информационной природе является событийным и, соответственно, верифицируемым. Однако в том случае, если журналист, приведя ряд фактов, которые истец не оспаривает, предполагает, что из всего сказанного можно сделать соответствующий вывод, то есть конкретными лексическими средствами указывает читателю на предположительный характер своего суждения, лингвист не может подвести такую информацию под категорию «утверждения». Подобные предположения приносят реальный моральный вред и далеко не всегда аргументированы достаточно убедительно, но, в соответствии с правовыми документами, порочащими могут считаться только утверждения. Поэтому применительно к сведениям событийного, фактуального характера следует применять критерий дифференциации «утверждение – предположение».

На практике нередко имеет место использование манипулятивных приемов преподнесения информации. Автор текста, уводя свое сообщение из зоны риска, сопровождает его ссылкой на неопределенный источник: *по слухам, многие считают, по словам лица, приближенного к губернатору* и т.д. Такие показатели авторства информации (или псевдоавторства) формально не позволяют лингвисту говорить о категоричном утверждении, однако лингвист может обратить внимание суда на специфику рассматриваемой информации. Возможно, когда-нибудь результаты лингвистических исследований найдут отражение в юридической практике и в правовых документах.

В [Памятке по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы 2004] предлагаются следующие «типовые вопросы к экспертам»:

1. *Содержатся ли в тексте негативные сведения о..., его деятельности и о личных, деловых и моральных качествах? В каких конкретно высказываниях содержится негативная информация?*

Предполагается, что вся информация выражается прямо, без подтекста. Всей своей работой мы пытаемся доказать, что лингвист должен выявлять подтекст, а не только оперировать «конкретными высказываниями».

2. *Если в вышеуказанных фразах имеются негативные сведения о..., то в какой форме они выражены: утверждения, предположения, вопроса?*

Соединены три разноуровневые категории. Утверждение как категория модально-прагматическая противопоставлено предположению. Утвердительное предложение противопоставлено отрицательному. Повествовательное коррелятивно побудительному и вопросительному.

3. *Если в представленных материалах содержится негативная информация об указанных лицах, то воспринимается ли эта информация как чернящая доброе имя, задевающая честь и достоинство...(ФИО) либо других руководителей..., как умаляющая деловую репутацию указанных лиц?*

Вопрос поставлен ненаучно, в нем не заложены критерии дифференциации информации чернящей и нечернящей, умаляющей и не умаляющей деловую репутацию, поскольку предикативным центром вопроса является глагол «воспринимается», ориентирующий на субъективный подход к материалу.

4. *Подтверждает ли лингвостилистический анализ выделенных фраз, что в них содержатся сведения в форме утверждений о нарушении г-ном...(ФИО) действующего законодательства, моральных норм и принципов, а также*

утверждения, позорящие его производственно-хозяйственную и общественную деятельность, умаляющие его деловую и общественную репутацию?

Предлагаемый вопрос является по сути научным, основанным на правовых документах, переложением предыдущего. Протест вызывает только формулировка «в форме утверждения», несостоятельность которой мы докажем в главе, посвященной дифференциации утверждения и предположения. Повторим, что утверждение как содержательная категория не тождественно утверждению как категории формально-синтаксической. Есть смысл говорить о форме утверждения только при наличии корреляции с формой предположения, и только после разрешения вопроса о дифференциации фактуальной и оценочной информации. В противном случае лингвист даст положительный ответ на поставленный вопрос при рассмотрении субъективного утвердительного суждения.

5. *В каких фрагментах статьи «...» (название) содержится информация о деловой репутации юридического лица/ общественной организации/ фирмы/учреждения «...»?*

Этот пункт дублирует предыдущий. Несвершенство вопроса заключается в сосредоточенности на формальных «фрагментах», в то время как порочащий смысл может содержаться в подтексте, во взаимодействии вербально выраженной информации и визуального ряда, графического изображения.

6. *В каком значении употреблено слово «..» в контексте абзаца «..»/ предложения: «...» в статье, опубликованной в...?*

Конкретный, четко поставленный вопрос, но выполняющий служебную функцию в структуре лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также об оскорблении. Результаты решения этого вопроса органично вплетаются в любой анализ, и неоднократно, по мере необходимости выяснения значения и смысла того или иного элемента текста.

7. *Содержит ли предложение «...» сведения, унижающие честь и умаляющие достоинство гр-на..., задевающие, чернящие деловую репутацию истца?*

Иная форма реализации вопросов №3,4,5.

8. *Каковы наиболее существенные и значимые жанровые, психолингвистические и стилистические особенности текста публикации?*

Этот вопрос, на наш взгляд, выводит лингвиста на крайне непродуктивный путь анализа, вредит объективности судопроизводства, не соответствует целям и задачам лингвистической экспертизы в делах рассматриваемого типа. Пример подобной

экспертизы приведен в работе при выявлении концептуально значимых классификационных категорий фактуальности и оценочности. Ответ на поставленный вопрос провоцирует комплексное филологическое рассмотрение текста во взаимосвязи объекта изображения и авторских коннотаций, в то время как лингвистическая экспертиза преследует цель не выявить авторские приемы воздействия на реципиентов, а вычленив подлежащую верификации информацию. Подмена предмета исследования способна ввести суд в заблуждение. В то же время в ряде случаев обращение к жанровой специфике текста поможет определить стилистическую функцию использованных языковых средств и типовое восприятие реципиентами. Однако рассмотрение этих аспектов текста является органичной частью более общей задачи – декодировать конфликтный текст в дискурсе, выявить его смысл, обусловленный типовым восприятием.

9. Если сведения, изложенные в статье, не соответствуют действительности, то можно ли их квалифицировать как чернящие деловую репутацию истца?

Вновь дублируется содержание вопросов №3,4,5,7.

10. Какова композиционная структура текста статей (статьи), какие художественные приемы использует автор и как они характеризуют героев публикации?

Вопрос аналогичен вопросу №8, столь же непродуктивен в рассматриваемой ситуации. Предположим, текст имеет критическую направленность, автор использует многочисленные приемы формирования негативного отношения к лицу. Лингвист отражает это в своей экспертизе, но не сообщает суду о том, что все авторские негативные характеристики и оценки базируются на сообщении о каком-либо событии или поступке, который истец и не оспаривает. Выводы лингвиста-стилиста, не знакомого с проблемами юрислингвистики, буду примерно такими: «Текст формирует у читателя негативное отношение к истцу, умаляет его честь и достоинство в глазах окружающих». Такая лингвистическая экспертиза не будет способствовать объективному судопроизводству. Предлагаемый вопрос является результативным средством манипуляции лингвистом, не подготовленным в обозначенной сфере деятельности.

11. Являются ли сведения, изложенные в абзаце...»...», утверждениями о фактах, если да, то каких, или мнением автора статьи (журналиста, редакции)?

Всей своей работой мы доказываем необходимость дифференциации сведений по их информационной природе. Это вопрос – один из ключевых в лингвистической экспертизе.

Мы критически прокомментировали предлагаемые вопросы к лингвисту-эксперту при рассмотрении дел обозначенного типа. Однако приведенные постановки экспертных задач нуждаются в пересмотре не столько в силу некорректности формулировок, сколько по причине их бессистемности, фрагментарности. Даже вопросы, по содержанию продуктивные, без других вопросов, например, без вопроса об информационной природе сведений, не будут способствовать отражению в лингвистической экспертизе принципиально важных для суда положений и могут явиться манипулятивным средством достижения нужного вывода адвоката одной из сторон.

Исходя из задач экспертизы, учитывая требования нормативных документов и определенные ими ключевые классификационные категории, предложим свою структуру лингвистической экспертизы по процессам о защите чести, достоинства, деловой репутации, включающую необходимые аспекты анализа и их место в системе анализа. В практическом плане эти аспекты можно представить как вопросы, на которые неизбежно, как мы доказываем, должен ответить лингвист, с тем чтобы его лингвистический анализ выполнил свое целевое назначение. Естественно, в каждом конкретном случае эта система может подвергаться корректировке в зависимости от частных обстоятельств. Однако полный перечень аспектов (вопросов) представляется нам следующим:

1. Относится ли распространенная информация к истцу?
2. Каково содержание распространенной информации? Каков ее смысл, декодируемый реципиентами?
3. Определите информационную природу этих сведений: являются ли они фактуальными или субъективно-оценочными?
4. Выражена ли информация в форме утверждения или предположения?
5. Содержит ли текст инвективные языковые элементы, отнесенные к личности истца?

Рассмотрим содержание каждого вопроса и его методологическую сущность.

Первый вопрос нацелен на выявление референциальной соотнесенности распространенной информации с истцом. В некоторых случаях потребность в дальнейшей экспертизе отпадает, поскольку в тексте отсутствуют какие-либо

показатели отнесенности негативной информации к личности истца. Либо, напротив, лингвистическая экспертиза разбивает доводы ответчиков и доказывает связь негативной информации с личностью истца, для чего нередко требуется комплексное рассмотрение всего публицистического материала в совокупности вербальных и невербальных элементов, с учетом интертекстуальных связей и пресуппозитивной информации. В некоторых случаях лингвист приходит к выводу, что информация относится только к одному из двух истцов, например, к лицу юридическому, а не физическому (то есть задета деловая репутация организации), или наоборот.

Второй вопрос направлен на выявление сущности воспринятой реципиентами информации. При разрешении этой проблемы в результате анализа всего конфликтного дискурса, жанра текста, пресуппозиций и импликаций лингвист выявляет смысл распространенных сведений.

Существенные сложности возникают при определении порочащего (чернящего)/непорочащего (нечернящего) характера распространенных сведений. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», **порочащими** считаются *«сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина или юридического лица»*.

Что считать правильным, а что неправильным – тема отдельного разговора. На настоящий момент, в отсутствие четких критериев, вполне целесообразно ссылаться на общечеловеческие ценности и особенности национального менталитета. Несколько сглаживает проблему то обстоятельство, что этот пункт реже других бывает предметом спора.

Третий вопрос направлен на разрешение принципиально значимой проблемы дифференциации сведений на объективно-верифицируемые (объективными их можно назвать, конечно, только с языковой точки зрения) и субъективно – неверифицируемые.

В этом же Постановлении Верховного Суда обозначена граница между правом на свободу слова и правом на честь и достоинство: *«...следует различать имеющие*

место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения..., которые, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия действительности».

То есть не вся негативная информация в адрес какого-либо лица может быть признана порочащей, чего тенденциозно не замечают многие эксперты, старательно доказывая, какой урон репутации истца наносит какой-либо материал, но умалчивая о его демонстративном субъективизме.

Событийные, или, как их еще называют по различной терминологии, фактологические, фактуальные, описательные, сведения сообщают о событиях, процессах, явлениях, произошедших в конкретных условиях места и времени. Это информация о конкретных ситуациях, происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности лица юридического. Такая событийная, фактуальная информация либо соответствует, либо не соответствует действительности, подвергается верификации и в случае недоказанности считается порочащей. По решению суда порочащие сведения опровергаются в СМИ, их распространившем. Вопрос о соответствии сведений действительности в компетенцию лингвиста не входит, его задача ограничивается самим вычленением из текста этой информации.

Вторая группа сведений представляет собой мнения, оценки, концепции, прогнозы, выражение отношения к событиям, явлениям. Оценочные суждения являются средством авторского самовыражения и потому не подвергаются идентификации действительности, а соответственно, не могут быть ни лживыми, ни порочащими. В соответствии с законом о СМИ журналист имеет право высказывать несогласие с кем-либо, критиковать чью-либо деятельность, выражать негативное отношение. Допустимы любые негативные оценки конкретных фактов, событий. Мнения и оценки не опровергаются, а оспариваются в печати в порядке полемики.

Именно определение информационной природы распространенной информации – одна из основных функций лингвиста, поскольку очень часто истцы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации предлагают для опровержения информацию, которую невозможно соотнести с действительностью и верифицировать.

Лингвист вычленяет из текста, содержащего не только соседствующие, но и взаимопроникающие элементы объективного и субъективного, событийного и оценочного, те сведения, которые являются событийной канвой, организующей авторские модальные и прагматические напластования. В результате такого анализа

эксперт должен предложить суду конкретные положения для проверки на предмет достоверности, освобожденные от формы авторского субъективизма. Для этого лингвист рассматривает семантическую и семную структуру языковой единицы, отделяет номинативную составляющую значения от коннотативной. Считаем, что следует отойти от сложившейся практики выдвигания для доказывания конкретных цитат из текста. В чем же в таком случае будет заключаться заслуга лингвиста, если судебное разбирательство, как и без его участия, будет запутано сочетанием денотативного и субъективно-оценочного начал? Так, трудно доказывать, что «этот чиновник паразитирует на теле государства». Метафора заслоняет содержательную сущность высказывания. Можно привести доказательства того, что «этот чиновник использует государственные ресурсы в личных целях». Например, журналист докажет, что чиновник брал взятки, или занимался бизнесом, используя свои административные ресурсы, или принимал решения, выгодные лично ему.

Дифференциация двух противопоставленных групп сведений нуждается в научно обоснованной методике. Необходимо признать, что в одном высказывании могут сочетаться информационные компоненты, представляющие обе категории. Так, в [Губаева, Муратов, Пантелеев 2002] приведен пример оценочного высказывания: «Просто удивительно, как он решился на очередной большой обман при сведущих людях». На наш взгляд, наряду с авторским удивлением – неverified оценкой – в предложении присутствует четкое сообщение о том, что некто решился на обман, событийное, верифицируемое.

Четвертый вопрос необходим для выведения за пределы судебного рассмотрения сведений, фактуальных по содержательной сущности, но выраженных в форме предположения.

Предположение или прогноз могут быть выражены предложением без конкретных лексических показателей авторского отношения (вводных, модальных слов): *Такая политика правительства приведет рано или поздно к экономическому краху*. Форма будущего времени глагола-предиката, а также само содержание предложения – социально-экономический прогноз, вывод из предшествующих рассуждений автора, – свидетельствуют о субъективном характере суждения, не подлежащем судебному рассмотрению. Поскольку информативная природа такого типа высказываний, по своей информационной природе являющихся мнениями, оценками, определена, применительно к ним становится несущественным наличие или отсутствие показателей субъективной модальности. Вводные слова (*как нам кажется, на наш*

взгляд и подобные) лишь усилили бы субъективизм высказывания, но не повлияли бы принципиально на определение его информационного типа и на исход судебного разбирательства.

Иной подход необходим к тексту, сообщающему о событии, явлении, но содержащему маркеры субъективной модальности. Фактуальное по информативной природе сведение может быть преподнесено говорящим не как категоричное утверждение, а как предположение, вывод из известных фактов, как логическое умозаключение. Так, сообщение о том, что некое лицо берет взятки, пользуется служебным положением в целях получения личной выгоды по референтной природе является событийным и, соответственно, верифицируемым. Однако в том случае, если журналист, приведя ряд фактов, которые истец не оспаривает, предполагает, что из всего сказанного можно сделать соответствующий вывод, то есть конкретными лексическими средствами указывает читателю на предположительный характер своего суждения, лингвист не может подвести такую информацию под категорию «утверждения». Подобные предположения приносят реальный моральный вред и далеко не всегда аргументированы достаточно убедительно, но, в соответствии с законодательным текстом, порочащими могут считаться только утверждения. Поэтому применительно к сведениям событийного, фактуального характера следует применять критерий дифференциации «утверждение – предположение». Предположения о факте хотя и неприятны объекту речи, но являются всего лишь субъективным видением ситуации автора высказывания, что не преследуется законом. Критерием отнесения сведения к названной категории являются конкретные лексические показатели субъективной модальности со значением сомнения, предположения, неуверенности.

На практике нередко имеет место использование манипулятивных приемов преподнесения информации. Автор текста, уводя свое сообщение из зоны риска, сопровождает его ссылкой на неопределенный источник: *по слухам, многие считают, по словам лица, приближенного к губернатору* и т.д. Такие показатели авторства информации (или псевдоавторства) формально не позволяют лингвисту говорить о категоричном утверждении, однако лингвист может обратить внимание суда на специфику рассматриваемой информации. Возможно, когда-нибудь результаты лингвистических исследований найдут отражение в юридической практике и в правовых документах.

Пятый вопрос выводит лингвистическую экспертизу за рамки гражданского процесса о защите чести, достоинства и деловой репутации. Инвективные языковые

средства, отнесенные к лицу, свидетельствуют о наличии в тексте оскорбления, что является уголовно наказуемым деянием. Оскорбление во многих случаях сопровождается порочащие сведения, и до лингвистического анализа часто эти явления не дифференцируются. Поэтому считаем необходимым введение этого вопроса в структуру лингвистической экспертизы.

Если негативная информация относится к истцу, если она по своей природе событийная, не содержит маркеров субъективизма, она должна быть подвергнута верификации и в случае недоказанности признана порочащей и опровергнута.

Предвидим упреки по поводу стремления формализовать и ограничить рамками некоего плана творческий полет исследователя.

Во-первых, признаем некоторую условность предложенной схемы. Порядок следования некоторых пунктов нельзя считать обязательным. Так, несущественно, что сделать в первую очередь – определить референтную соотнесенность высказывания или выявить его информационную природу. Рассмотрение же некоторых аспектов представляется логичным именно в определенном порядке, как мы доказываем, от этого зависит вывод лингвиста. Например, нелогично сначала констатировать факт утверждения, а затем приступить к дифференциации фактуального и оценочного.

Во-вторых, основной пафос нашего исследования и состоит в предложении некоторого ограничения свободы лингвиста-эксперта при выполнении экспертизы конкретного типа, в выявлении возможностей и границ использования лингвистических теорий в исследуемой лингвистической практике. Всем ходом работы, соотнося лингвистические категории с юридическими, мы доказываем, какие аспекты текста должны быть рассмотрены и почему. Мы предлагаем целевую ориентацию лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, определяющую решение конкретных задач и требующую соответствующей структуры. Предложенная структура, как мы понимаем, является каркасом, который может в зависимости от конкретного случая подвергаться корректировке. Так, например, в некоторых случаях естественным является анализ жанра текста, обуславливающий определенный тон и отбор языковых средств. Однако этот элемент анализа сыграет служебную роль при выявлении смысла текста и всех необходимых названных и перечисленных аспектов. Поэтому, принимая возможное смягчение предложенной структурной схемы и допуская квалификацию «вопросов» как «аспектов анализа», отстаиваем саму их содержательную сущность, определенную

прагматической направленностью рассматриваемого типа лингвистического исследования.

1.5. Определение интенции адресанта в структуре лингвистической экспертизы

Вопрос о роли выявления авторской интенции в структуре лингвистической экспертизы – один из спорных.

Прежде всего уточним сущность рассматриваемого понятия, чтобы обозначить предмет дискуссии.

Как общегуманитарный термин «интенция» (лат. intention стремление) обозначает направленность сознания, мышления на какой-либо предмет; намерение, цель [Современный словарь иностранных слов 1994,с.241]. В теории фазовой структуры речевого акта [Выготский 1982], получившей развитие в психолингвистике (А.А.Леонтьев, А.Н.Соколов, Н.И.Жинкин, И.Н.Горелов), интенцией называется первый из последовательно сменяющихся друг друга этапов порождения речи, предшествующий мотиву, внутреннему программированию и реализации.

Понимая термин «интенция» традиционно, используем его как обозначение намерения говорящего. Интенция – это коммуникативная задача коммуниканта, которая определяет отбор и сочетаемость используемых языковых средств. Важно понимать, что интенция – категория скрытая, внутренняя. Будет или не будет она, во-первых, эксплицирована, а во-вторых, реализована, – зависит от ряда условий, в частности от степени владения обоими коммуникантами языковым строем и умением одного закодировать, другого – декодировать информацию.

О возможной неадекватности интенции адресанта восприятию адресата говорит О.В.Саржина, рассматривая в качестве конфликтообразующего фактора несовпадение языковых кодов коммуникантов. Автор рассматривает различные варианты соотношения интенции и восприятия. Так, приводятся примеры из текстов художественной литературы, в которых отражаются ситуации: инвективное намерение имело место, но в силу индивидуального восприятия адресант не был оскорблен; инвективного намерения не было, а субъективность языковой системы либо говорящего, либо воспринимающего речь позволили увидеть в свой адрес инвективное намерение [Саржина 2005]. Актуальная проблема несовпадения в семантико-

стилистической оценке языковых единиц носителями языка теснейшим образом связана и с правовым аспектом квалификации речевого акта.

Конфликтный текст – предмет спора сторон – предстает как некий объект интенциональных интерпретаций. Таких интерпретаций в случае юридического функционирования конфликтного текста по крайней мере две: один представлен адресантом, другой – адресатом.

Какое место должен занимать анализ авторской интенции в лингвистической экспертизе? Какую роль играет прагматический компонент высказывания при его юридической оценке?

Представим имеющиеся по этому вопросу мнения.

О.Н.Матвеева считает, что «Сведение экспертного исследования только к стилистическому анализу конфликтного текста в значительной мере ограничивает лингвоюридические возможности экспертизы... Именно интенциональный компонент конфликтного текста является отправной точкой для адекватной интерпретации последнего. Понимание интенции автора конфликтного текста позволяет правильно интерпретировать его отдельные предложения, словосочетания, слова, поскольку достаточно распространены случаи, когда в тексте имеется инвективная лексика, но текст в целом признается неоскорбительным (см., например, анализ употребления слова *хам* в экспертном заключении по тексту «Мы делили апельсин...») и, наоборот, высказывание не содержит инвективы, однако признается оскорбительным» [Матвеева 2004].

Конечно же, сам факт наличия/отсутствия обценной лексики в тексте – не критерий его общей инвективности. Невозможно не согласиться с автором в том, что конфликтные тексты – «это тексты социального действия, это тексты, представляющие собой поступок, значит, они должны иметь все признаки поступка, в том числе цель, намерение, мотив и причину его совершения». Представляется также справедливым суждение: «Юридизация прагматики текста, отражающей интенции адресанта, мало разработана в лингвистической экспертизе и встречается крайне редко. Между тем юристы ждут решения этого вопроса от лингвистической экспертизы. Вопрос о содержательно-смысловой направленности текста, часто обнаруживающийся в судебных определениях о назначении экспертизы и встречающий непонимание лингвистов, представляет собой именно вопрос об интенциях автора текста. Интенциональный компонент текста включает в себя цель, намерение, мотив, причину высказывания». Абсолютизация же роли интенции вызывает сомнения: «С какой целью

создан текст, каково намерение автора конфликтного текста – вот вопросы, ответив на которые, эксперт может правильно его интерпретировать» [Матвеева 2004,с.102].

По поводу сказанного возникает целый ряд вопросов.

Во-первых, достаточно ли на настоящий момент разработан инструментарий для того, чтобы однозначно определить авторскую интенцию?

Во-вторых, если такой инструментарий и есть, то строго ли он лингвистический? Анализ практических выведений авторских интенций показывает, что он зиждется, скорее всего, на общих логических, смысловых связях, допущениях, выявлении несоответствий и противоречий. Нередко интенция определяется простым опросом участников речевой ситуации, но где гарантия того, что, оценив последствия своего поступка, ответчик не исказит свои мотивы, благо в речевом конфликте никаких фактических доказательств обычно не бывает.

В-третьих, можно ли интерпретировать текст только на основе интенции, не учитывая возможность коммуникативной неудачи? Не важнее ли того, «что хотел сказать автор», то, что он реально сказал? Можем ли проводить стопроцентную параллель между интенцией как имплицитной категорией психологического порядка и выражаемым текстом смыслом как категорией эксплицитной?

Кроме того, неизбежен вопрос и другого порядка: какую конкретно роль играет вопрос об интенции в общей структуре лингвистической экспертизы рассматриваемого типа и как его решение определяет квалификацию текста и, соответственно, правовые последствия для истца и ответчика?

На последний вопрос автор статьи дает ответ: «Значение анализа интенциональных аспектов текста трудно переоценить: инвективные (конфликтногенные с лингвистической точки зрения) языковые средства юридически нерелевантны в случае отсутствия соответствующей интенции и, наоборот, может быть юридизировано все, что «работает» на стратегию дискредитации...Даже если в конфликтном тексте отсутствует инвективная лексика, текст можно квалифицировать как воплощающий стратегию дискредитации (что проецируется на юридическое унижение чести, достоинства и деловой репутации, оскорбление), проанализировав его смысл» [Матвеева 2004]. В качестве примера автор приводит пример юридизации выражения *«герои капиталистического труда»*, которое суд признал оскорбительным. Правда, мотивы такого решения в статье переданы недостаточно четко: «Адресант пояснял, что выражение *«герои капиталистического труда»* не является общепринятым понятием, учреждено им самостоятельно и не носит оскорбительного

характера, адресат же считает, что указанное звание является оскорбительным. Именно исходя из интенций авторов текста, суд признает оскорбительным это выражение». Во-первых, не совсем понятно, как интенции автора были определены в рассмотренном примере. Во-вторых, необходимо различать скрытую категорию интенции и эксплицитную категорию стратегии. Интенция автора всегда выступает как гипотетическая, о стратегии же текста можно говорить вполне аргументированно, оперируя лингвистическими понятиями структурного центра, композиции, семантической и лексической доминанты и многими другими. Анализ стратегии, представленной в тексте, дает основания для предположения об интенциях автора. Однако никогда нельзя исключать возможности их частичного или полного несовпадения.

Но даже не в этом дело. Вызывает несогласие само положение о постановке во главе угла интенций автора. Рассматривая проблему на стыке двух дисциплин, мы не можем игнорировать тот правовой результат, к которому должен прийти лингвист всеми своими научными размышлениями. И мы не можем в данном случае остановиться только на лингвистических поисках, не спроецировав их на правовое поле. Давайте обратимся к анализу сути тех законов, регулирующих речевую деятельность, с которыми мы работаем и определить нарушение/соблюдение которых пытаемся.

И ст.152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации», и ст.129 «Клевета» и ст.130 «Оскорбление» УК РФ ориентированы на защиту нематериальных благ граждан. Наличие потерпевшего – повод для возбуждения дела по любой статье, в том числе и по названным. Важно определить, что первично: фактический результат или намерение? Проведем параллель с процессами других типов, и сравнение это с очевидностью укажет на приоритет первого. Нанесение увечья или убийство по неосторожности смягчает, но не снимает вину. Почему же оскорбитель, нанесший потерпевшему моральный урон, должен освободиться от ответственности из-за отсутствия инвективного намерения? Отсутствие такового, кроме того, доказать крайне сложно, и даже, как правило, абсолютно невозможно. Определение интенции в большинстве случаев носит гипотетический характер.

Анализ текстов законов показывает, что три рассматриваемых нами типа речевых конфликтов, квалифицируемых как *клевета*, *опорочение* и *оскорбление*, выстраиваются в градационный ряд по степени чувствительности к категории интенции.

1. Оporочение (ст.152 ГК РФ). Интенция автора практически несущественна. Ее определение факультативно. Гражданский кодекс ориентирован прежде всего на защиту прав граждан и на компенсацию ущерба, нанесенного одним субъектом другому. Гражданский кодекс регулирует отношения двух сторон, карательные функции не входят в число его задач. Сама сущность дела о защите чести, достоинства и деловой репутации не предполагает выяснения вопроса о намерениях ответчика. Важно лишь выяснить, был ли нанесен моральный вред или нет. В этом ракурсе авторская мотивация, целеполагание, интенция и ответчику, и суду могут быть интересны только в качестве дополнительной информации. Как мы уже говорили, первостепенная задача лингвиста при анализе текста – выявление типового смысла (возможно, вариантов смысла), по объективным законам декодировки воспринятого (воспринятых) реципиентами.

2. Оскорбление (ст.130 УК РФ). Как и при опорочении, важен прежде всего результат – наличие или отсутствие нанесения оскорбления. Однако поскольку оскорбление является уголовно наказуемым деянием, умысел играет не последнюю роль. В отличие от гражданского кодекса, уголовный кодекс преследует цель наказать правонарушителя, и мотив его поступка определяет меру его вины. К сожалению, методы определения умысла в данной сфере несовершенны (примеры приведем далее). Существенно не перепутать взгляд со стороны истца и ответчика, адресата и адресанта. Отсутствие намерения не означает неинвективности текста. Инвективность текста определяется не по субъективной категории интенции (и, конечно же, не только по заявлению оскорбленного, тоже результату субъективного восприятия), а по объективным языковым законам, определяющим стилистическую норму и – шире – норму речевого общения, нарушение которой способно (пусть гипотетически!) причинить моральный вред.

3. Клевета (ст.129 УК РФ) – это то же опорочение, но намеренное. В отличие от предыдущих двух случаев, интенция автора при определении клеветы имеет определяющее значение. Если есть свидетельства того, что несоответствующие действительности порочащие сведения были распространены намеренно, дело переходит из разряда гражданских в разряд уголовных. За время многолетней практики мы столкнулись только с одним процессом по статье «Клевета», в котором доказательством намерений распространителей информации явился факт шантажа, зафиксированный в ходе специальной операции с передачей денег. Такая «неработоспособность» статьи о клевете объясняется именно отсутствием абсолютно

достоверных лингвистических, неоперативных методов доказательства определенных намерений адресанта.

Не стоит, однако, путать два принципиально важных вопроса – о сущности распространенной информации и о намерениях автора. Не видим смысла смешивать эти взаимодействующие, но все же достаточно самостоятельные категории. Клевета предполагает обязательное соблюдение этих двух условий: порочащий смысл распространенной информации, не соответствующий действительности + намеренность дискредитации, заключающаяся в сознательном распространении «заведомо ложных» сведений, то есть сведений, ложность которых распространителю была известна.

Вся логика наших рассуждений приводит к мысли о том, что определение инвективности текста по интенции – неоправданное смещение акцентов из сферы реальной, фактической, эксплицитной в сферу психологическую, имплицитную.

Анализ способов определения авторской интенции позволил выявить некую типологию, в основе которой лежит различие в методах декодировки намерения коммуниканта.

1. Оперативная методика. Самый надежный метод определения интенции, не имеющий ничего общего с лингвистикой. Сущность этого метода заключается в том, что некие конкретные действия подозреваемых позволяют абсолютно точно определить их стратегические намерения и, соответственно, тактическое поведение при создании текстов. Так, в период предвыборной кампании газета «Обзор Андрея Стольника» распространяла сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию кандидата в депутаты В.Панова. Авторы публикаций предложили объекту опорочения за определенную сумму прекратить продуцирование порочащих материалов. В момент передачи денег подозреваемые были задержаны. Таким образом была доказана цель деятельности авторов – личное обогащение посредством шантажа. Оперативные действия исключили вариант добросовестного заблуждения, могущего иметь место лишь при бескорыстном стремлении информировать читателей по актуальным для них темам.

2. Методика опроса коммуникантов. Этот способ определения интенции ближе к лингвистике, впрочем, только тем, что выводы основываются на результатах речевой деятельности. В целом этот метод совершенно не аналитичен. Его используют в тех случаях, когда имеет место явная амфиболия, и из текста как объекта исследования не следует с очевидностью ответ на какой либо из значимых в структуре дела вопрос: кто что имел в виду, кому адресовалось то или иное высказывание? Опрос

участников конфликтной ситуации представляется совершенно бесперспективным в плане выяснения истинных причин, мотивов, целей конфликтных высказываний, поскольку мы не можем быть уверены в искренности сторон, оценивающих последствия своих показаний и осознающих их непроверяемость в рассматриваемой ситуации.

Так, подчиненная подала в суд на начальника, сказавшего ей буквально следующее: «Ну что, блядь, стоишь...?» Анализ этой фразы привел лингвиста-эксперта И.Левонтину к совершенно логичному, на наш взгляд, выводу о двух вариантах ее осмысления: во-первых, обценное слово может иметь в предложении статус обращения, и тогда оно, относясь к конкретному лицу, реализует инвективу; во-вторых, обценное слово может выполнять функцию связки, междометия, некоего избыточного языкового элемента, хотя и нелитературного, и, конечно же, неуместного в деловом общении, но не отнесенного к конкретному лицу и потому не являющегося оскорблением.

Представленный для анализа текст не позволяет декодировать его более точно. Возможно, аудио-и/или видеозапись ситуации позволила бы сделать выбор в пользу одного из вариантов, хотя и наличие таких дополнительных средств не всегда устраняет неоднозначность. Считаем, что функция лингвиста по выявлению объективно выражаемого высказыванием смысла закончена. Все остальное выходит за пределы компетенции филолога.

Вспомним нашумевшее судебное разбирательство Арьян – Киркоров. По поводу заключительной реплики певца в диалоге с журналисткой, нашедшего обценную рифму к слову «звезда» – «п...да», лингвист-эксперт А.Баранов предположил два варианта декодировки: 1) слово характеризует Арьян; 2) слово является реализацией языковой игры (эдакая безадресная рифма). Лингвист завершил анализ предложением узнать у самого Киркорова, что он имел в виду, что является отсылкой к определению интенции по методу опроса коммуникаттов .

Применительно к рассмотренному случаю выискивание двусмысленности представляется нам явной натяжкой по двум причинам: во-первых, высказывание, равное одному слову, находится в рамке диалога, представляется его логичным продолжением, и нет никаких оснований предполагать, что в этот момент начался другой отрезок речевой практики; во-вторых, видеокамеры зафиксировали жестовый и речевой посыл в адрес истца, что доказывает неабстрактность высказывания «в воздух», а отнесенность конкретному лицу – И. Арьян.

Но это мнение по поводу конкретной ситуации. Попытаемся понять, насколько вообще продуктивно обращение за разъяснениями интенционального характера к участникам речевого конфликта.

Что даст опрос коммуникантов? Очевидно, что истец, поскольку он обратился в суд, счел нелитературное слово обращенным в свой адрес, воспринял его как характеристику и претерпел моральные страдания (или декларировал их наличие, что непроверяемо). Вариантов поведения ответчика (обвиняемого) два: 1) в силу непонимания последствий автор высказывания может признаться, что обращался так к адресату; 2) ответчик может мотивировать свои слова способом, отводящим от себя ответственность («у меня это слово вместо связки», «да, я просто срифмовал»).

Считаем, было бы справедливо придавать признанию вины подозреваемым в исследуемой сфере такой же вес, как и в процессах другого типа, то есть не базироваться на них при вынесении решения, хотя и учитывать. В любом случае к компетенции лингвиста осуществление этих выводов уже не относится, его роль – дать объективную декодировку текста, даже если эта объективность представлена в вариантах. За юриспруденцией остается разрешение вопроса о том, как осуществлять правовое разрешение речевых конфликтов, объектом которых является текст, предполагающий варианты толкования. Считать ли приоритетной возможность оскорбления или возможность неоскорбления?

3. Собственно лингвистический анализ текста. Несомненным плюсом этого метода определения интенции адресанта является аналитичность, хотя наряду со строго лингвистическими доводами неизбежно используются логические. Впрочем, этот упрек вполне можно отнести к любому анализу текста, поскольку речь, отражая реалии действительности, естественным образом связана с логикой, и разорвать ради монодисциплинарности единое целое не представляется ни необходимым, ни разумным (о широком понимании предмета лингвистики [Пузырев 2002, с.44-45]).

Как правило, стратегия дискредитации прослеживается в текстах довольно ярко, и в ее доказательство можно привести целый ряд доводов, начиная от отбора материала, способов и средств акцентуации материала и заканчивая стилистической окраской отдельных характеризующих лексем. Однако, как мы уже говорили, доказать стратегию дискредитации еще не означает доказать изначальную интенцию опорочить и тем более оклеветать. Автор хотел собрать объективный материал и преподнести его читателю. Что ж поделаешь, если сбор материала показал такой результат. А что некоторые сведения не соответствуют действительности – так в этом никакого умысла

не было: подвели информанты, чего-то не увидели, не поняли, в общем, добросовестно заблуждались. Крайне редко анализ текста может способствовать доказательству намерения опорочить какое-либо физическое или юридическое лицо. Однако в принципе это возможно.

Примером использования аналитического метода определения интенции может служить следующий анализ. Пренебрегая остальными аспектами анализа, являющихся предметом рассмотрения в других разделах: доказательством порочащего характера сведений, отнесенных к лицу, выделением событийных сведений, – сосредоточимся на определении интенции. В период предвыборной кампании появляется статья, сама композиция которой заставляет задуматься о намерениях автора. Первая часть претендует на репортажность. Автор сообщает об отравлениях «хлебом от Юревича»: *«Несколько человек в Челябинске отравились хлебом от Юревича»* и анализирует причины: *«... дешевый хлеб «от Юревича» делается из гуманитарного американского зерна, а зерно это фуражное, непригодно для хлебопечения», «...Хлеб...годен только свиньям»; «Голуби ... попадают под струю зерна... падают вниз и идут в перемол. Ясно, что погибают в первую очередь самые слабые, больные».*

Вторая часть достаточно прямолинейно, прямо-таки лозунгово подводит читателя к выявлению виновника произошедшего: *«Круг замкнулся: «помойные» голуби – хлеб от Юревича – хлеб на помойку».*

И, наконец, в финале героем публикации вместо отравившихся челябинцев становится политик, на дискредитацию которого и направлен весь материал: *«В ходе предвыборной кампании открылись такие факты из его [М.В.Юревича] биографии, что челябинцам непонятно, на что вообще надеялся Юревич, начиная с такой биографией борьбу за депутатский мандат»; «Все, на чем держалась репутация Михаила Валерьевича как предпринимателя, человека и гражданина, в последнее время не просто поставлено под сомнение, а на глазах рушится».*

Можно выделить как минимум три доказательства, позволяющих определить интенцию автора как дискредитационную.

1. Композиция, сюжет. Отсутствие целостности сюжета материала заставляет заняться поиском ключевого мотива, определяющей идеи. Поскольку все самое главное по законам публицистики обязательно завершает материал, расставляя финальные акценты, не остается иного варианта ключевой идеи, как выражение негативного отношения к М.Юревичу. История про отравившихся не вылилась в анализ работы

санэпидстанции или в научный анализ причин роста заболеваемости, а явилась необходимым порочащим предисловием к дискредитирующим лозунгам.

2. Отсутствие опоры на фактический материал. Существенным доводом при определении интенции в данном случае является отсутствие каких-либо конкретных данных, лежащих в основе материала. Не названы никакие характеристики отравившихся, не сказано, в какой они находятся больнице, не назван лечащий врач, не приведены его профессиональные рассуждения. Ужасные факты биографии М.Юревича тоже не названы, декларирован сам факт крушения репутации. Отсутствие в публицистическом материале, претендующем на отражение реальных событий, каких бы то ни было фактических данных позволяет предположить отсутствие этапа сбора материала.

3. Алогизмы. Наиболее отчетливо интенция автора выступает при вскрытии логических противоречий, могущих быть только результатом отсутствия реального фактического материала, замененного вымышленными размышлениями. Вдумаемся в практический смысл слов *«Несколько человек в Челябинске отравились хлебом от Юревича»*. Насколько реально практически определить названный факт? Что, отравившиеся питались только хлебом? Но наиболее разоблачительна фраза: *«Врачи еще не знают, в чем дело, а специалисты утверждают...»* (далее идет размышление о голубях) Вопрос: специалисты какого профиля рассуждают? И о каком отравлении можно говорить, если *«врачи еще не знают...»*? Логические несоответствия позволяют предположить искусственное моделирование описываемой в статье ситуации.

Сделанные на основе анализа текста выводы нашли подтверждение в ходе судебного заседания: журналист не смог привести ни одного доказательства отравления горожан, а процедуру перемола зерна он вообще не видел, сам технологический процесс, как было доказано, исключают возможность попадания голубей в перемол. Весь представленный в публикации материал был намеренно спродуцирован с целью дискредитации истца.

Продемонстрированный нами пример определения интенции автора в результате анализа текста убеждает в самой возможности такой декодировки. Однако не можем не признать, что успех лингвиста в приведенном случае отчасти является результатом явного неуспеха журналиста, который осуществил свою интенцию слишком прямолинейно, совершив ряд тактических ошибок. При более искусном воплощении интенции у лингвиста не было бы шансов без дополнительной, не доступной ему до судебного разбирательства, информации определить намерение автора.

Так, смоделируем дискредитирующий текст, сохранив изначальную интенцию, но избежав ошибок автора. Назовем фамилии пострадавших (не существующих в реальности), номер больницы (не существующий), дадим даже интервью главного врача. А об объекте дискредитации скажем ненавязчиво к слову, чтобы антирекламность материала не бросалась в глаза, но виновник происшествия был признан и назван. К сожалению, подобные стратегии дискредитации активно используются в современном информационном поле. По такому тексту лингвист не определит интенцию автора, поскольку будет лишен необходимой информации о недостоверности распространенных сведений. Поэтому вынуждены признать, что лингвистический анализ текста хотя и может служить средством определения интенции, полагаться на него как на гарантирующий очевидный результат и универсальный метод не представляется возможным.

Завершить же размышления о роли категории интенции в структуре лингвистической экспертизы хотим выходом на общелингвистическую теорию, за пределы решаемой практической задачи. Как нам представляется, неубедителен сам тезис, согласно которому по интенции можно определить стратегию текста и дать его интерпретацию. Это равносильно определению идейно-художественного содержания произведения по высказываниям автора в частных беседах, письмах или дневниках, а не по самой художественной ткани изучаемого явления. Текст – самостоятельная сущность, объективно существующая, являющаяся кодом определенного смысла. Схема анализа представляется диаметрально противоположной. По тексту как факту, данности мы можем определить сущность выраженной информации, выявить стратегию и – далее – предположить интенцию. Порядок декодировки таков, а не обратный.

Выводы по I главе

Судебное лингвистическое заключение (экспертиза) – особый вид лингвистического исследования, в зависимости от разновидности имеющий свой объект и предмет рассмотрения, цель и структуру. В лингвистической экспертизе по процессам о защите чести, достоинства и деловой репутации **объектом** анализа является конфликтный дискурс.

Предметом же лингвистического анализа в этом типе семантической экспертизы является выражаемый всем комплексом языковых элементов, реализующих определенные **значения**, инвариантный **смысл текста**, отражающий типовое **восприятие** текста.

Цель лингвистической экспертизы обозначенного типа – выявление отнесенной к лицу (физическому или юридическому) негативной информации событийного характера, выделение и экспликация скрытых в подтексте положений фактуального характера для верификации в судебном разбирательстве, выявление инвективы, отнесенной к лицу.

Названная цель лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства, деловой репутации реализуется в ряде **задач**, стоящих перед лингвистом-экспертом:

- 1) определение референциальной соотнесенности конфликтного высказывания;
- 2) определение порочащего (позорящего) характера сведений, экспликация имплицитного;
- 3) дифференциация фактуальных и оценочных, денотативных и коннотативных компонентов смысла;
- 4) дифференциация утверждения и предположения;
- 5) выявление инвективных языковых и текстовых средств.

В процессах по клевете перед лингвистом стоит еще одна задача – определить интенцию автора распространенного порочащего высказывания, если текст дает материал для такого определения.

ГЛАВА II. ДЕКОДИРОВКА КОНФЛИКТНОГО ТЕКСТА

2.1. Имплицитные смыслы, пресуппозиции

Декодировка текста – важнейший этап лингвистического исследования, предполагающий определение наличия порочащих сведений, выявления их конкретного содержания и референциальной соотнесенности. Выяснение всех перечисленных вопросов невозможно без апелляции к категории подтекста, реализованной в пресуппозициях и импликациях.

Становление лингвистической категории подтекста как скрытого смысла формировалось под воздействием осмысления этого феномена в рамках других научных дисциплин, прежде всего в философии, начиная с конца XIX – начала XX вв.

Начало изучению скрытого, невербализованного смысла в лингвистике, скорее всего, положила работа С.О. Карцевского «Об асимметричном дуализме языкового знака» [Карцевский 1929]. Взаимная неоднозначность соответствия плана выражения и плана содержания отмечалась в работах Ш.Балли, М.М. Бахтина, В.Н. Выготского, А.А. Потебни и ряда других ученых. Однако до середины XX века работы в данном направлении не имели продолжения.

Среди публикаций, в которых проблеме имплицитного уделено достаточно серьезное внимание, стоит отметить следующие: [Аругюнова 1973, 1976; Багдасарян 1983; Беллерт 1978; Вимер 2000; Волошинов 1930; Гак 1979; Гальперин 2005; Дементьев 2000,2001,2002; Зализняк 2004; Киселев 2001,2003; Кобозева 1988; Никитин 1988; Падучева 1996]. Между тем исследований многоаспектного характера в обозначенной сфере до сих пор мало. К таковым относятся, в первую очередь, [Долинин 1983,1985; Звезгинцев 1976; Лисоченко 1992; Нефедова 2001; Тарасов 1979; коллективная монография «Имплицитность в языке и речи» 1999].

Обратимся к истокам изучения проблемы, находящимся в поле деятельности логиков. Г.Фреге обратил внимание на необходимость различать в семантике высказывания то, что в нем утверждается, и то, что составляет предпосылку суждения. Эта предпосылка, которую позднее стало принято называть пресуппозицией, по мнению автора концепции, не входит в смысл высказывания [Фреге 1977]. Но в основном теория пресуппозиции была разработана усилиями тех английских ученых, которые составляют так называемое «оксфордское направление» в аналитической философии. К ним относятся Дж.Остин, Ст. Хэмпшайр, П.Стросон и др. Все они в

основном развивают идеи позднего Л.Витгенштейна, относящиеся к изучению естественного языка и значения условий его употребления для уяснения его природы.

Самостоятельной проблемой стала конкретизация общей категории скрытого, подтекстового, дифференциация пресуппозиции и импликации.

Обращение в рамках настоящего исследования к категории пресуппозиции вызвано двумя причинами:

1) анализ текстов лингвистических заключений и экспертиз показал, что специалисты-лингвисты активно используют в названном типе научного исследования понятие пресуппозиции, причем в различных значениях, что вызывает потребность в выяснении сущности, содержания и особенностей применения его в этой сфере лингвистического анализа;

2) анализ конфликтных текстов в дискурсе показал необходимость обращения к категории пресуппозиции в отдельных ее аспектах.

На настоящий момент понятие пресуппозиции наполняется в различных контекстах далеко не идентичным смыслом. Однако во всех пониманиях пресуппозиции присутствует соотнесение этой лингвистической категории с категорией логики истинность/ложность, что имеет прямое отношение к интересующей нас проблеме. В ходе лингвистической экспертизы необходимо выделить те компоненты смысла, которые были восприняты реципиентами, и предложить суду проверить их на предмет соответствия действительности. В этом реальном правовом контексте истинным признается то, что было доказано, а неистинным, то есть требующим опровержения, – то, что не было доказано. В теории пресуппозиции истинность/ложность предстают в далеком от такого реального подхода ракурсе.

Философское определение пресуппозиции, используемое также и в лингвистике, сводится к тому, что под пресуппозицией следует понимать условия, удовлетворение которых необходимо, чтобы предложение в целом было утверждением, вопросом, повелением и т.д. Если эти условия не выполняются, то предложение признается неправильным, ложным, неграмматичным, не соответствующим целям высказывания, неуместным. Отметим, что перечисленные последствия «невыполнения условий» совершенно различны по своей природе. Неправильное – это не то же, что ложное, и совсем не то, что неграмматичное, а тем более неуместное или не соответствующее целям высказывания. Категория соотнесения высказывания с действительностью (истинность/ложность) объединяется в некое недифференцированное целое с категорией грамматической правильности и коммуникативной категорией уместности.

По большому счету дифференциация логиков соответствует духу породившей пресуппозицию дисциплины и состоит всего из двух коррелятивных членов: правильное противопоставлено неправильному. При этом не учитываются различные контекстуальные условия порождения так называемого неправильного высказывания, а также то, что оно все-таки было включено в дискурс и с большим или меньшим успехом выполнило свою коммуникативную функцию.

Это определение пресуппозиции, восходящее к Г. Фреге, имеет много вариантов. Так, Э. Кинэн еще более отдаляет теорию от реальной речевой практики: «В целом я рассматриваю пресуппозиции предложения как те условия, которые необходимо удовлетворять, чтобы предложение получило буквальный смысл. Если, таким образом, эти условия не удовлетворяются для некоторого предложения S, то тогда S либо не имеет никакого смысла вообще, либо понимается не в буквальном смысле, например как шутка или метафора» [Keenan 1971, p.45]. Теория «не имеющих смысла» предложений получила развитие. Если учесть, что значительная часть высказываний употребляется не в прямом смысле, окажется, что объект рассмотрения значительно сузится.

Для Ч.Филмора изучение природы пресуппозиции связано с исследованием условий, при которых говорящий на данном языке имплицитно знает, что он уместно употребляет данные лингвистические формы. Отсюда его определение пресуппозиций как условий, удовлетворение которых необходимо для того, чтобы предложение могло быть использовано в любой из его функций [Ch. Fillmor 1971, p.275]. Близким по сути только что приведенному является и определение А. Цвики, согласно которому пресуппозиция представляет собой условия правильного употребления предложения [Zwicky 1971, p. 73]. Такое понимание пресуппозиции представляет собой сдвиг в сторону прагматики и коммуникации.

С иных позиций подходят к определению пресуппозиции те авторы, которые рассматривают ее как некий обязательный фонд общих знаний, предполагающий «предварительный договор» и обеспечивающий правильное понимание речевой коммуникации. В этом ракурсе определяет пресуппозиции А.Гросу [Grosu. 1971]. Несколько видоизменяет его Готфрид Габриэль: «Под пресуппозицией можно понимать «молчаливую предпосылку», если при этом внести то ограничивающее замечание, что имеются в виду только те предпосылки, которые необходимо удовлетворить, чтобы высказывание можно было определить как истинное или ложное.

Таким образом пресуппозиции отличаются от контекстуальных импликаций» [цит. по Звегинцев 1976, с.217].

Проблема пресуппозиций стоит в центре концепции порождающей семантики Джорджа Лакоффа, понимающего под пресуппозицией «то, что должно быть истинным, чтобы предложение было либо истинным, либо ложным» [Lakoff 1970, p.131].

Определений пресуппозиции множество, и они имеют далеко не идентичную логико-понятийную природу. Попытка упорядочить представления о пресуппозициях представлена в статьях Н.Д. Арутюновой: «Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филмора» [Арутюнова 1973а] и «Понятие пресуппозиции в лингвистике» [Арутюнова 1973б] – предлагающих несколько значений интересующего нас термина, притом не полностью совпадающих в двух одновременно представленных публикациях, что свидетельствует о сложности проблемы и неочевидности ее решения. Приведем значения пресуппозиции по [Арутюнова 1973а]: «В логико-лингвистической литературе этот термин употребляется в следующих значениях: 1) коммуникативно нерелевантные элементы значения слова и предложения (экзистенциональные пресуппозиции); 2) ситуативные условия, гарантирующие эффективность речевого акта (прагматические пресуппозиции); 3) обусловленность одного слова или предложения другим словом или предложением в тексте (синтагматические пресуппозиции), 4) побочные значения слова и предложения (коннотативные пресуппозиции), 5) представление говорящего о степени осведомленности адресата речи (коммуникативные пресуппозиции); 6) представление говорящих о естественных, причинно-следственных, уступительных и т.д. отношениях между событиями (логические пресуппозиции).

Обобщая выработанные лингвистикой представления о пресуппозиции, В.А. Звегинцев дает такое определение: «Под пресуппозициями следует понимать совокупность условий, которые необходимо удовлетворить, чтобы: а) сделать уместным употребление данной структуры высказывания; б) данное коммуникативное намерение (говоря философским языком, данная внеречевая сила) было эффективно воплощено в конкретном высказывании; в) высказывание было правильно понято в своем прямом смысле [Звегинцев 1976, с.220-221].

Совершенно очевидно, что, говоря об одном и том же понятии пресуппозиции, мы неизбежно будем менять ракурсы его рассмотрения в зависимости от того, на позициях кодировки или декодировки текста мы стоим. Все формулировки, говорящие

о «необходимости соблюдения условий», смотрят на пресуппозиции как на определенные требования к успешному речевому акту. Пресуппозиция как предпосылка высказывания – тоже определение с позиций моделирования речи.

Заложенное еще у истоков разработки понятия пресуппозиции понимание явления в логическом аспекте актуально и сегодня:

«Пресуппозиция, презумпция, – термин лингвистической семантики, обозначающий компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте. Предложение (1) *Филипп знает, что Нью-Йорк – столица США* семантически аномально, поскольку в его смысл входит в качестве пресуппозиции ложное суждение Нью-Йорк – столица США... Понятие пресуппозиции возникло в философской логике, где обозначает семантический компонент предложения (суждения), который должен быть истинным, чтобы предложение S имело в данной ситуации истинное значение, т.е. было либо истинным, либо ложным. Предложение (2) *Филипп знает, что столица США – Вашингтон* будет истинным или ложным в зависимости от географических познаний Филиппа, а предложение (1), с ложной пресуппозицией, не может быть ни истинным, ни ложным, поскольку оно бессмысленно». [Падучева 2003].

На последнее утверждение, по своей содержательной сути имеющее длительную историю и представленное в различных вариациях многочисленными научными трудами, посмотрим не с логических, а с лингвистических позиций, с точки зрения реального речевого акта.

Бессмысленным может считаться то, что не выражает никакого смысла. Может ли реальное высказывание быть бессмысленным? Бессмысленное высказывание является продуктом искусственного моделирования, и к реальной речи не имеет никакого отношения. Все фактически употребленные высказывания имеют хоть какой-то смысл.

Выдвигаемое положение имеет общетеоретическое значение для теории лингвистики, представляя любую речь – грамматичную или неграмматичную с точки зрения соответствия языковой норме, успешную или неуспешную с точки зрения прагматики – как реальное выражение мыслительного процесса или эмоционально-чувственного восприятия и отражения действительности автором, как воплощение некой интенции. Для исследуемой же нами практической темы тезис о непризнании «бессмысленных» высказываний имеет особое значение: в процессах по защите чести

и достоинства признание предложений, подобных процитированному, бессмысленными губительно, поскольку приведет к нерассмотрению на предмет истинности/ложности суждений, нанесших реальный ущерб чьей-либо репутации. Любое предложение употребляется в контексте (текстовом или бытийном) и выражает какой-либо смысл, запрограммированный автором или являющийся результатом неудачной кодировки.

Так, рассмотрим предложение (1) *Филипп знает, что Нью-Йорк – столица США*, впишем его в контекст и в дискурс. Допустим, два ученика сидят за партой и разговаривают. Учитель делает Филиппу замечание и говорит, что тот ничего не знает по теме. Сосед Филиппа, Иван, отвечает: *Филипп знает, что Нью-Йорк – столица США*. Можно ли сказать, что высказывание бессмысленно или неуместно? Напротив, предложение очень информативно. Какой же смысл оно выражает? Слушающий может извлечь из произнесенной фразы определенную информацию: 1) Иван считает, что столица США – Нью-Йорк; 2) Иван считает, что Филипп это «знает». Если перейти с позиции автора высказывания на позицию слушателя, осведомленного о статусе Нью-Йорка, то глагол «знает» следует заменить на «считает». Собственно, не только в этой ситуации, но и в других глаголы *знать, думать, полагать, считать* – обозначения одного и того же денотата с разных позиций. То, что говорящий считает знанием, его оппонент считает мнением, заблуждением. Языковая единица отбирается говорящим с его позиций, в соответствии с его представлением об истинности/ложности.

Независимо от правоты говорящего (доказательности, убедительности его доводов, соответствия мнению большинства), его высказывание имеет смысл, выражение которого имеет какую-то мотивацию и интенцию. Мотивация высказывания Ивана имеет варианты: 1) хотел защитить Филиппа (и сделал это неудачно, поскольку выдал собственное незнание); 2) хотел опорочить Филиппа перед учительницей; 3) пошутил. Определение мотивации без дополнительных знаний о ситуации невозможно. Шутка, как правило, сопровождается соответствующей интонацией. Умысел же Ивана может выясниться в более широком контексте. И соответствие действительности этого высказывания тоже можно установить, что на практике и делает учитель, продолжая диалог: «Да, Филипп?» Если Филипп соглашается, значит, он действительно считает, что Нью-Йорк – столица США, если смеется и опровергает это суждение – значит, он так не считает. Иван же либо ошибся сам и приписал аналогичное неведение (для него субъективно – знание) товарищу, либо намеренно оклеветал его.

Признание высказывания бессмысленным обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, это следствие невыделения в суждении блоков передаваемой информации. Часть информации может соответствовать, часть – не соответствовать действительности. Так, сообщение относительно столицы США не соответствует действительности, а сообщение о том, что Филипп субъективно это «знает» (то есть так считает) – вполне может ей соответствовать.

Во-вторых, постулат о бессмысленности в значительной мере основывается на неразличении позиции говорящего и оценивающего его речь. Одно и то же явление разными лицами обозначается и оценивается по-разному. Осознать событийную сущность сообщения можно, отделив собственно денотативную составляющую семантики слова (высказывания) от субъективных компонентов смысла. В различных контекстах, скорее всего, это соотношение будет различным. Слово «знает» включает два основных семных компонента: во-первых, тот, кто «знает», имеет некое представление о чем-либо; во-вторых, тот, кто употребляет глагол «знает», считает, что это представление является истинным. Как в нашем примере, один компонент смысла может соответствовать действительности, а второй – не соответствовать, отражать субъективное представление говорящего о ситуации.

В-третьих, суждение должно быть рассмотрено в контексте, и тогда смысл неизбежно будет выявлен. Ситуация может обуславливать вариативное осмысление суждения. Но наличие вариантов смысла – это не отсутствие смысла.

Для нас существенно положение, что предложения с «ложной пресуппозицией» выражают какой-либо смысл, обусловленный коммуникативным заданием, и вполне возможно определение сути передаваемой информации, выделение ее структурных составляющих, подвергаемых затем проверке на предмет истинности. Естественно, истинными или ложными могут быть признаны денотативные составляющие информации. При непризнании этого положения значительная часть порочащих высказываний вообще не будет рассматриваться по причине «бессмысленности», вызванной ложной пресуппозицией.

Таким образом, не видим оснований говорить о пресуппозиции в свете «аномальных» конструкций, поскольку реальная речь таковых, на наш взгляд, не содержит. Уточним это положение. Предложение может содержать грамматическую ошибку, что затрудняет понимание смысла или придает тексту амфиболию, и в этом смысле предложение можно считать аномальным, то есть грамматически ущербным. Предложение может содержать нелогичность или такую глубокую импликацию, восполнение которой затруднено. Но все эти несовершенные конструкции являются

фактами реальной речевой коммуникации, а потому могут быть предметом анализа на предмет выявления смысла. И с этих позиций, с т.з. способности быть носителями содержания, такие предложения, высказывания, тексты аномальными признаны быть не могут.

Другое же понимание пресуппозиции как логически выводимого из текста предполагаемого отправного знания участников коммуникации представляется реальным и естественным как для нашей ситуации, так и для языка вообще. В одной из последних защищенных диссертаций «пресуппозиция – предпосылка для высказывания, подразумевание существования тех объектов действительности, о которых говорится в высказывании» [Хворостин 2006, с.7].

В рамках нашей работы примем определение пресуппозиции, обусловленное, как и все ключевые понятия в нашей работе, взглядом с точки зрения декодировки речи: **пресуппозиция** – имплицитный компонент смысла, являющийся предпосылкой для эксплицитных компонентов и декодируемый по ним.

Даже отдельное слово может содержать пресуппозицию. Продемонстрируем использование теории пресуппозиции в определенном нами направлении при разрешении конкретного вопроса. Считать ли, например, слово «вор» порочащим или оскорбительным? Мнения по этому поводу диаметрально противоположные. Авторы монографии [Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации 1997] категорически отрицают оскорбительную сущность слова «вор». В.И. Жельвис столь же настойчив в квалификации такой характеристики как оскорбления: «К сожалению, понятие «неприличная форма» в русском литературном языке, равно как и в УК, не определено, однако есть основания считать, что слова «вор» и «украл», адресованные конкретному лицу, подпадают под понятие «неприличная форма» и, стало быть, должны считаться оскорблением. Заявляя «Имярек – вор», человек употребляет оскорбительное выражение, ибо слово «вор» оскорбительно, даже если адресовано человеку, действительно совершившему воровство. Слово «вор», обращенное к невинному человеку – в русской культуре особенно тяжелое оскорбление» [Жельвис 2005, с.146].

Посмотрим на проблему с иных позиций, используя теорию пресуппозиции. Слово «вор» и семантически, и словообразовательно связано со словом «воровать». Вор по определению – «человек, который украл что-либо или ворует». Совершенно необъяснима широко распространенная позиция, согласно которой обозначение действия может быть порочащим, поскольку оно указывает на имевший место процесс,

а наименование лица не является порочащим, поскольку это выражение мнения, оценки. Такие рассуждения представляются формальными, казуистичными, отталкивающимися от грамматики, но не учитывающими семантики и прагматики.

Выявление пресуппозиции – необходимый элемент лингвистического анализа текста, стремящегося выявить тот самый инвариантный смысл, который воспринят массовым реципиентом в соответствии с законами языка.

Существительные, негативно характеризующие лицо, по своей семантике преимущественно имеют абсолютно жесткую для носителей языка пресуппозитивную связь с конкретными действиями, поступками, типом поведения: лжец – тот, кто лжет; обманщик – тот, кто обманывает; фальсификатор – тот, кто фальсифицирует; прогульщик – тот, кто прогуливает. Пресуппозитивность глаголов по отношению к существительным – характеристика лица убедительно прослеживается и на словообразовательном уровне: существительные производны от глаголов и мотивированы ими.

Никто не отказывает этим словам в оценочной составляющей коннотации, однако невозможно отрицать и заложенную в этих номинациях фактуальную сущность. Признание их оценочными (и только оценочными!) совершенно неоправданно снимает с автора высказывания всяческую ответственность и освобождает от необходимости доказывать справедливость распространенной характеристики, и, с другой стороны, в случае их объективного употребления (того, кто совершил кражу, назвали вором, того, кто солгал, и это доказано, – лжецом) лишает автора негативного суждения права на доказательство. Отражение же в лингвистическом анализе пресуппозитивной связи номинирующих характеристик (вор) с обозначением совершаемых действий (вор – это тот, кто ворует или однажды своровал) убедительно доказывает событийную сущность как глаголов, так и образованных от них существительных, относит к категории фактуальных, требующих доказательства и в случае недоказанности признающихся порочащими, а в случае доказанности – достоверными сведениями.

Сложнее рассматривать слова, оценочная природа которых практически поглощает номинативную: *подлец, негодяй, ничтожество, мерзавец, мразь*. Эти лексемы очень обобщенно характеризуют лицо, отрицая самые основы тех качеств, с которыми неразрывно связаны честь, достоинство, общественное признание, уважение. Возможно, использовавший эти слова и имеет какие-либо мотивы, которые может представить суду. Однако доказательство таких номинаций слишком сложно, и критерии подведения под эти категории неоднозначны. Иными словами, очевидные

пресуппозиции таких номинаций не выявляются. Вполне логичным в связи с этим представляется внесение Ю.А. Бельчиковым этих слов в список инвективной лексики, что обуславливает рассмотрение текстов с такими номинациями в процессах об оскорблении (ст. 130 УК РФ), а не о защите чести и достоинства (ст.152 ГК РФ).

Принципы выявления скрытых смыслов в конфликтных текстах в ходе осуществления судебного лингвистического исследования ничем не отличаются от принципов выявления скрытых смыслов в других текстах при других исследованиях. В этой сфере лингвист имеет возможность использовать весь арсенал накопленных лингвистикой знаний об экспликации имплицитного, представленный работами как известных ученых [Апресян 1974, 2003,2006; Арутюнова 1973,1976,1988, Падучева 1984,1985, 1996; Кобозева 1988], так и молодых исследователей [Хворостин 2006, Кондрашова 2006].

Планомерно реализуя свою цель – описание возможностей и границ использования лингвистических теорий в практике лингвистической экспертизы определенного типа, мы отмечаем, с одной стороны, необходимость обращения к теории имплицитного, теории пресуппозиций, с другой стороны, считаем неприменимыми в изучаемой сфере представления о «неграмматичных», «не ложных и не истинных», «бессмысленных» высказываниях. Возможно, применимые в сфере логики, компьютерной лингвистики такие характеристики представляются искусственными в сфере реальной речевой практики.

2.2. Амфиболия конфликтного текста

Амфиболия как междисциплинарное явление определяется как двойственность. **Амфиболия** в лингвистике – двусмысленность, возникающая в речи. Многие судебные разбирательства вызваны именно этим языковым свойством текста, возникающим в результате грамматико-синтаксического построения предложения. В лингвистике описаны некоторые порождающие амфиболию конструкции, например, существительное в именительном падеже плюс существительное в родительном падеже (обучение журналистов – журналисты обучают или обучаются?), предложение с существительными в омонимичных формах именительного и винительного падежа (Государство защищает народ – кто кого защищает?). Однако применительно к конфликтным текстам теория амфиболии нуждается в более тщательной разработке.

Наиболее частотной причиной амфиболии является грамматическая конструкция, совмещающая сочинительную и подчинительную связь. Например, вызвал судебное разбирательство текст Налогового кодекса РФ. В ст.181 называются подакцизные товары, и пункт №6 относит к таковым *«автомобили легковые и мотоциклы с мощностью двигателя свыше 112,5кВт (150л.с.)»*. Языковая структура этого положения допускает два толкования: второстепенный член, дающий характеристику: *«с мощностью двигателя свыше 112,5 кВт»* – может относиться как только к мотоциклам, так и к легковым автомобилям и мотоциклам в совокупности.

Как показал анализ подлежащих судебному рассмотрению текстов, амфиболия может быть результатом многозначности слова.

Актуальным на сегодня в юрлингвистике является вопрос об амфиболии как результате умолчания, намеренной импликации, которую можно охарактеризовать как ложную пресуппозицию.

Приведем пример такого случая из нашей практики. В статье под заголовком *«Дети годами дожидаются решения своей судьбы»* журналист рассказывает о проблемах детей из детского дома, в том числе о процедуре усыновления. Чтобы иметь возможность быть усыновленным, ребенок должен иметь определенный документально подтвержденный правовой статус, принимаемый судом. В рассказе об одной из воспитанниц повторяется модель фразы, использованной в заголовке, с некоторым уточнением: *«Девочка годами дожидается решения своей судьбы в суде»*. Суд обратился с иском к печатному изданию, требуя опровержения не соответствующих действительности сведений, поскольку все дела такого рода рассматриваются по закону в течение месяца, чему имеются документальные подтверждения. В свою очередь газета в досудебном разбирательстве заявила, что ни в тексте статьи, ни в ее заголовке не сообщается о том, что суд задерживает рассмотрение дел, констатируется лишь сам факт ожидания детьми результата судебного решения, причины же столь длительного ожидания не называются. Да, девочка, чья судьба описана в статье, действительно годами дожидалась решения суда, однако происходило это не по причине нерадивости судей, а потому, что администрацией детского дома не были подготовлены и переданы в суд соответствующие документы. Редакция газеты предоставила в суд также лингвистическое заключение, согласно которому *«Статья хотя и содержит некую двусмысленность, все же не включает таких лексических конкретизаторов, которые*

выявляли бы причину негативной ситуации и являлись бы обвинением в адрес суда относительно неправомерно растянутых сроков рассмотрения дел».

Приведенная судебная ситуация является классическим примером информационного конфликта как следствия текстовой амфиболии. Однако самого по себе признания двусмысленности текста для правового решения ситуации недостаточно. Важно ответить на вопрос: наносит ли данная информация ущерб репутации истца? И под таким углом зрения нам представляется взгляд лингвиста-эксперта ограниченным, формальным. Да, лексических конкретизаторов, называющих виновника ситуации, нет. Однако из двух возможных реализуемых смыслов: 1) виноват кто-то неизвестный и 2) виноват суд – реципиент однозначно выберет второй, что и подтвердил на сто процентов проведенный опрос. Невербализованная прямым сообщением причина вербализуется в сознании читателя косвенным указанием: «ожидает решения судьбы в суде». Администрация детского дома не упоминается, в связи с чем и не попадает в систему читательского восприятия и не может быть сочтена в чем-либо виновной. Суд же, напротив, как сущность вербально представлен в тексте и связан с обозначенной проблемой. Если бы заголовок гласил: «Дети годами ожидают передачи документов в суд», – то восприятие было бы иным, но они «ожидают решения судьбы в суде», то есть логично предположить, что другие, предшествующие этапы процедуры уже осуществлены, и осталось лишь получить решение суда, который преступно нарушает установленные сроки.

Итак, читатели пришли к выводу о недобросовестной работе суда, профессиональная репутация которого явно снизилась. Восстановить ее может или опровержение, или пояснение, на которые истец не сможет рассчитывать, если будет учтено заключение специалиста – лингвиста об «отсутствии лексических конкретизаторов», практически утверждающее отсутствие порочащих сведений в тексте, отсутствие референциальной соотнесенности негативной информации о недобросовестности с конкретным виновником.

Как нам видится, для объективации дел подобного типа необходим универсальный подход, учитывающий все разнообразие частных случаев и ситуаций. И подход этот должен быть не формально-грамматическим, как в приведенной экспертизе, а семантико-прагматическим, определяющим типовое восприятие информации реципиентами. Задача лингвиста заключается в том, чтобы выявить все возможные **смыслы**, формируемые текстом, в соответствии с законами лингвистики нарратива вычленить константные составляющие **значения** и определить, относится ли

к их числу смысл «Х», оспариваемый истцом как не соответствующий действительности и умаляющий его честь и достоинство.

Аналогичный случай. О женщине, работнике сферы образования, пишут: *«Она не занимается своими детьми, не воспитывает их»*. Женщина подает в суд на автора высказывания, порочащего ее честь и достоинство, поскольку у нее нет детей. Ответчик отказывается печатать опровержение, доказывая, что в приведенном суждении все истинная правда: женщина действительно не воспитывает детей, а о том, что у нее их и нет, в публицистическом материале ничего не сказано. И не должно быть сказано. Очевидно, что такие рассуждения казуистичны.

Но суд в замешательстве, поскольку формальные доказательства представляются убедительными. Считаем, что в делах такого рода подлежать рассмотрению должна не форма, а содержание. Формальный подход не помогает защитить неимущественное право лица на честь и достоинство. На настоящий момент закрепилась юридическая практика, согласно которой подлежит рассмотрению признанная порочащей цитата, вырванная из контекста. Анализ сложной смысловой структуры высказывания убеждает в порочности такой практики, поскольку высказывание содержит имплицитный смысл, который не соответствует действительности, эксплицитно же выраженная информация может соответствовать действительности. Лингвистическая экспертиза должна выявить тот подтекст, который возникает при восприятии текста и становится достоянием общественности.

В приведенном случае носители языка декодировали текст так: 1) у женщины есть дети; 2) она их не воспитывает, не занимается ими; 3) следовательно, она плохая мать. Первый смысл воспринимается как пресуппозиция (в данном случае искусственно смоделированная), второй смысл – эксплицитный, третий – имплицитный. Пресуппозитивный смысл возникает как результат умолчания о том, что кардинально изменило бы восприятие информации – **умолчания** об отсутствии у женщины детей. Кроме того, такие лексические показатели, как местоимение «свои» и «их», формируют представление о реально существующих детях. Итак, умолчание о каких-либо относящихся к описываемой проблеме фактах может привести к формированию у реципиентов искаженной картины действительности, неадекватного представления о лице, чьи честь и достоинство от этого пострадают.

Рассмотрим еще один пример сообщения, формальное значение которого существенно отличалось от смысла, формируемого более широким контекстом.

В предвыборном издании одного из депутатов в Городскую Думу в рубрике «Думайте» опубликованы сведения:

«В 2003 году вспышка дизентерии – кишечной инфекции была зарегистрирована в городах Челябинской области. В общей сложности пострадал 161 ребенок дошкольного и младшего школьного возраста. Одну пятилетнюю девочку пришлось спасти в реанимации, а у 60 детей врачи констатировали отравление средней степени тяжести. Все пострадавшие были отравлены молочной продукцией, изготовленной на молокозаводе».

Вне контекста сообщение кажется безадресным, не отнесенным ни к какому лицу или предприятию конкретно, а потому не способным выполнить порочащую функцию.

В данном случае авторами материала применен прием умолчания как средство ухода от ответственности за распространение порочащих сведений. Прием умолчания заключается в несообщении реципиентам принципиально важных пресуппозитивных сведений, что приводит при продуманном контекстуальном расположении к запрограммированному эффекту.

В рассматриваемом случае автор публикации дал информацию с максимально обобщенной адресностью: речь идет о продукции, «изготовленной на молокозаводе». На каком молокозаводе? Читательское восприятие направляется в определенное русло всем контекстным окружением.

Во-первых, в предыдущем материале шла речь о Дмитрие Еремине, и читателям сообщалось о том, что он «является хозяином молокозавода №1».

Во-вторых, рядом с конфликтным текстом расположена карикатура, изображающая Еремина Д. сидящим на подводе (телеге), везущей бидоны с молоком.

Этих факторов достаточно для того, чтобы читатели восполнили пустующую нишу (неназванный молокозавод) подсказанной информацией и связали сообщение об отравлениях с молокозаводом №1 и с личностью Д.Еремина.

Использованный автором публикации прием основан на явлении пресуппозиции. По законам языка возможно умолчание о том, что известно и автору высказывания, и читателю. Умолчание в тексте рассматриваемого материала о номере молокозавода воспринимается как пресуппозитивное.

Однако в данном случае пресуппозиция является ложной. Общие затекстовые знания участников речевой ситуации отсутствуют. Авторы намеренно распространили неконкретизированный материал, поскольку знали, что случай отравления

некачественным молоком произошел не в Челябинске, а в Чебаркуле, и предприятие и его руководитель, чью деловую репутацию в предвыборной борьбе необходимо было умалить, не имеют к произошедшему никакого отношения. Читатель же об этом не знает.

В отсутствие пресуппозитивных знаний возникает амфиболия – двусмысленность. Если бы контекстуальное окружение преподнесенной информации не претендовало на пресуппозитивную подсказку, читатели бы восприняли сообщение обобщенно, не связав ни с каким конкретным предприятием и лицом. Однако смысл любого речевого произведения должен, по филологическим законам, анализироваться в соответствии с контекстом и в дискурсе, так как именно таковы законы типового массового восприятия. Контекст же подсказывает читателю запрограммированное авторами в дискурсе осмысление.

Таким образом, у читателя специальным стилистическим приемом было сформировано представление о том, что именно молокозавод №1, владельцем которого является Д.Еремин, выпустил некачественную продукцию, которой отравились дети. Такая информация задевает деловую репутацию и предприятия, и его руководства.

Прием умолчания использован как средство ухода от ответственности и в то же время средство создания нужного эффекта – выражения определенного смысла: формирования общественного отношения, опорочения политического оппонента.

Если цель закона – защитить лицо от несправедливых обвинений, а общество – от недобросовестно сообщенной информации, то в случае недоказанности такие сведения должны быть признаны порочащими и опровергнуты. В данном случае текст опровержения должен восполнять умолчание и вносить ясность относительно производителя некачественной продукции.

Вопрос о соотношении значения и смысла (смыслов), а следовательно, о роли амфиболии, как нам представляется, жестко связан с характером конфликтного сведения.

Если предметом спора является само содержание распространенной информации, то есть рассматривается дело об опорочении, то истца волнует отношение к нему окружающих, ухудшившееся в результате опубликования порочащей информации. В делах о защите чести, достоинства, деловой репутации важно вывести из языковой структуры текста универсальный инвариантный смысл, выявленный в соответствии с законами русского языка, смысл, установленный массовым читателем.

Если есть объективные языковые причины для амфиболии, лингвист-эксперт должен указать возможные варианты восприятия.

В делах же об оскорблении приоритетным является личностный смысл. В этом случае не столь существенно массовое, типовое восприятие, поскольку само оскорбление имеет личностный, а не социальный характер. Определенное слово или фраза нанесли моральный ущерб лицу самой своей формой, и восприятие других лиц не определяет факт причинения морального вреда истцу. Конечно, при приоритете личностного восприятия, индивидуальный смысл не должен вступать в противоречие с объективными языковыми законами, в данном случае – языковыми возможностями.

Для демонстрации роли языковой амфиболии в процессе об оскорблении обратимся к нашумевшему делу «Ароян – Киркоров», являющемуся, как и написанная по делу лингвистическая экспертиза, прекрасным материалом для анализа. В работе мы неоднократно обращаемся к этим материалам, рассматривая различные проблемы. Обратимся к одному элементу конфликтной ситуации. На слова Ароян: *«А вы научитесь себя вести, звезда!»* – Киркоров ответил в рифму: *«Да... П...да»*. Лингвисту-эксперту был задан вопрос: *«Как характеризуется слово «п..да» в следующем контексте?»* (отметим неясность вопроса). Прочитируем ответ А.Н.Баранова: *«Слово «п..да» в предложенном контексте может пониматься в двух смыслах. В первом понимании И.Ароян в неприличной форме приписывается некоторая характеристика. Во втором понимании речь идет о языковой игре, основанной на рифме со словом «звезда», при этом обмен репликами напоминает ситуацию «вялой перебранки», ср. – Когда же ты, наконец, блин, вынесешь мусор? – Мусор-хуюсор. В последнем случае участники ситуации общения скорее выражают неудовольствие друг другом, чем обмениваются взаимными оскорблениями. Поскольку речевой акт Ф.Киркорова состоит из одного слова и следует после частицы «да», употребленной в значении реакции – согласия, по контексту невозможно установить, что конкретно имеется в виду – приписывание характеристики или языковая игра и вялая перебранка. Это тот случай, когда только говорящий может пояснить то, что он имел в виду»*.

По сути лингвист-эксперт признал стилистико-прагматическую амфиболию использованного ответчиком табуированного слова. Действительно, одним из дефиниционных признаков оскорбления является отнесенность к лицу. Ненормативное слово, высказанное неадресно, в пространство, хотя и наносит ущерб эстетическому вкусу присутствующих, но, не будучи отнесенным к кому-либо конкретно, не затрагивает личностные категории чести и достоинства. В рассматриваемой ситуации

двусмысленность заключается именно в сфере определения адресации: направленно ли слово «п..да» И.Ароян или же является безадресной рифмовкой, «языковой игрой». Нам представляется включенность слова в диалог достаточным обоснованием адресности высказывания, о чем также свидетельствуют зафиксированные на видеопленке визуальный и голосовой посыл. Об этом мы уже говорили, но сейчас важен другой аспект, а именно: даже признание двойкой трактовки увеличивает количество возможных смыслов, но не исключает смысл, оскорбительный для истца. Представляется совершенно непродуктивным путь установления «истинного смысла» путем опроса ответчика. Очевидно, что любой ответчик всегда будет утверждать, что вкладывал в свое высказывание тот смысл, который не повлечет за собой правовых последствий для него. Не ответчик, а лингвист должен установить *возможность* выражения оскорбления анализируемыми языковыми средствами в конкретном контексте.

Языковая амфиболия является источником разночтений и, как следствие, правовых конфликтов. В ходе судебного разбирательства все возможные смыслы слова, выражения и текста должны учитываться. Правовая система нуждается в выработке форм реакции на языковую амфиболию конфликтных текстов. Однако уже сейчас очевидно, что отношение к амфиболии не может быть одинаковым при разрешении информационных конфликтов различного типа:

1) при рассмотрении дел о защите чести и достоинства лингвист должен попытаться определить приоритетный смысл, поскольку необходимо выявить *типовую* массовую реакцию на опубликованный материал;

2) в деле же об оскорблении приоритетный смысл не является существенным, важен сам факт *возможности* того смысла языковой единицы, который вызвал умаление нематериальных благ истца, поскольку в данном случае защищается его личное достоинство, связанное с его личностным восприятием; естественно, речь идет только о субъективном восприятии, допустимом по объективным законам языка.

2.3. Порочащий характер распространенной информации

Средством умаления чести, достоинства и деловой репутации являются **порочащие сведения**.

Анализ процессов по защите чести, достоинства и деловой репутации показал актуальность выработки *критериев квалификации информации как порочащей*.

Умаление чести, достоинства и деловой репутации сопровождается изменением в худшую сторону отношения окружающих к опороченному человеку. Наличие – отсутствие такого изменения, а тем более его мера и степень, как правило, не могут быть определены и измерены какими-либо объективными методами, кроме опроса свидетелей относительно изменения их отношения к лицу после получения порочащей информации. На практике применение этого метода не используется, в связи с чем умаление чести признается как гипотетически возможное. Наличие моральных страданий также в большинстве случаев приходится признавать как гипотетически возможное, поскольку отсутствуют объективные критерии их констатации.

Какие же сведения считать порочащими? Формальное определение оставляет много неясностей: «Порочащими считаются не соответствующие действительности сведения, умаляющие честь, достоинство и деловую репутацию лица». Законодатель дает только два критерия: 1) несоответствие действительности 2) умаление чести, достоинства, деловой репутации.

С первым критерием связана проблема несоответствия лингвистического и юридического толкования понятия «порочащий», в полной мере отражающая асимметричный дуализм языкового знака.

В соответствии с данными словарей, «порочить» – навлекать позор, чернить [Даль 1989; Ожегов, Шведова 1996]. То есть общеязыковое значение слова «порочить» не обязательно предполагает элемент лживости. Анализ процессов заданной тематики показал частотное использование юристами лингвистической экспертизы в целях введения суд в заблуждение. Лингвистам, не знакомым с правовыми понятиями, задается вопрос: « Являются ли приведенные сведения порочащими честь и достоинство истца?» Лингвист, опираясь на общеязыковое значение понятия «порочить», дает положительный ответ, выходя за рамки профессиональной компетенции. Представляется логичным введение в юрислингвистический терминологический аппарат понятия «позорящие сведения» [Цена слова 2002], обозначающего сведения, наносящие ущерб образу лица в глазах окружающих, но без критерия недостоверности. В компетенцию лингвиста не входит разрешение вопроса о соответствии распространенной информации действительности. При написании лингвистической экспертизы специалист не может предсказать дальнейший ход судебного разбирательства, а потому не может говорить о порочащих сведениях. Такой

вердикт может вынести только суд. К сожалению, и суд, и юристы нередко провоцируют лингвиста на превышение своих полномочий.

Так, известный лингвист В.И.Жельвис в статье «Распространение порочащих слухов: поиски путей уклонения от судебного преследования» [Жельвис 2004, с144-150] приводит пример лингвистического заключения, в финале которого делает вывод: «Таким образом, можно утверждать, что статья носит клеветнический характер и изобилует оскорбительными сплетнями». Такой вывод выходит за пределы компетенции лингвиста, поскольку лингвист не может знать, соответствуют ли распространенные сведения действительности или являются «оскорбительными сплетнями». Для квалификации деяния как клеветы, помимо порочащего (позорящего) характера информации необходимо еще два фактора: несоответствие действительности и заведомое знание об этом несоответствии в противовес добросовестному заблуждению. Для квалификации текста как оскорбительного, помимо признания его порочащего характера, необходимо доказательство выражения этой информации в «неприличной форме». Таким образом, лингвист не учел квалификационных признаков лингвистического преступления и вышел за пределы своей компетенции, определив как уголовно наказуемые деяния действия журналиста, который, возможно, имеет доказательства объективности распространенной информации.

Еще более проблематично применение второго критерия. Какие сведения считать умаляющими честь, достоинство и деловую репутацию? Законодатель относит к таковым 1) утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства; 2) утверждение о нарушении моральных принципов.

Первое положение не вызывает обычно никаких сомнений, сведения о нарушении кем-либо законодательства легко идентифицируются. Сообщения о совершенной краже личного или государственного имущества, о нарушении должностных полномочий, о нецелевом использовании государственных средств, невыполнении должностных обязанностей признаются позорящими, или порочащими в общезыковом смысле, а в случае недоказанности – порочащими в смысле юридическом.

Сложнее определить круг сведений, подходящих под категорию «нарушение моральных принципов». Правовое понятие «обвинение в нарушении моральных принципов» неконкретно, отвлеченно и нуждается в разработке, в том числе лингвистической, преимущественно в социолингвистическом, функционально-стилистическом и лингвопрагматическом аспектах, позволяющих учесть при

рассмотрении понятия порочности специфику дискурса конфликтной речевой ситуации и различные функции одних и тех же языковых единиц в различных социальных и функциональных условиях.

Моральный – относящийся к морали, соответствующий требованиям морали.

Мораль – нравственность, совокупность норм и принципов поведения людей по отношению к обществу и другим людям; одна из основных форм общественного сознания [Современный словарь иностранных слов 1994, с.395].

Моральные принципы, являясь неписаными законами духовной жизни общества, не перечислены в закрытом списке, что порождает проблемы в ходе судебного разбирательства. Пояснение, приведенное в ст.152 ГК РФ, мало что проясняет. Сведениями о нарушении моральной нормы предлагается считать «совершение нечестного поступка, неправильное поведение в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно – хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.» Какой поступок считать нечестным? Какое поведение неправильным?

Развитие темы нравственно-этической нормы не является нашей задачей, но, вырабатывая концепцию лингвистической экспертизы, мы не можем обойти этот вопрос стороной уже потому, что именно спекуляция сложностью этого многомерного понятия нередко уводит судебное разбирательство далеко за рамки научной объективности.

В чем заключается эта спекуляция?

Как показывает анализ процессов рассматриваемого типа, ответчики оспаривают возможность умаления чести и деловой репутации распространенными сведениями. Возможность нанесения ущерба достоинству как личностной категории тем более оспаривается.

Так, истец считает порочащими распространенные о нем сведения: *«Х, как кулак, наживаетя на своих односельчанах»*. Да, он зарабатывает, но не наживаетя. Ответчик убеждает суд в том, что слово «кулак» не имеет негативной окраски, напротив, обозначает рачительного хозяина, а наживатья на чем- или ком-либо – естественное явление современного бизнеса, следовательно, распространенные сведения не могут нанести ущерб репутации истца. Суд назначает лингвистическую экспертизу, желая получить от лингвиста ответ на вопрос: *«Порочат ли распространенные сведения честь, достоинство и деловую репутацию истца?»*

Как нам представляется, нравственно-этическая оценка описанного явления выходит далеко за рамки филологической компетенции, более того, даже специалист по этике должен был бы для ответа на поставленный вопрос изучить взгляд реципиентов информации, притом читателей именно этого издания, так как нравственно-этические оценки исторически, социально, национально, профессионально обусловлены. В силу практической невозможности такого исследования выводы специалиста будут тенденциозны и в значительной мере основаны на его собственных нравственных установках, притом любое из полярных утверждений: «умалют честь» / «не умалют» – может быть подтверждено цепочкой вполне логичных доводов. Этот путь решения проблемы представляется непродуктивным.

В приведенном случае лингвистическая экспертиза могла бы способствовать объективации судопроизводства другим путем. Рассмотрение семантики слова «наживается» показало бы его оценочность. Денотативное его значение весьма обобщенно и в целом совпадает с денотативным ядром слова «зарабатывает», не имеющего негативной окраски. Судя по исковому заявлению, спорное суждение по своей содержательной сущности соответствует действительности, то есть гражданин Х действительно получает какую-то прибыль от своей деятельности, а его иск вызван неприятием слова «наживается», негативно характеризующим его деятельность. Лингвист может говорить об оценочной сущности оспариваемой фразы. Как известно, оценочные суждения, неприятные объекту речи и, возможно, наносящие ущерб его репутации, порочащими в юридическом смысле быть признаны не могут.

Вопрос о позорящем характере сведений был задан лингвисту и применительно к следующему тексту: *«В последнее время городскую власть Челябинска потрясает череда скандалов»*. Статья явилась откликом на ряд событий, которые признаются реальными и истцом, и ответчиком. Реальным является факт показа по ТВ сенсационного фильма о властных структурах, столь же реален упомянутый в статье факт судебного разбирательства по поводу строительства рядом со школой коммерческого центра. А вот оценки этих фактов могут быть различными. Редакция считает, что эти события, имеющие отношение к городской власти Челябинска, можно назвать *скандалами*. В самом значении слова «скандал» заложена субъективная оценка события. То, что одному кажется незначительным, другой воспринимает как скандал. *Потрясать* – приводить в волнение, удивлять. Это слово отражает внутреннюю

психическую реакцию на какие-либо события. Редакция считает, что происходящее *«потрясает»*, а истец с этим не согласен.

Предметом спора является не событие, а выражение оценки события, его вербальное описание. Редакция выражает свое мнение в специально выбранной для этого языковой форме. С этим мнением можно соглашаться или не соглашаться, но такова позиция авторов, имеющая право на существование.

Приведенный пример демонстрирует продуктивное направление лингвистической экспертизы: определение информационной природы высказывания. Непродуктивной была бы попытка дать оценку конфликтному высказыванию: признать его позорящим или нет. Очевидно, что любая негативная информация не улучшает ничью репутацию, даже если эта информация представляет собой мнение, оценку. Однако субъективная реакция на события, выражение своего мнения не запрещены законом. Главная работа лингвиста – отличить оценку от сведения событийного. Ответ же на вопрос: *«Уменьшают ли приведенные сведения репутацию городской власти?»* – был бы положительным, что ни коим образом не способствовало бы объективному разрешению спорной ситуации. К сожалению, на настоящий момент такое развитие судебного разбирательства, определенное целевой дезориентацией лингвистического анализа, весьма частотно.

На вопрос по делу Азиза – Сададьский: *«Является ли фраза, в которой употребляется слово «блядь», неприличной и непристойной с точки зрения морали и нравственности общества?»* – авторы экспертизы Ю.А. Сафонова и Н.А. Фатеева без некоторого эпатжа, но по сути отказываясь выходить за пределы своей компетенции, ответили: *«Вопрос об осуждаемости/неосуждаемости блядства с точки зрения общественной морали не входит в компетенцию лингвиста»* [Цена слова 2002, с.60].

Полагаем, что следует исключить из аспектов лингвистического анализа, а следовательно, из списка вопросов, адресованных лингвисту-эксперту, вопросы нравственно-этического характера. Вопрос этот может использовать ценностные категории «порочащий», «позорящий», оценочную категорию «негативный». Филолог специальными лингвистическими методами может доказать или опровергнуть выражение текстом какого-либо смысла, квалифицировать сведения как событийные (фактуальные) или оценочные, но вне его профессиональной компетенции давать нравственно-этическую оценку содержанию распространенных сведений. Такова идеальная модель, предлагаемая нами, апелляция к правоведам, судьям, адвокатам.

На практике же на настоящий момент не исключена ситуация, при которой отсутствие заключения лингвиста о негативном (позорящем, порочащем) характере распространенных сведений лишает опороченное лицо возможности восстановить свою честь и достоинство, несмотря на несоответствие информации действительности.

Так, выявлена следующая форма дискредитации лица, безопасная в плане возможной юридической ответственности. Средством ухода от судебного разбирательства является именно тот параметр, который находится в центре внимания настоящего параграфа – вопрос о негативности/нейтральности, порочащем/непорочащем характере информации. При этом стратегия дискредитации все же достигает своей цели.

Юридически безопасная тактика, реализующая стратегию дискредитации, заключается в том, что об объекте дискредитации сообщаются нейтральные или даже позитивные сведения, не соответствующие действительности, причем в разных материалах разные. Так, в одной статье сообщают, что человек окончил одно учебное заведение, а в другой – другое, приписывают ему чемпионство по различным видам спорта и т.п. В результате эти сведения, вступая в противоречие друг с другом и с информацией, сообщаемой самим лицом, формируют в сознании реципиентов образ, мягко говоря, неправдивого, или, в лучшем случае, очень забывчивого человека. Защитить себя в суде истец не может по той причине, что распространенные сведения «не имеют негативного характера». Представляется необходимым в рамках междисциплинарной работы обратить внимание правоведов на этот казус.

Лингвист же, на которого возложена в делах обозначенного типа определяющая ответственность, в отсутствие правовых ограничений и в соответствии с поставленной задачей и основной целью – защитой нематериальных благ лица, имеет право разъяснить суду сущность приведенной стратегии дискредитации.

В рамках существующей правовой системы и практики (рассматриваем реальную, а не идеальную модель) нередко во главу угла намеренно ставится вопрос о негативном/нейтральном характере распространенных сведений, что выгодно, как правило, стороне ответчика, надеющейся прекратить разбирательство отрицанием порочащего характера информации. В этом случае лингвист обязан предоставить аналитическую справку о том, какой этический отклик вызвала у реципиентов распространенная информация, какую нравственную оценку она получила и как это – гипотетически – отразилось на репутации истца.

Доказательств негативного, следовательно, позорящего (порочающего) характера распространенных сведений выявлено три, одно из которых лингвистическое.

1. Фактические доказательства. Этот тип доказательства самый весомый, конкретный, убедительный, но не универсальный. Как правило, такого типа доказательства используют при отстаивании деловой репутации юридические лица, поскольку деловая репутация непосредственно проецируется на практическую деятельность фирмы (организации, предприятия, учреждения). Истец представляет суду свидетельства изменения отношения в свой адрес после распространения порочащих сведений: расторжение договоров, разрыв намерений, уменьшение количества обращений, снижение товарооборота и подобные.

2. Свидетельские показания. Истец приглашает в суд свидетелей, сообщающих об изменении в худшую сторону отношения к объекту дискредитации после получения негативной информации о нем.

3. Социолингвистический анализ. Не имея права выносить вердикт о том, *что нравственно, а что безнравственно*, лингвист все же имеет право, опираясь на засвидетельствованные на материальном носителе незаинтересованными в деле лицами, представителями той же лингвокультуры, мнения о нравственно-этической норме, констатировать преобладающее в данной среде *представление о нравственном и безнравственном*. Опороченное лицо страдает именно от несоответствия, по его представлениям, распространенной о нем информации тому инвариантному образу «нормального» (порядочного, нравственного, законопослушного, обязательного в бизнесе) человека, который принят в обществе. Несомненно, английского лорда и африканского вождя порочат существенно различные сведения, хотя некие общечеловеческие нормы все же существуют, как и нормы общенациональные. Эксперт, опираясь на лингвокультурологические исследования, например, [Сафаров 1990], и апеллируя к здравому смыслу носителей той же культуры, транслирует их участникам судебного процесса.

Вынуждены признать, что универсального решения рассматриваемого вопроса о дифференциации дискредитирующего/недискредитирующего материала мы предложить не можем. Тема ждет своего исследователя, в рамках же нашей общей задачи мы, во-первых, отразили реальное место вопроса в структуре лингвистической экспертизы, обозначили связанные с ним проблемы, наметили возможные пути их позитивного разрешения, поставили задачу правового характера.

2.4. Референциальная соотнесенность информации

Вопрос о порочащем характере сведений неразрывно связан с вопросом об адресации информации, отнесенности ее к лицу. Один из спорных вопросов в ходе судебных разбирательств – отнесенность негативной информации к истцу.

Негативная информация, нелитературная лексика, инвективные средства только в том случае становятся предметом рассмотрения в процессах о защите чести и достоинства и об оскорблении, если соотносятся с конкретным лицом (характеризуют его или адресованы ему). Безадресная информация не может быть предметом разбирательств по этим статьям.

Какие средства могут осуществить референциальную соотнесенность порочащей информации с конкретным физическим или юридическим лицом?

На основании типа канала передачи и восприятия информации эти средства могут быть разделены на две группы: вербальные и невербальные. Невербальные средства, в свою очередь, делятся на визуальные, достаточно часто используемые для создания референции, и аудио-средства, используемые в этой функции крайне редко. Невербальные средства референции используются как средство ухода от правовой ответственности при достижении цели дискредитации. Именно поэтому мы говорим о том, что лингвист для достижения объективного результата в своей экспертизе, а именно для восстановления научными методами реальной картины восприятия материала массовым реципиентом, не может ограничиваться анализом только вербального текста, а должен учитывать и связанные с ним видео- и аудио-образы, а также presuppositions, то есть рассматривать весь конфликтный дискурс в целом.

Визуальные средства представлены двумя разновидностями: изображением дискредитируемого лица и изображением объектов, связанных с этим лицом.

Изображение дискредитируемого лица может быть натуралистичным, естественным (фотография, видеосъемка), а может быть карикатурным. В последнем случае процедура доказывания существенно затрудняется, и, возможно, наиболее убедительным средством доказывания становится прием анкетирования реципиентов, соотносящих изображение с каким-либо лицом. Такой прием использует, на наш взгляд, успешно Санкт-Петербургский государственный экспертный центр.

Модель реализации визуального средства референции зависит от вида средства массовой информации. В телевизионном варианте связь бывает более очевидной: на фоне изображения объекта дискредитации звучит порочащий текст. В печатном

издании связь информации с субъектом несколько слабее, хотя реципиент ее безошибочно выявляет, становясь при этом объектом манипуляции: рядом с изображением объекта дискредитации соседствует порочащая информация. Примеры реализации такой методики мы приводили ранее, доказывая необходимость анализа всего дискурса.

Собственно лингвистические средства референции выстраиваются в сложную иерархическую систему, начиная с простейших и очевидных средств и заканчивая сложными и вариативно трактуемыми [Карнап 1959, Арутюнова 1976, Фреге 1977, Падучева 1985]. Бесспорным в процессах рассматриваемого типа является только прямая номинация, характеристика, выраженная при помощи двусоставного предложения, в котором подлежащее непосредственно именуется: *X такой-то*, или *X сделал следующее*, *X поступил таким образом*, – что в реальных текстах встречается крайне редко.

Даже использование местоимения вызывает необходимость доказательства, на кого это местоимение указывает. Совершенно очевидно, что для выявления указательной функции местоимения необходимо анализировать контекст, притом понимать контекст широко, не ограничивая двумя-тремя ближайшими предложениями. В свободной, невыстроенной речи, которая часто реализуется при интервьюировании, говорящий может заменять имя местоимением на протяжении всей беседы, по различным причинам, например, из нежелания произносить имя лица, вызывающего негативные эмоции. При этом реципиентам совершенно понятно, о ком идет речь. Имя объекта речи могло быть произнесено журналистом, задающим вопрос или уже дающим комментарий в обработанном для преподнесения материале. Соотнесенность с субъектом возникает и благодаря затекстовым знаниям реципиентов. Если в конкретном городе в СМИ упоминается мэр, естественно, жители города идентифицируют его с конкретным действующим в настоящий момент мэром. И научные доводы лингвиста относительно того, что «лицо не названо, названа лишь должность, и непонятно, какой именно мэр имеется в виду: этот или предыдущий, этого города или другого» представляются оторванными от реально процесса понимания речи.

Очевидно, что в тексте не будет десять раз повторяться имя или название объекта очернения. Для обозначения субъекта используются контекстуальные синонимы, общность денотата которых определяется и логической связью с предшествующим и последующим контекстом, и общей тематикой разговора, и

заявленным в начале материала главным объектом рассмотрения и предметом обсуждения.

Односоставные предложения также являются средством ухода от номинации, однако по контексту обычно референциальная соотнесенность восстанавливается. Учет пресуппозиций при этом играет существенную роль.

Приведем пример текста, который, как нам представляется, с легкостью декодируется реципиентами, однозначно устанавливающими референцию. Лингвист же-эксперт пришел к выводу, что определить соотнесенность высказываний невозможно, что указывает с очевидностью на ту проблему, на решение которой направлена и наша работа. Проблема эта заключается в оторванности выработанного лингвистического знания от востребованной практики, в отсутствии методик применения теоретических разработок в практике конкретного анализа, в том числе судебного.

Сюжет посвящен рассмотрению известного всем челябинцам и нашумевшего конфликта между новым мэром М.Юревичем и строительным фондом «Монолит-инвест». Тема разговора четко заявлена журналистом уже во вступительной части материала: *«В этот же день и в это же время состоялось слушание по иску фонда «Монолит-инвест» к челябинской мэрии»*. Затем предоставляется слово участникам конфликта, выдерживающим тему разговора. В высказываниях постоянно упоминаются обозначения конфликтующих сторон: *«Монолит-инвест»*, *«челябинская мэрия»*. После комментария журналиста: *«...но челябинская мэрия все равно не дает разрешение на строительство. Евгений Рогоза считает, что это делается намеренно»* следует высказывание Е.Рогозы: *«После смены власти новая команда нам предложила, так сказать, поделиться частью бизнеса. Отдав, так сказать, обратно городу для перераспределения другим структурам часть площадок»*.

У кого из читателей возник вопрос об отнесенности высказывания? Нам представляется очевидным, что под «новой командой» понимается новый мэр и его администрация. Под чьей-либо командой в политике принято называть людей, приведенных во власть избранным должностным лицом. Выстраивается референциальная цепочка: новая команда – команда нового мэра – новый мэр М. Юревич.

Далее по тексту журналист комментирует: *«Мэрия утверждает: ранее приближенные к власти бизнесмены просто остались без кормушки. В ответ*

челябинские застройщики заявляют: в городе идет крупный передел рынка недвижимости».

Сразу после этих слов представляется позиция Е.Рогозы: *«Нам дают понять, что надо жить не по закону, а по понятиям. Да пришел тут какой-то местный царек... Вот надо построиться... Что он там тряндит – так и надо делать...»*

Кто понимается под «царьком»? Кто предлагает «жить не по закону, а по понятиям»?

Ответ на этот вопрос опять же представляется нам очевидным. Тема разговора, представленность оппонировающих сторон, предшествующий и последующий контекст – все свидетельствует о том, что царек – мэр, а предлагают «жить не по закону, а по понятиям» мэр и его «новая команда».

Прочитируем отрывок из заключения специалиста:

*«Текст не содержит прямого обвинения Администрации г. Челябинска и лично М.В. Юревича в совершении действий, принуждающих застройщиков «поделиться частью бизнеса» и «жить по понятиям», поскольку данные фразы не соотносятся непосредственно с упоминанием конкретных лиц, занимаемых должностей. В непосредственном контексте первая фраза («поделиться частью бизнеса») рассматривается в сочетании с вводной конструкцией «так сказать», которая предполагает рассматривать последующую фразу не как безапелляционную и неоспоримую, а допускающую иное прочтение, а именно – «якобы, не на самом деле» (так сказать, вводн.сл. – употр. как оговорка, смягчающая решительность какого-н. утверждения (С.786). К тому же, во всей фразе нет упоминания Администрации г. Челябинска (именно в такой номинации), а также непосредственно М.В. Юревича. Автором реплики (Е.Рогозой) употребляется обобщенная конструкция «новая команда», которая требует либо специального пояснения (для чего необходим расширенный контекст или специальные уточнения, поясняющие, что конкретно имеется в виду под подобным высказыванием), либо может рассматриваться как **беспредметная** распространенная фраза, **не предполагающая указания на кого-либо** (в том числе и на властные структуры (Администрацию города Челябинска также). Значение данного высказывания следует интерпретировать следующим образом: «некая группа (никак не обозначенная) связанных чем-н. общим людей (команда, 7 значение (Ожегов С.И. Словарь русского языка. – м.: Рус.яз., 1990. С.287), предложила якобы уделить из своего в совместное пользование часть своего дела (застройщиков)».*

В нем нет прямого указания и упоминания Администрации г. Челябинска, лично М.В. Юревича» (автор заключения канд. фил. наук Демидов О.В.).

Из заключения лингвиста следует, что говорящий неизвестно о ком говорил. Весь материал построен на выражении позиции конфликтующих сторон, говорящих только о себе и об оппоненте. В таком материале нет и не может быть «беспредметных» высказываний. Лингвист говорит о необходимости «расширенного контекста». Но он есть! Стоит только посмотреть весь сюжет целиком, учесть весь дискурс, и референтная соотнесенность будет определена. Четко обозначим средства определения референциальной отнесенности информации:

- 1) анализ конфликтного дискурса;
- 2) анализ темы конфликтно материала;
- 3) выявление главного героя материала, как правило – субъекта дискредитации;
- 4) анализ контекстного окружения, конкретизирующего неопределенную номинацию;
- 5) определение пресуппозиции и, как следствие, возможных контекстуальных синонимических замен.

В то же время следует отличать случаи очевидной, но требующей доказательства референции, от случаев иного порядка.

В Федеральный суд Советского района г. Челябинска поступило исковое заявление Администрации г. Челябинска, в котором истец просил суд признать не соответствующими действительности и порочащими сведения: *«Много денег уходит на взятки и согласования проектов»*. Приведем контекст:

«Президентскую программу доступного жилья пишут в регионах. Президент Путин поручил ее губернатору Сумину. За дело уже во всю взялись в Троицке.

Уже в конце этого года по новой программе в Троицке будет построено сразу два дома. Здешний градоначальник быстро понял, в чем суть реформ, и пригласил в город много разных строительных компаний. Чтобы посмотреть, что и как они будут строить. Пока мэр доволен. А вот в Челябинске дешевые метры сдуло ветром. Квартирный метр жилья в Троицке сегодня стоит почти 11 тысяч, в южноуральской столице эта цена намного выше. Метр доступного жилья в городе становится неподъемным в цене. Много денег уходит на взятки и согласование проектов. И оказывается, построить многоквартирный дом в Троицке дешевле, чем в Челябинске.

Строители говорят, что экономика здесь ни при чем. Во всем виновата городская власть и административный ресурс.

Сообщение о взяточничестве, отнесенное к лицу, является обвинением в совершении уголовно наказуемого деяния, то есть в нарушении закона, позорит лицо в глазах окружающих и в случае недоказанности признается порочащим. Однако для квалификации суждения как порочащего необходим еще один критерий – соотнесенность с конкретным деятелем. В рассматриваемом же тексте такое соотнесение отсутствует. Грамматическая форма безличного предложения сообщает о действии или состоянии, которое представлено без участия грамматического субъекта действия. Много денег уходит на взятки, но кому? Кто их берет и кто дает? Конкретизация в тексте отсутствует. В этом случае предложенная модель анализа, учитывающая дискурс, тему материала, объект рассмотрения, контекстуальное окружение, все же не позволяет осуществить референцию.

Как нам представляется, речь идет о взятках вообще как об общеизвестной российской беде, не обойденной вниманием автором материала, не обладающим какой-то конкретной информацией. В целом вина за сложившееся положение возлагается на «городскую власть»: «во всем виновата городская власть», – но в самом общем виде, в меру объективной ответственности городской администрации за все происходящее в городе. Никакие лексико-грамматические показатели, общая семантика текста не позволяют соотнести фразу о взятках с Администрацией города Челябинска как субъектом действия и с конкретными лицами.

Рассмотрим отрезок еще одного текста, который истец считает порочащим его честь, достоинство и деловую репутацию.

«Не стану даже говорить, что буквально на днях видели Сергея Викторовича, выходящего из здания областной администрации – в аккурат перед несанкционированным митингом».

Фактуальная сущность этого сообщения сконцентрирована в предикате «видели» и заключается в сообщении о том, что С.В.Давыдова видели выходящим из здания областной администрации перед митингом. Контекст позволяет читателям сделать вывод о том, что истец, выходящий из здания администрации перед митингом, имеет к нему какое-то отношение. Однако эту часть информации, основную, истец, судя по исковому заявлению, и не оспаривает, да она и не содержит никаких порочащих Давыдова С.В. сведений, умаляющих его честь и достоинство. Истец требует опровержения характеристики митинга как несанкционированного, так как

«проведение митингов, пикетирований носит уведомительный характер и каких-либо санкций, в том числе и органа местного самоуправления, на это не требуется» (исковое заявление). Таким образом, возникает вопрос о связи номинации митинга как несанкционированного с личностью истца. Не будучи компетентным в обозначенной проблеме относительно санкционирования митингов, лингвист может сказать с уверенностью лишь одно: референтная соотнесенность информации с лицом отсутствует, обозначенная проблема (можно ли назвать митинг несанкционированным, если на его проведение и не требуется санкций) не имеет ничего общего с личностью Давыдова С.В., ни коим образом не задевает его честь, достоинство и профессиональную репутацию и достойна рассмотрения скорее в правоведческой дискуссии, нежели в процессе о защите чести и достоинства. В таких случаях было бы, на наш взгляд, справедливо предоставлять истцам право опубликования ответного материала.

Итак, определение референциальной соотнесенности конфликтного высказывания с конкретным лицом, физическим или юридическим, – необходимый элемент лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства, деловой репутации. При осуществлении этой процедуры необходимо учитывать не только всю структуру текста, но и весь дискурс, и пресуппозиции.

Выводы по II главе

Одна из главных задач лингвиста в ходе осуществления судебного лингвистического исследования семантического типа, в частности в процессах о защите чести, достоинства, деловой репутации – декодировка конфликтного текста в дискурсе. Осуществляя декодировку с целью установить инвариантный смысл воспринятой реципиентами информации, лингвист неизбежно обращается к теории имплицитных смыслов, к теории пресуппозиций. В главе доказывается, что не все аспекты пресуппозиции, не все понимания могут быть практически применены в данном типе лингвистического исследования. Признание «неграмматичных», «бесмысленных» высказываний выведет из сферы анализа предложения, в реальной речевой практике выполнившие определенную прагматическую функцию, что не отвечает цели и задачам судебной лингвистической экспертизы и противоречит логике осмысления реального дискурса.

«Неграмматичность» конфликтного высказывания или текста в широком смысле может вызвать амфиболию, которую лингвист должен отразить в своем анализе, с тем чтобы учесть все возможные варианты декодировки текста в дискурсе. Правовые последствия амфиболии в процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации различного типа также различны.

При декодировке текста ключевым вопросом является вопрос о референциальной соотнесенности высказывания с лицом (физическим или юридическим), который лингвист-аналитик должен решать в соответствии с законами реального восприятия информации реципиентами, то есть с учетом всех скрытых факторов референции, приведенных в главе: вербальных и невербальных, дискурсивных, тематических, композиционных, пресуппозитивных. Формально-грамматический анализ не позволяет осуществить искомой декодировки.

Вопрос о порочащем/непорочащем характере распространенных сведений считаем находящимся на грани лингвистической компетенции. В сферу компетенции лингвиста попадает экспликация имплицитной информации, ее же нравственная оценка возможна только с точки зрения воспринятых экспертом бытующих на настоящий момент в обществе представлений. В главе доказывается, что продуктивным для лингвиста-эксперта является не поиск находящихся за пределами лингвистики этических оценок, а определение информационной природы (фактуальной или оценочной) распространенных высказываний, чему посвящена следующая, третья, глава настоящей работы.

ГЛАВА III. ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРИРОДА СВЕДЕНИЙ

3.1. Дифференциация фактуального и оценочного: правовой аспект

Реализация права на судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации вступает в некоторое противоречие с соблюдением права на свободу мысли, слова и информации. При этом возникает определенная конкуренция этих правовых институтов, что создает дополнительные сложности в разрешении конкретных дел. Судьи нередко стоят перед дилеммой – защитить свободу слова или честь, достоинство, деловую репутацию лиц, потерпевших вследствие злоупотребления свободой слова. Название статьи 152 "Защита чести, достоинства и деловой репутации" создает иллюзию у потерпевших, что они имеют право на судебную защиту в любом случае, если их репутация потерпела урон. Однако ухудшение отношения общественности к лицу может произойти и по причине объективной критики, выраженной в форме оценочных суждений. В таком случае правовой механизм опровержения сведений, прописанный в ст.152 ГК, не может быть применен. Анализ информационного конфликта осложняется необходимостью учитывать форму выражения мнения, которая в случае своей «неприличности» может быть квалифицирована как оскорбление по ст. 130 УК РФ.

Ключевым звеном лингвистического анализа при разрешении рассматриваемого типа конфликта является определение **информационной природы** высказывания.

На это обратил внимание еще К. Маркс, разграничивая клевету и оскорбление. В 1849 году на судебном процессе "Новой Рейнской газеты" К. Маркс говорил: "Итак, что подходит под категорию клеветы? Поношения, которые вменяют поносимому в вину определенные факты. Что подходит под категорию оскорбления? Обвинение в определенном пороке и оскорбительные выражения общего характера. Если я скажу: "вы украли серебряную ложку", то я возвожу на вас клевету в понимании Code penal. Если же я скажу: "вы – вор, у вас воровские наклонности", то я оскорбляю вас" [Маркс, Энгельс 1971, с.241). Не в полной мере соглашаясь с квалификацией таких слов, как «вор» (идущая от К.Маркса традиция до сих пор очень сильна и представлена как в теоретических работах по юрислингвистике, так и в конкретных анализах спорных текстов), отметим общее направление выраженной мысли о различении сведений, которые сообщают о событии, и сведений, которые дают оценку, характеристику.

В период актуализации ранее не функционировавших статей о свободе слова и о защите чести и достоинства развернулась дискуссия о том, подпадают ли под действие ст.152 ГК сведения, содержащие выражение мнения какого-либо лица о событиях и явлениях окружающей действительности.

Так, на страницах журнала "Российская юстиция" в статье С. Полякова "Свобода мнения и защита чести" [Поляков 1997] описывалась ситуация: после опубликования в пермской газете "Звезда" заметки журналиста М. Лобанова "Там пули не свистят..." в редакцию этой газеты по телетайпу поступил отклик пресс-службы УВД Пермской области, где была, в частности, такая строчка: "...публикация вызывает недоумение своей юридической безграмотностью и правовым нигилизмом".

Журналист обратился в Свердловский районный суд г. Перми с иском к УВД Пермской области о защите чести, достоинства и деловой репутации. Иск был удовлетворен. Вышестоящие судебные инстанции, рассмотрев жалобу ответчика, оставили в силе решение районного суда. С. Поляков высказал мнение о нелогичности такого решения, о невозможности признания порочащим, то есть не соответствующим действительности, чьего-либо мнения, оценки лица, события.

Большинство участников дискуссии, выступивших в журнале, подвергли критике позицию С. Полякова и посчитали, что в порядке ст.152 ГК в суде можно оспорить не только сведения фактического характера, но и мнения (Грось 1998).

Выступая на Первой российско-американской конференции по праву СМИ, судья Верховного Суда РФ В. Кнышев заявил: "Суды, признавая безусловное право журналиста на изложение своего личного мнения по поводу публикуемых им материалов, на мой взгляд, совершенно обоснованно исходят из того, что личные суждения и оценки автора должны быть основаны не только на конкретных сведениях, но при этом не должны порочить честь и доброе имя истца. Иного толкования Закон Российской Федерации о средствах массовой информации не допускает" [Кнышев 1997, С. 6].

Из этого следует, что предметом опровержения в порядке ст.152 ГК могут быть не только фактические сведения, но также мнения и оценки.

Обобщение практики судов Краснодарского края по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, проведенное судьей Краснодарского краевого суда С.Потапенко, показало, что имеют место случаи, когда суды выносили решения, в которых признавали не соответствующими действительности, порочащими потерпевшего сведения типа "*Иванов – плохой глава администрации*" или

"политические взгляды Сидорова носят реакционный характер". Иначе говоря, частью судебного корпуса названные правовые ориентиры о том, что в суде можно оспорить правильность того или иного мнения или суждения, восприняты и реализованы в решениях по конкретным делам.

Не можем не согласиться с позицией [Потапенко 2001], что «правильность такого подхода сомнительна и желательно продолжить дискуссию».

Представляется логичным мнение А. Эрделевского о том, что п.1 ст.152 ГК может быть применен лишь для случаев, когда содержанием сведений является сообщение о фактах, но не мнение, выражающее их оценку [Эрделевский 1997, с.17].

Порочащие сведения могут носить характер фактических данных либо мнений, суждений об отрицательных качествах того или иного лица. Многие юристы дифференцируют понятия *сведение* и *суждение* как соотносимые с оппозицией факт /мнение: «Сведение по смыслу ст.152 ГК – это утверждение о факте, которое можно проверить на предмет соответствия его действительности. В противоположность этому во мнении выражается соответствие оцениваемого факта не действительности, не объективному миру, а субъективным понятиям и представлениям отдельного человека, выражающего мнение».

Факт – это синоним таких понятий, как истина, событие, результат; нечто реальное в противоположность вымышленному; конкретное, единичное в отличие от абстрактного и общего. Факт как форма эмпирического знания противопоставляется в философской науке теории или гипотезе.

Право на суждение в соответствии с п.9 ст.47 Закона РФ "О средствах массовой информации" является неотъемлемым правом журналиста. Он имеет право "излагать свои личные суждения и оценки в сообщениях и материалах, предназначенных для распространения за его подписью.

Суждение – это то же, что мнение, высказывание. Оно представляет собой умственный акт, носящий оценочный характер, выражающий отношение говорящего к содержанию высказанной мысли и сопряженный обычно с психологическими состояниями сомнения, убежденности или веры» [Потапенко 2001].

В Кодексе профессиональной этики российского журналиста прямо указано: "Журналист обязан четко проводить в своих сообщениях различия между фактами, о которых он рассказывает, и тем, что составляет мнения, версии или предположения" [Правовое поле журналиста 1997, с.528].

Этот Кодекс не является, строго говоря, юридическим документом. Его можно отнести к нормам профессиональной саморегуляции, корпоративного права, но в нем достаточно четко прописана мысль о необходимости разграничения фактов и мнений в средствах массовой информации.

Применительно к негативным оценочным суждениям возникает вопрос об обоснованности авторского мнения. Анализ конфликтных текстов показал, что в современной прессе, особенно в период предвыборной борьбы, активно используются негативные оценки, не основанные в рамках публицистического материала ни на каких фактах, выражающие негативное отношение к лицу и к его деятельности, явно нацеленные на формирование определенного общественного мнения.

Еще тридцать лет назад А. Белявский и Н. Придворов в книге "Охрана чести и достоинства личности в СССР" обратили внимание на различие оценочных высказываний, основанных на каком-либо фактическом материале, и мнений и оценок, не содержащих такой фактуальной базы. Авторы отмечали, что значительная, если не большая, часть информации о человеке поступает и доводится до общественного мнения в форме оценок. Оценка есть результат сопоставления двух видов информации – о поступках человека и о нравственных требованиях. Любая моральная характеристика человека подразумевает оценку каких-либо действий, поступков, поведения данного лица. Суд должен определить, есть ли о лице факты, которые послужили основанием для данной оценки. Таким образом, по мнению авторов, правильность моральных оценок может быть предметом судебного разбирательства. В качестве критериев оценки предлагались требования общества в форме норм закона, правил социалистического общежития и морали [Белявский, Придворов 1971, с.55].

По мнению [Потапенко 2001], «в период развитого социализма под воздействием идеологических догм суды могли выносить решения, в которых определяли соответствие действий отдельных граждан требованиям морального кодекса строителя коммунизма или правилам социалистического общежития. Предлагать же подобное в наше время, в условиях строящегося правового государства и диктатуры закона, с моей точки зрения, весьма спорно».

Нельзя не согласиться с авторами комментария Конституции РФ, вышедшего в Москве в 1994 году, в том, что мнения и убеждения человека – это часть его внутреннего мира, определяющая своеобразие и неповторимость личности. Возможность их выражения – вопрос свободного самоопределения человека, на

которое никто не должен оказывать насильственного воздействия – ни другой человек, ни государство, ни общество.

Если правильность мнения того или иного лица определять в судебном порядке, то это будет не чем иным, как насильственным воздействием государства на свободное самоопределение человека.

Статья 29 Конституции РФ гарантирует каждому свободу мысли и слова, а также свободу массовой информации. Эта конституционная норма корреспондирует ст.10 европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, провозгласившей, что каждый человек имеет право на свободу выражения своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ.

Европейский Суд по правам человека вынес немало решений, касающихся названной статьи европейской Конвенции, последовательно проводя при этом границу между констатацией фактов и оценочными суждениями. Например, по делу Обершлика Суд в мае 1991 г. вынес решение, указав на нарушение ст.10. Дело касалось иска о диффамации в печати, возбужденного против заявителя австрийским политическим деятелем. Суд пришел к выводу, что в данном деле было допущено нарушение ст.10, на том основании, что высказывания заявителя представляли собой оценочные суждения [Законодательство и практика средств массовой информации 1998, с. 24].

В США на этот счет имеются прецедентные решения Верховного суда, позволяющие отделить факт от мнения. В частности, судья Паул в деле Герца высказался так: "...не существует понятия ложной идеи. Сколь бы вздорным ни казалось мнение, не дело суда поправлять это мнение. Оно может быть оспорено лишь в конкуренции с другими мнениями" [Честь, достоинство и репутация: Журналистика и юриспруденция в конфликте (результаты исследования и материалы конференции)1998, с.102].

Такой же вывод можно сделать и при анализе российского законодательства. В частности, показать несостоятельность того или иного мнения можно путем использования права на ответ (ч.3 ст.152 ГК) в случае, когда высказанное мнение затрагивает права и законные интересы потерпевшего. В такой ситуации суд должен исследовать содержание мнения. Если оно высказано в оскорбительной форме, потерпевший на основании ст.151 ГК может требовать компенсации морального вреда. В этом случае содержание мнения вообще не имеет юридического значения. Суд

должен установить, является ли унижающей честь, достоинство и деловую репутацию потерпевшего форма выражения мнения.

Идеи, мнения, оценки не могут быть опровергнуты по решению суда как не соответствующие действительности. Они должны оспариваться в порядке полемики, т.е. ответа, реплики, комментария в том же средстве массовой информации, как это предусмотрено ч.3 ст.152 ГК и ст.46 Закона РФ "О средствах массовой информации".

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» обозначена граница между правом на свободу слова и правом на честь и достоинство: «...следует различать имеющие место **утверждения о фактах**, соответствие действительности которых можно проверить, и **оценочные суждения, мнения, убеждения...**, которые, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия действительности».

Таковы, в общих чертах, направления дискуссии о дифференциации факта и мнения в правовом поле. Приведенный обзор является убедительным доказательством востребованности лингвистического комментария по обозначенному поводу. Правоведы пришли к выводу, зафиксированному в нормативных документах, о необходимости дифференциации названных категорий, критерии же дифференциации информации объективного и субъективного характера предоставлено разрабатывать лингвистам. Сами понятия объективности и субъективности нуждаются в пояснениях.

Поскольку понятие **факт** используется во всех правовых документах, соотносящих свободу слова с правом на защиту чести, достоинства и репутации, необходимо определить его статус в структуре лингвистической экспертизы.

Понятие **факт** является предметом рассмотрения философии, логики, лингвистики, юриспруденции, и толкования термина различны даже в рамках одной науки. В одной из первых работ по юрислингвистике [Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации 1997], получившей широкий резонанс и ставшей для многих практическим руководством к действию, категория **факт** рассматривается следующим образом.

Авторы считают, что факт и оценка не противопоставлены. «Факт становится таковым и становится нам доступным только в форме суждения. Реальность существует независимо от человека, а факт – нет: он, этот человек, выделяет в действительности какой-то фрагмент, а в нем – определенный аспект (событие); затем

он «переводит» свое знание о действительности (событии) на «естественный» язык, строит в виде суждения о предмете, затем проверяет, истинно ли данное суждение или ложно. И только тогда – если окажется, что суждение истинно – то, что описано в этом суждении, становится фактом!...Факт абстрактен по своей природе.. Факты не описывают, их излагают...Факты вообще не «происходят». Это лишь наша интерпретация событий, наш образ ситуации. Образ, который в результате проверки (верификации) оказался истинным».

В книге выражается мысль о том, что факт может быть достоверным и недостоверным. Достоверным фактом называется сообщение о событии, которое оказалось истинным в результате верификации, а недостоверным фактом – суждение о событии, верифицировать которое оказалось невозможным.

Возникают сомнения, можно ли такое неverified сообщение назвать фактом? Но самое главное сомнение вызывает трактовка факта как «интерпретации событий», дополнительно осложняющая дифференциацию двух типов сообщений, являющуюся основой правового регулирования информационного конфликта.

В соответствии с данными словарей, определяющих универсальное общезыковое понимание, **факт** (лат. factum сделанное) – 1) действительное, невымышленное происшествие, событие, явление; твердо установленное знание, данное в опыте, служащее для какого-либо заключения, вывода, являющееся проверкой какого-либо предположения; 2) действительность, реальность, то, что объективно существует [Современный словарь иностранных слов 1994, с.635].

Именно в этих значениях употребляют это слово носители языка.

Рассматриваемое исследование связывает факт исключительно с высказыванием. Согласимся, что сама характеристика «факт» относится преимущественно к вербализованной информации, преподнесенной в виде сообщения, однако возможно отнесение слова и к фотоинформации, видеоинформации.

Использование слова «факт» в формулировке законодательного акта не соответствует его значению в любых интерпретациях. Что значит «утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить»? Если сообщение не соответствует действительности, его уже нельзя назвать фактом. Слово «**факт**» в приведенном контексте явно употреблено в значении слова «**событие**», использование которого сняло бы сложные терминологические споры, никак не способствующие практическому решению проблемы.

Таким образом, в юридической практике, требующей, в отличие от лингвистики, четких бинарных категорий, на настоящий момент сформировались противопоставленные характеристики суждения как **событийного** или как **оценочного**. От определения информационной природы текста, отнесения его к одной из этих двух категорий, зависят правовые последствия для участников процесса.

Названия этих категорий следует воспринимать как определенную условность.

Событийные, или, как их еще называют по различной терминологии, **фактологические, фактуальные, описательные**, сведения сообщают о событиях, процессах, явлениях, произошедших в конкретных условиях места и времени. Это информация о «конкретных ситуациях, происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности лица юридического» (5) Такая событийная, фактуальная информация либо соответствует, либо не соответствует действительности, подвергается верификации и в случае недоказанности считается порочащей. По решению суда порочащие сведения опровергаются в СМИ, их распространившем. Вопрос о соответствии сведений действительности в компетенцию лингвиста не входит, его задача ограничивается самим вычлениением из текста этой информации.

Вторая группа сведений представляет собой **мнения, оценки**, концепции, выражение **отношения** к событиям, явлениям. Объединим эту группу сведений субъективного характера условным названием «**оценочные**». **Оценочные** суждения являются средством авторского самовыражения и потому не подвергаются идентификации действительности, а соответственно, не могут быть ни лживыми, ни порочащими. В соответствии с законом о СМИ журналист имеет право высказывать несогласие с кем-либо, критиковать чью-либо деятельность, выражать негативное отношение, естественно, «в приличной форме». Допустимы любые негативные оценки конкретных фактов, событий. Предметом особого разговора является разновидность оценочной информации, содержащей целостную характеристику личности, несовместимую в общественном сознании с понятиями чести и достоинства. В остальных же случаях суждения обозначенной категории являются неотъемлемым журналистским правом. Мнения и оценки не опровергаются, а оспариваются в печати в порядке полемики.

Определение информационной природы текста обуславливает правовые последствия для истца и ответчика. Поскольку признание сведений мнением практически освобождает ответчика от ответственности (кроме случаев нарушения

«общепринятых норм общения»), СМИ доказывает отнесенность распространенной информации к этой категории. Истец же настаивает на событийности, фактуальности, так как в случае недоказанности распространенных сведений он выигрывает дело.

Без специальных познаний в области лингвистики определить информационную природу сведений крайне затруднительно, что и вызывает обращение к лингвисту-эксперту.

3.2. Дифференциация номинативного и коннотативного компонентов информации: лингвистический аспект

Анализ правового подхода к проблеме опорочения показал, что перед лингвистом, осуществляющим анализ текста на предмет содержания порочащей информации, в первую очередь стоит задача определить характер сведений, то есть разграничить *фактологические (фактуальные)* сведения, проверяемые судом на предмет достоверности и в случае несоответствия действительности опровергаемые, и сведения – *мнения*, сведения – *оценки*, не подвергаемые проверке на предмет достоверности и не опровергаемые, а оспариваемые в печати.

Уточним, что под информацией мы понимаем весь объем передаваемого содержания, включая его гносеологический и ценностный аспекты.

Однако и для лингвиста решение проблемы далеко не очевидно, поскольку современные научные взгляды не принимают необходимого разделения информации на две антагоничные группы. В лингвистике давно уже стало общепринятым понимание высказывания как комплексного выражения объективного и субъективного начал. Нельзя не согласиться с Ш. Балли, что «не бывает ни абсолютно рассудочных, ни абсолютно эмоциональных речевых фактов...значение имеет только пропорция, в которой они представлены» [Балли 1961, с.188]. Отношение говорящего проявляется и в отборе нейтральных языковых средств.

То есть юридические категории фактуальности и оценочности, а соответственно, требования правовой системы к лингвистической экспертизе, противоречат лингвистическим представлениям о комплексной реализации собственно номинативного и коннотативно-прагматического компонентов и приводят к междисциплинарному конфликту. Поэтому далеко не всегда ответ на вопрос, можно ли

охарактеризовать распространенную информацию как **утверждение** о каких-либо событиях, то есть является ли оно **фактуальным (фактологическим)**, очевиден.

Однако сам факт признания этого противоречия не означает, что лингвист в ходе выполнения экспертизы может проигнорировать необходимую для разрешения информационного спора дифференциацию сведений.

К сожалению, известны решения суда, основанные на лишенной всякой логики дифференциации, приводящие не только к необъективным, но даже к комичным последствиям. Нередко лингвистическая экспертиза, не учитывающая необходимости определения информационной природы сведений, только вводит в заблуждение суд.

Так, приведем пример судебного разбирательства, предметом которого стала публицистическая статья, рассказывающая о предприятии, самостоятельно, в обход налоговой инспекции, наносящем штрих-код на свою продукцию. Конечно, материал имел критическую направленность, выражал негативное отношение к объекту изображения. Цитируем текст заключения лингвиста: *«В результате проведенного исследования выяснилось, что автор названной статьи умело использует разнообразные приемы манипулятивного воздействия, в частности, «дозирование объемов правды», «приклеивание ярлыков» и комплиментарные методики. Первый из названных приемов проявляется в том, что внимание автора сосредоточено лишь на отдельных моментах в деятельности объекта очернительства, все положительные моменты устранены. Иными словами, поступающая к читателю информация дается в усеченном, препарированном виде. Второй прием реализуется через использование сформированных ментальных стереотипов («монополист»).*

В целом весь текст подчинен реализации стратегии «понижения в статусе» (развенчания доброго имени объекта). Автора интересует вовсе не объективный анализ действительного положения дел и вовсе не предположения по его улучшению, его задачей является вызвать антипатию, безразличность по отношению к объекту, поселить недоверие к данной коммерческой структуре. Все характеристики «Гаранта» представляют его как образец, не достойный подражания: читатель получает информацию о «беспринципности» («...шлепает штриховку всем желающим»), «меркантильности», «стремлении его к собственной выгоде» («Гарант» все сделал заранее, зная, какую выгоду это принесет»), «ловкачестве» («юридическое препятствие... обошли легко и изящно»; «структура непотопляемая», «отсидевшись в тени, восстал из праха») и «опоре на покровителей» («тихое административное покровительство»). Данный набор признаков вовсе не беспорядочен, каждая из них

адресована определенной части читателей: для старшего поколения – это стяжательство, приоритет собственных интересов, беспринципность; для «новых русских» – опора на покровителей (нарушение «правил игры», неравенство возможностей).

Для того чтобы «усыпить бдительность» читателя, автор использует комплиментарные тактики, заключающиеся в приписывании адресату положительных качеств, поднимающих, возвышающих его в собственных глазах («Кроме, как вы правильно догадались...»; «Законопослушный гражданин тут же вспомнит...»).

Общая прагматическая направленность – понижение в ранге – проявляется и в подмене родовых понятий: вместо государственное предприятие – «некая коммерческая структура», и в задействовании устойчивых ассоциаций: «репутация структуры непотопляемой» вызывает в памяти читателя стереотип «подмоченная репутация» (через связь с семантикой воды). Подбор эпитета во фразе «Интересно, в курсе ли этих лихих дел губернатор?» вызывает целый ряд ассоциаций: лихой – «ловкий, удалой», «злой, приносящий беду» и «связанный со стяжательством, мздоимством» (ср. лиходей, лихоимец – «жадный вымогатель, взяточник»). Все это демонстрирует «мастеровитость» автора.

Обобщенный смысл всего, что так тщательно скрывалось в тексте статьи, обнажен в подзаголовке к ней и подается как «подсказка» читателю (в том случае, если он не разберется самостоятельно):... «унитарное предприятие заменило налоговую инспекцию».

Приведенный лингвистический анализ спорного текста представляется абсолютно неприменимым для объективации судебного разбирательства, поскольку его целевая ориентация ни коим образом не ориентирована на разрешение судебной проблемы, ради объективного рассмотрения которой, собственно, и был привлечен специалист-лингвист. Перед нами прекрасный стилистический анализ, раскрывающий использованные журналистом стилистические приемы. Но выявление приемов манипулятивного воздействия на читателей не является обязательной, а тем более главной задачей целевой лингвистической экспертизы, поскольку приемы эти не запрещены законом и составляют сущность журналистского труда. Этим приемам обучают на журфаке. Да, автор выражает негативное отношение к предприятию – объекту рассмотрения и формирует это отношение у читателя. Он имеет право выражать отрицательное отношение к методам работы, используемым описываемой

фирмой, для чего, собственно, и написал соответствующий публицистический материал.

Главное – в основе публицистического материала и авторских оценок должны лежать соответствующие действительности сведения. Именно лингвист и должен проделать эту работу: выделить в тексте событийные (фактуальные, описательные) сведения, которые в ходе судебного разбирательства будут подвергнуты проверке, и отмежевать их от авторских оценок, не являющихся предметом разбирательства, если, конечно, они соответствуют «принятым в обществе нормам общения», то есть не являются оскорбительными. Автор же рассмотренной экспертизы посвятил весь свой анализ именно тому, что вообще не является предметом рассмотрения по делам обозначенного типа – средствам выражения авторского отношения. Причина целевой дезориентации анализа – в изначальной теоретической установке автора, не предполагающей взаимодействия и сочетания лингвистических и юридических категорий:

«Современной лингвистикой установлено, что знания и представления человека о мире неизбежно включают в себя его оценку. На естественную категоризацию в сознании человека накладывается ценностная категоризация, любой факт реальной действительности, попавший в поле зрения человека, подвергается им сознательной или неосознанной интерпретации, а значит, включает в себя момент оценивания. Следовательно, постановка перед лингвистом задачи отделения «фактологической» информации от «оценочной» в принципе безрезультатна. ...Данный подход представляется нам слишком упрощенным в современных условиях, когда сплошь и рядом применяются новейшие технологии воздействия на человеческое сознание. Речь идет о так называемых методиках манипуляции общественным сознанием...»

Признание сочетания в речевом акте объективного с субъективным никем не оспаривается, и без учета этого фактора невозможно объективно разрешить информационный конфликт. Однако в правовой системе фактуальность и оценочность противопоставлены, и в структуре лингвистической экспертизы, служащей целям объективации судопроизводства по делам обозначенного типа, дифференциация этих категорий занимает концептуально значимое место, что обуславливает актуальность разработки специальной методики определения информационной природы сведения. Приведенный абстрактно качественный, но предметно неприменимый лингвистический анализ подтверждает обоснованность общего пафоса предлагаемого исследования: лингвистический анализ, используемый в качестве судебного

заклучения и являющийся средством правового регулирования, имеет свою, специфическую, целевую ориентацию, определяющую комплекс разрешаемых в обязательном порядке задач, и определенную структуру.

Мы не предлагаем лингвистике обслуживать юриспруденцию в ущерб логике собственного развития. Напротив, возникшая потребность в дифференциации объективного и субъективного, событийного и оценочного указала на необходимость следующего шага в рассмотрении собственно гносеологического и ценностного аспектов языка. Симбиоз их признан, очевиден и доказан. Но разве невозможно установить компоненты этого симбиоза? Любой семантический и семный анализ именно этим и занимается – установлением смысла текста, высказывания, слова, и установлением компонентов, аспектов, оттенков смысла.

Слово способно накапливать и хранить следующие виды информации: 1) денотативную; 2) оценочную; 3) эмоциональную; 4) функционально-стилистическую. Вся информация, зафиксированная в слове, делится на денотативную и коннотативную (дескриптивную и недескриптивную соответственно – в терминах Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1988]).

В задачу лингвиста входит в едином целом (слове, предложении, тексте) выделить содержание и средства выражения этих двух взаимодействующих типов информации. Текст подобен сосуду, наполненному сложным химическим составом, а лингвист – химику, производящему анализ этого состава и разлагающему целое на компоненты.

Мы предлагаем вполне естественное соотнесение лингвистических категорий с юридическими, позволяющее использовать лингвистический анализ для разрешения информационного конфликта.

Семантическая структура слова включает в себя семантическое ядро, коннотацию и сочетаемость. Семантическое ядро соотносит слово как языковой знак с денотатом. Коннотация выражает заключенную в лексеме образность, оценочность, эмоциональность, экспрессивность.

Уже соотношение денотативного и коннотативного начал языковой единицы позволяют увидеть неоднородность лексического состава языка относительно объективного/субъективного. Стилистически нейтральные лексемы не имеют коннотации, информативная сущность – основа их семантики. В оценочных лексемах, напротив, коннотация поглощает семантическое ядро, то есть само ядро есть оценка, выражение отношения: *плохой, хороший, замечательный, отвратительный*. Денотат

таких слов по определению субъективен, он не может быть объективно соотнесен с каким-либо элементом реальной действительности. Как правило, два названных типа слов, противоположных относительно объективности/субъективности обозначения ими явлений, не вызывают конфликтов в судебном разбирательстве по причине своей семантической одноплановости.

Противоречивой бывает квалификация слов, совмещающих в своей семантике событийность и коннотативность. Так, слово «паразитировать» коннотативно, образно и оценочно, но это не значит, что оно никак не соотносится с денотатом. В контексте метафоры «*паразитировать на теле государства*» рассматриваемая лексема обозначает «использовать государство в целях личного обогащения».

Возможность совмещения собственно номинативного и коннотативного значений в одной языковой единице зачастую либо не учитывается участниками процесса, что приводит к необъективному решению, либо признается как факт неразделимой дуальности, исключающей какое-либо решение вообще. Наличие коннотации в слове (высказывании, тексте) совершенно необоснованно признают показателем его оценочности в юридическом смысле, не учитывая, что коннотативность накладывается на номинативность, и языковая единица обозначает вполне конкретные реалии действительности, проверяемые на предмет достоверности.

Рассмотрим отрывок текста, опровержения которого требует истец: *«От имени губернатора президента должен был встретить Владимир Петрович Уткин – исполняющий обязанности губернатора области. Но он, скажем так, капитально принял на грудь... И тогда я принял решение отстранить его от официальных мероприятий, взяв на себя всю полноту ответственности...Так что Владимиру Путину я представлял официальную делегацию на правах первого заместителя губернатора...Губернатор мог сам дать оценку моему поступку. Так что еще будучи управделами, я выполнял функции, не свойственные завхозу».*

Лингвистическая составляющая защиты заключалась в апелляции к категории коннотативности: поскольку основная языковая единица, выражающая негативную оценку, – фразеологизм **«принять на грудь»**, образный по своей природе, высказывание можно отнести к оценочным, не проверяемым на предмет соответствия действительности. Лингвистическая экспертиза, отвечающая на тенденциозно поставленные вопросы, поддержала эту позицию. *«Является ли фразеологизм образным?»* – «Является» – *«Выражает ли образная единица субъективный взгляд автора?»* – «Безусловно». За два шага реализовалась казуистическая модель

рассмотрения ситуации. У суда появляются серьезные основания признать сведения оценочными и не осуществлять их проверки на предмет соответствия действительности, что практически означает проигрыш истца.

Только признание вторичности коннотации, возможности совмещения ее с номинацией помогут разрешать подобные ситуации адекватно. В рассмотренном случае фразеологизм *«принять на грудь»* действительно образен, как и большая часть фразеологического состава русского языка, но коннотация сочетается с номинативным значением: «выпить, напиться, быть пьяным». Содержательная сущность фразеологизма событийна, обозначает конкретную реалию действительности и проверяема. Таким образом, сведение, несмотря на образную форму реализации, имеет фактуальную информационную природу, и в случае недоказанности может считаться порочащим.

При рассмотрении текста – предмета судебного разбирательства на предмет защиты чести и достоинства в рамках гражданского права и на предмет наличия оскорбления в рамках уголовного права важно учитывать сочетание в языковой единице номинативного и коннотативного компонентов семантики. Двуплановость эта не всегда осознается участниками процесса, что препятствует принятию объективного решения.

Во-первых, слово может совмещать номинативность и образность, что в процессе о защите чести и достоинства усложняет разрешение проблемы о квалификации сведения как фактуального или как оценочного.

Например, во фразе *« Я обязательно верну городу «украденные» у него «Техсоюзом» деньги»* слово *«украденные»* употреблено в метафорическом значении, что очевидно и из его заключения в кавычки, и из контекста, из которого следует, что речь идет не о краже в прямом смысле, а о неуплате предприятием налогов, что автор образно называет кражей. Приведенные доводы кажутся убедительными для того, чтобы квалифицировать высказывание как мнение, оценку, что исключает какие-либо правовые последствия для ответчика. Однако необходимо учитывать, что любая метафора содержит, помимо образной составляющей коннотации, еще и собственно номинативное ядро, соотносимое непосредственно с денотатом. В приведенном контексте слово *«украденные»* имеет номинативное значение « незаконно внесенные в бюджет города», и именно это номинативное значение и должно доказываться автором высказывания, и в случае недоказанности оно должно быть квалифицировано как порочащее деловую репутацию компании. Таким образом,

метафоричность выражения не означает отсутствия содержания, подлежащего доказыванию. К сожалению, на настоящий момент нередки случаи нерассмотрения суждений, имеющих образную природу, на предмет соответствия действительности, что объясняется непониманием двойственной природы таких единиц, сочетающих номинацию с коннотацией.

Во-вторых, слово может совмещать номинативность с другой составляющей коннотации – экспрессивностью. Понимание такой семантической двойственности оказывается важным при рассмотрении дел об оскорблении.

Так, одна из конфликтных фраз в известном процессе «Ароян – Киркоров»: «*а мне по х..ю, как вы там напишете, также как и Вы...*» была рассмотрена А.Н. Барановым только с номинативных позиций, без учета коннотации. Действительно, нельзя не согласиться с тем, что фразеологизм «*по х...*» имеет номинативное значение «*безразлично, все равно*». Однако нельзя исключать из семантики слова и фразеологизма его коннотативной составляющей. Рассматриваемый фразеологизм при отнесении к лицу, как в данном случае, выражает пренебрежение, а поскольку он относится к нелитературной сфере русского языка, о чем свидетельствуют соответствующие стилистические пометы в словарях, то должен быть отнесен к «неприличным» средствам выражения отношения и соответственно квалифицирован как оскорбление. В результате же одностороннего и неполного, на наш взгляд, анализа фразеологизм «*по х..*» был рассмотрен как не характеризующий Ароян и потому не оскорбительный. Необходимо учитывать, что инвективные единицы языка в значительной степени выполняют не функцию создания характеристики, как считает Баранов, а функцию выражения отношения. Такие единицы двойственны по своей семантической природе и наряду с номинативным значением содержат экспрессию, характер и направленность которой и определяют коммуникативный эффект высказывания.

Таким образом, с лингвистических позиций фактуальность и оценочность естественным образом сочетаются, а юридически они должны быть разграничены. Разрешение этого конфликта заключается в изменении подхода к определению информационной природы сведений. Дифференцировать следует не фактуальные и оценочные языковые единицы, а **фактуальное и оценочное в языковой единице**. Иными словами, лингвист должен сквозь коннотацию и авторский субъективизм увидеть содержательно-номинативную сущность слова, высказывания, текста, и

предложить суду конкретные положения для проверки на предмет соответствия действительности, если такие положения имеются.

Это один из ключевых и действительно продуктивных выводов по исследуемой теме, снимающий междисциплинарный конфликт и позволяющий реально объективировать подход к делам рассматриваемого типа, а теорию лингвистики обогащаящий более гибким, как нам представляется, взглядом на взаимоотношения денотативного и коннотативного в языковой единице. В ходе лингвистической экспертизы должен быть выяснен вопрос: содержится ли в распространенной информации событийный компонент, подлежащий проверке, или сведение имеет исключительно оценочный характер? Новым в таком подходе является противопоставление не сообщений строго фактуальных и строго оценочных (и те, и другие в чистом виде встречаются крайне редко), а противопоставление информации, основанной на событийной канве (возможно, в сочетании с авторской оценкой) и информации, конкретная событийная сущность которой отсутствует.

Для практики лингвистической экспертизы по делам исследуемого типа следование предложенной дифференциации представляется совершенно необходимым. Пренебрежение приведенными доводами и положениями приводит, на наш взгляд, к принципиальной целевой дезориентации лингвистического комментария, к выходу за пределы профессиональной компетенции и к несоблюдению правовых норм, что убедительно показал анализ заключений лингвистов.

Так, в статье [Жельвис 2004] приведен пример анализа статьи, автор которой в скрытой форме формирует у читателей представление о том, что некое лицо совершило ряд поступков, негативно его характеризующих. Автор лингвистического исследования убедительно раскрывает журналистские приемы и доказывает, что обвинения имели место. Такая экспликация имплицитных смыслов является непосредственной функцией филолога. Однако на основании вычленения этих обвинений автор делает вывод о том, что материал носит клеветнический и оскорбительный характер, что выходит за пределы компетенции лингвиста. Если журналист в ходе суда докажет, что объект опорочения действительно совершил аферу, то почему же его нельзя назвать аферистом, если он совершил кражу – воров? Обвинение в клевете вообще может выносить только суд, поскольку для применения этой статьи УК необходимо доказать, во-первых, несоответствие сведений действительности, во-вторых, наличие умысла в противовес добросовестному заблуждению. И первое, и второе находится вне филологической компетенции. Лингвист должен выделить только те положения (по

сути, а не по форме), которые сообщают читателю о совершении лицом противоправных или аморальных действий, и предложить их суду для проверки, а не самостоятельно выносить решение без знания всех обстоятельств. В противном случае порочащим можно будет считать любой критический материал, формирующий негативное отношение к какому-либо лицу.

3.3. Модальность как соотнесение высказывания с действительностью в событийном аспекте

В предшествующих двух параграфах мы обозначили задачу, стоящую перед лингвистом в ходе выполнения судебного лингвистического заключения по процессам о защите чести и достоинства: выделить те компоненты смысла, которые имеют событийную природу и могут быть верифицированы, отличив их от субъективных неверифицируемых компонентов смысла. Какой лингвистический инструментарий возможно использовать в целях такой дифференциации? Ответ на это вопрос требует рассмотрения тех теорий, которые так или иначе оперируют категориями истинность/ложность, объективность/субъективность, реальность/ирреальность.

Ту задачу, которую пытаемся сейчас решить мы, а именно дифференцировать суждения, которые могут быть проверены на предмет соответствия действительности и те, которые такой проверке подвергнуты быть не могут, в свое время решал Дж.Остин. Он предложил критерий истинности/ложности для дифференциации речевых актов (высказываний, выражений), считая, что говорение мы можем правильно понять лишь в том случае, если мы знаем, что нужно относить к истинному, а что к ложному. Осуществить такую дифференциацию была призвана теория перформативов и константивов. К перформативам были отнесены выражения, равнозначные действию (*Я обещаю вам прийти*), константивам же отводилась роль описания, констатации, утверждения (*Идет дождь*). Главным различием между этими категориальными объединениями, с точки зрения предпосылок, которые лежат в основе изучения речевого акта, является то, что, если в отношении констативов мы можем установить их ложность или истинность, в отношении перформативов мы этого сделать не можем. К ним не применим критерий истинности или ложности. Однако в дальнейшем сам же Остин вынужден был прийти к выводу, что невозможно провести четкое отграничение перформативов от констативов и что очень многое здесь зависит от конкретных

условий употребления выражений. Так, выражение *Я предупреждаю вас, что револьвер заряжен*, как считает Остин, можно истолковывать и как перформатив, поскольку *Я предупреждаю* равнозначно действию, и как констатив, поскольку его допустимо соотносить с фактом (что револьвер действительно заряжен или не заряжен) и тем самым установить, является ли оно истинным или ложным.

Как нам представляется, продемонстрировать несовершенство предложенной дифференциации может не только последний пример, представляющий собой сложное предложение, имеющее две предикативные основы и в связи с этим отражающее два фрагмента действительности: 1) говорящий о чем-то нас предупреждает 2) сущность его сообщения в том, что пистолет заряжен, – каждый из которых имеет к этой действительности разное отношение. Вызывает сомнение в отнесении к той или иной группе и тот материал, который автор представляет как демонстрационный. Так, посмотрим на предложение *Я обещаю вам прийти*. Автор убеждает, что к нему неприменим критерий истинности/ ложности: легко установить, даю я обещание или нет, но это не дает нам оснований для определения выражения *Я обещаю* как ложного или как истинного; я просто совершаю некоторое действие – я обещаю, и поэтому вопрос о том, выполню я свое обещание или нет, нерелевантен. Такова логика Дж.Остина. Представляется, что возможен иной взгляд на проблему.

Во-первых, стоит ли связывать лингвистический факт высказывания об обещании с другим фактом нелингвистической реальности о его выполнении? Связанные определенными логическими связями, они не связаны непосредственно ни в речевом акте, ни даже в самой действительности собственно в момент речи. Во-вторых, отнесение *Я обещаю* к перформативам основано на лингвистическом факторе использования первого лица и внелингвистическом факторе, заключающемся в непосредственном общении говорящего «я» со слушающими нами, осуществляющими классификацию.

Стоит только устранить один из этих факторов, и основания для квалификации высказывания как перформативного исчезают. Если не *Я обещаю*, а *Он обещает*, у слушающего возникает вопрос относительно правдивости переданной информации. То же самое по сути произойдет, если мы представим *Я обещаю* как прямую речь, переданную третьим лицом. Значит, ни семантика слова, по Остину – четко определенный, грамматически специфицируемый класс «вещей», которые мы можем делать в говорении и которые этим качеством отличаются от констативов, ни его грамматическое оформление без рассмотрения контекста не могут однозначно указать

на истинность/ложность высказывания. Практика показывает, что в суде предметом спора часто становятся именно такие высказывания. Журналист пишет, что некое лицо, как правило, политик, дало обещание. При этом приводит цитату: «Я обещаю...». Лицо же это утверждает, что это сообщение ложное, что он этого не обещал, что цитата ему приписана. Это практическое подтверждение того, что

- 1) истинность/ложность – категории, находящиеся за пределами лингвистики;
- 2) вместо истинности/ложности есть смысл при анализе высказывания говорить о верифицируемости/неверифицируемости как о категории логического порядка;
- 3) лексические и грамматические показатели высказывания вне контекста не определяют интересующей нас классификации.

Сам Дж. Осин в результате попыток найти лингвистические (грамматические и лексические) критерии для размежевания перформативов и констативов пришел к заключению, что «наверное, невозможно составить список всех потенциальных критериев. Более того, они, вероятно, все же не смогли бы отличить перформативные высказывания от констативных, поскольку очень часто одно и то же высказывание в разных случаях употребляется в обоих видах» [Austin 1962, p.67].

Таким образом, истинность/ложность как гносеологические категории не могут быть установлены, квалифицированы, дифференцированы лингвистическими методами. Истинность/ложность как лингвистические категории имеют дело только со способами преподнесения действительности.

Поиск межпредметного подхода к категориям фактуальности и оценочности обуславливает обращение к **теории модальности** и дальнейшую ее разработку, определенную новым углом зрения – через призму востребованного социумом подхода к обозначенной правовой проблеме. Инвариантной частью многочисленных определений модальности является декларация ее как категории, соотносящей высказывание с действительностью глазами прагматического субъекта.

«Модальность – это душа предложения; как и мысль, она образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта. Следовательно, нельзя придавать значения предложения высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности» [Балли 1961, с.44].

Модальность как многоаспектная и многоуровневая категория рассматривается лингвистикой, и не только лингвистикой, но и логикой, философией, с различных углов зрения. Обозначим основные подходы к трактовке категории модальности:

1. Таксономический подход, в основе которого – выявление и систематизация модальных значений различных единиц языка. В основном в рамках этого направления модальность рассматривается как одна из основных характеристик предложения, которая, наряду с категориями времени и лица, обеспечивает отнесенность предложения к действительности, т.е. служит выражению основной – глагольной – разновидности предикативности.

В русле таксономических исследований модальность может получать морфологоцентрическую трактовку (Ф.И. Буслаев, А.А. Шахматов), при которой основным средством выражения модальных значений считается глагольное наклонение, или же синтаксикоцентрическую трактовку (Ш.Балли, Г.П. Немец, Г.А. Золотова, Ф.Кифер), при которой учитывается синтаксическая коммуникативная семантика высказывания.

2. Функционально-семантический подход, в свете которого модальность определяется как комплекс функционально-семантических полей с соответствующим семантическим или семантико-прагматическим содержанием, рассматриваемым в единстве со средствами его формального выражения в языке (А.В.Бондарко, Е.И. Беляева, В.С. Храковский, Н.С.Цейтлин).

3. Подход, состоящий в определении элементарных модальных смыслов, входящих в другие модальные значения, трактуемые как производные (А.Вежицкая, В.В.Гуревич).

4. Функционально-прагматический подход, ориентированный на текстоцентрическую концепцию модальности (Москальская О.И., Гальперин И.Р., Золотова Г.А., Солганик Г.Я., Черняховская Л.А., Михневич Л.И., Тураева З.Я., Баранов А.Г., Багдасарян Т.О., Шершнева Н.Б., Тхорик А.В., Романова Т.В., Агашина Н.М., Никонова Н.М., В.Н.Шашкова). Исследователи этого направления задаются вопросом: создается ли модальность текста по принципу композициональности, т.е. путем простого сложения модальных смыслов его сентенциальных составляющих, или же она допускает рассмотрение как величина относительно самостоятельная, обнаруживающая непрямую, нелинейную корреляцию с модальными значениями предложений текста. Признавая модальность категорией текстовой, они считают второе решение не только правомерным, но и предпочтительным.

Разнообразие взглядов на модальность обусловлено прежде всего отсутствием даже приблизительно общего представления о том, что же под этой категорией понимать. Отсюда и классификации, имеющие разные логические основания, начиная

от строго грамматических и заканчивая максимально отвлеченными чувственно-эмоциональными (модальность радости). Поскольку мы не ставим перед собой задачу систематизировать представления о модальности, ограничимся лишь предположением, что дальнейшая разработка этой категории может лежать только в направлении разведения объектов и предметов исследования, в результате чего появится несколько модальностей с четкими, зафиксированными названиями. Можно сказать, что и сегодня тенденция к выделению «грамматической модальности», «семантической модальности», «текстовой модальности» существует, однако уже приведенные названия свидетельствуют о несистематизированности многочисленных модальностей, различающихся сферой реализации, содержанием, средствами выражения. Не претендуя на такое обобщение, попытаемся внести вклад в развитие обозначенного направления рассмотрением одного из его аспектов, востребованных в рамках нашей проблемы. Она, напомним, заключается в том, чтобы найти критерии различения высказывания, претендующего на объективность (именно претендующего, поскольку реальная объективность/необъективность являются лингвистическими понятиями, определение соответствия/несоответствия действительности не входит в компетенцию лингвиста), и высказывания, не претендующего на объективность, отражающего субъективную позицию автора.

Подчеркиваем, тезис об изначальном субъективизме речи вообще, начиная с отбора фактов, нами принимается и не оспаривается. И все-таки нельзя отрицать, что сообщение может быть преподнесено как информация об объективно существующих реалиях и как информация о субъективном восприятии этих объективно существующих реалий. О том, насколько что объективно во внеязыковой действительности, мы вообще не говорим, поскольку языковая информация не может дать нам оснований для такого соотнесения, поскольку она может быть лживой. Поэтому мы говорим только о том, насколько претендует высказывание на объективное или субъективное.

Сузим круг рассматриваемых представлений о модальности теми, которые так или иначе оперирует категориями субъективности/объективности. По отношению к этой дифференциации все разнообразие подходов к категории модальности в лингвистике современное ее толкование можно свести к нескольким точкам зрения.

Первая позиция восходит к [Виноградову 1950] и разделяет грамматическую модальность на объективную и субъективную. Объективная модальность характеризуется в перспективе говорящего субъекта, который выражает в высказывании объективное положение дел, не проявляя своего субъективного

отношения к предмету речи: *Имело место нецелое использование средств*. Если же говорящий, обозначая действительность, привносит в свое высказывание элементы собственного мнения относительно «объективного устройства мира», то такое высказывание считается субъективно- модальным: *По-видимому, имело место нецелое использование средств*.

Казалось бы, эта точка зрения очень удобна для осуществления необходимой нам дифференциации, так как объективную модальность в лингвистике можно соотнести с фактуальностью в праве, а субъективную модальность – с оценочностью. Однако попытка на практике использовать такой подход показала, что концепция эта зиждется на формальных критериях и не позволяет классифицировать целый ряд языковых явлений. Главное же – остается открытым вопрос: является ли субъективно-модальное высказывание совершенно субъективным, или в нем сохраняется и объективная часть отражаемого участка действительности.

Сравните, например: *Возможно, в 1998 году деньги были переведены за границу* (Автор предполагает, что деньги были переведены за границу) и *Возможно, деньги были переведены за границу в 1998 году* (Автор утверждает, что деньги были переведены за границу, и предполагает, что это было в 1998 году). Вслед за В.В.Виноградовым отметим полипредикативность второго предложения, которая создается отнесением модального слова не ко всему предложению, а только к обстоятельству времени. Добавочная пропозиция возникает в предложении не вследствие «модальной деформации или транспозиции, а в связи с особой самостоятельностью конкретизатора времени «в 1998 году», который семантически дистанцирован от глагола-предиката. Основа предложения с обстоятельством места воспринимается как тема, а модальное вводное слово и обстоятельство времени – как рема.

Вторая точка зрения [Ломов 1977] дробит модальные полюса «объективная-субъективная», пересматривая их объем. Объективная модальность специфицируется как реальная, гипотетическая, волюнтаривная и выражается тремя соответствующими формами наклонения. Субъективная модальность имеет такие формы существования, как вероятность, предположение, неизбежность, категоричность, выражаемые соответствующими группами модальных вводных слов. Кроме того, во втором толковании модальности особо выделяется еще один вид модальности – субъектная модальность: а) возможности, б) необходимости или долженствования, в) желательности, -которая реализуется модальными словами – предикатами (может,

должен, желает, нужно, необходимо). Вводится понятие нулевой модальности. К периферийной модальности относится категория утверждения – отрицания.

В этой концепции введение в объем понятия модальности так называемой «субъектной модальности» и выделение разновидностей объективной и субъективной модальности обусловлено ориентацией на модальные формы в языке « при молчаливом признании того, что план содержания и план выражения соотносятся однозначно, то есть оба плана симметричны» [Фефилов 1991]. В основу этой классификации положено не только отношение говорящего субъекта к действительности, но и отношение субъекта действия к действию. Отсюда объективной считается и субъективная модальность отражаемой действительности, ибо говорящему субъекту приходится прибегать и к объективной передаче субъективных отношений. Таким образом, в данном подходе последовательно сужаются рамки субъективной модальности и расширяются рамки объективной. Формы объективной модальности соотносятся как с объективными, так и субъективными актами: мнение, оценка тоже объективны. Но с чем тогда соотносится субъективная модальность? Каким образом отражается «субъектная модальность», имеющая под собой основу «непосредственной реальности», и как велико участие субъекта в ее языковой передаче?

Формоцентрический характер описываемого направления в толковании модальности делает эти вопросы неразрешимыми. Постоянство отношений между планом выражения и планом содержания не подвергается сомнению, исключается творческий или утилитарный подход прагматического субъекта к отражению действительности в речевом акте. О возможности же такого несовпадения свидетельствуют модальные транспозиции: *Если бы выделенные деньги пошли действительно на ремонт отопительных труб!* В форме сослагательного наклонения выражается сообщение о событии – нецелевом использовании средств (деньги пошли не на ремонт отопительных труб).

Третья позиция в толковании модальности отвергает ее разделение на объективную и субъективную и унифицирует модальность до объективно-относительной категории. Отношение говорящего к действительности представляется «типизированным, объективированным средствами самого языка: «С точки зрения семиологической грамматики модальность по содержанию не является ни субъективной, ни объективной категорией, она является категорией объективно-относительной. Модальность есть представление действительности с точки зрения субъекта речи – «Я» говорящего, но с точки зрения типизированной,

объективированной «раз и навсегда» – для данного состояния языка – средствами самого языка» [Степанов 1981, с.241-242]. Это направление хотя и признает известную условность экстралингвистической функции языковых форм, еще теснее с ними связано. Этот подход полностью исключает из аппарата определения модальности прагматический критерий (говорящего субъекта) на том основании, что « в сфере прагматики знаковая «произвольность» в некотором смысле достигает максимума» [Степанов 1981, с.244]. Недоверие к прагматическому компоненту в структуре высказывания объясняется, по-видимому, невозможностью верификации высказывания, т.е. его проверки на истинность и ложность. Эта точка зрения исходит, как известно, от [Фреге 1977] и [Карнапа 1959] и интерпретируется следующим образом: «предложение-высказывание так связано с ситуацией, что либо истинно по отношению к ней, либо ложно» [Степанов 1981, с.25]. Таким образом, модальность, «очищенная от произвола грамматики» [Фефилов 1991, с.66], приобретает в конечном счете свой языковой грамматический вид. При таком понимании модальности говорящий субъект ставится в зависимую от языковой формы позицию и его возможности видения и описания мира ограничиваются возможностями грамматической категории, с чем, конечно, трудно согласиться.

Наиболее логичным представляется нам взгляд на модальность А.И.Фефилова, дифференцирующего понятия: содержание действительности, неязыковая репрезентация, намерение субъекта, переводящего в языковую форму понятийно – мыслительный образ действительности. Любое высказывание понимается «не только как комплексный знак действительности, согласно билатеральной природе языковых единиц, но и как знак прагматического субъекта, или автора высказывания, т.е. знак, сигнализирующий интенциональные и эмоциональные особенности именуемого и предизирующего субъекта говорения. При этом высказывание является знаком действительности и знаком прагматического субъекта одновременно» [Фефилов 1991, с.67]. В соответствии с таким подходом коммуникативно-пропозициональное содержание высказывания формируется в противоречии и единстве двух его компонентов – семантического (отраженного в сознании и селектированного для языкового оформления содержания действительности) и прагматического (интенции, или авторского намерения, и способа языковой репрезентации неязыкового содержания).

Автор концепции видит относительность грамматической категории модальности не в субъективности или объективности обозначаемой действительности,

не в субъективности или объективности языковых форм, а в субъективности или объективности способа выражения, представления действительности, то есть в неадекватности или адекватности языкового и неязыкового уровней. Наиболее ценным для нас в свете поиска соотношения модальных категорий и категорий фактуальности и оценочности (по сути тоже модальных) является утверждение: «Отношение автора высказывания к действительности в пределах модального способа обозначения этой действительности выражается с помощью модальных языковых средств – модальных слов, грамматических форм наклонения и др. Однако, независимо от модальных лексических и грамматических маркеров, это отношение может иметь как объективный, так и субъективный характер. Говорящий может придавать своему высказыванию как субъективную, так и объективную языковую форму, вкладывая в нее как объективное, так и субъективное содержание» [Фефилов 1991, с.67].

Говорящий является автором как объективного, так и субъективного компонентов высказывания. Если реципиент речи не может сам верифицировать информацию, он принимает ее как достоверную. В этом и заключается объективирующая функция языка, когда объективное и субъективное положение дел представляется в языке как нечто истинное, реально существующее в объективной действительности.

Так, рассмотрим реализацию модальности в высказывании: «*Губернатор довел город до нищеты*». Что в нем объективно, а что субъективно? И к какой категории – оценочной или фактуальной – его отнести. При всем разнообразии взглядов на модальность, в юрислингвистике как новом межпредметном направлении, на уровне теоретических и практических изысканий явно представлена только формоцентрическая теория модальности.

Если следовать формальным теориям модальности, то выражение имеет форму изъявительного наклонения и не содержит маркеров субъективного отношения. Означает ли это, что перед нами событийное суждение? И, следовательно, его можно опровергнуть или доказать?

Рассмотрим содержательную сущность предложения. Оно включает два блока информации, связанных с предикативной основой: город доведен до нищеты, сделал это губернатор. Какой уровень благосостояния города можно назвать нищетой? Ни в одном словаре не названы критерии нищеты и богатства, то есть оценка материального положения города журналистом имеет явно субъективный характер, она не подлежит

проверке на предмет соответствия действительности, поскольку отсутствуют критерии такой проверки.

Насколько объективно, то есть для нас событийно, проверяемо утверждение о виновности губернатора в сложившейся негативной ситуации? Согласитесь, что практически непроверяемо. И не по находящимся вне компетенции лингвиста причинам, а именно по языковым, семантико-стилистическим.

Рассмотрим семантику слова *довел* (довел до нищеты, довел до истерики, довел до разорения, довел до инфаркта). Его коннотативное значение сводится к обвинительной оценочности: *виноват*. Денотативное же значение максимально ослаблено: совершил ряд действий или, напротив, не совершал действий. И так, виноват, но по какой причине? В самом слове ответ на этот вопрос не заложен. Так что проверять на соответствие действительности нечего, так как слово «довести» является оценочным, в нем коннотативная информация поглощает денотат, максимально абстрактный и очень слабо соотесенный с реалиями действительности. Признание рассматриваемого суждения фактуальным привело к дискуссии в стенах суда, в ходе которой ответчик приводил доказательства нищенского положения города и виновности в этом губернатора, а истец доказывал обратное. Решение такого разбирательства не может быть объективным, поскольку сущность обсуждаемого высказывания субъективна. Это вывод, сделанный журналистом из ряда известных ему фактов. В статье они, естественно, приводятся. В таких случаях оспариваются не конкретные сведения, имеющие привязку к месту, времени, количеству, а сделанный на их основе вывод. Вывод может быть логичным или нелогичным, убедительным или неубедительным, рекламным или антирекламным, но он является результатом субъективного анализа ситуации, и его следует не опровергать в результате судебного процесса, а оспаривать в печати в порядке полемики.

Рассмотрим еще один текст, сложная модальность которого определяет сложность определения информационной природы сведений.

«Он боролся с мэром Вячеславом Тарасовым. Причем наблюдатели еще тогда высчитали, кто является вдохновителем – идейным и материальным – его бурной околопрокурорской деятельности. Замгенпрокурора Юрий Золотов, прибывший с проверкой работы горпрокуратуры (после чего прокуратура была расформирована), назвал это политикой. Но можно назвать это и бизнесом».

Перед нами вновь не сообщение о конкретном поступке, совершение которого в определенный момент времени и места может быть доказан или опровергнут, а

авторская характеристика целого ряда неназванных действий. Такую характеристику невозможно ни проверить, ни опровергнуть, так как она является результатом индивидуального восприятия. Истец косвенно подтверждает оценочный характер суждения в тексте искового заявления: «Честное служение в органах прокуратуры **не может быть названо** «борьбой с мэром» и «околопрокурорской деятельностью». То есть несогласие истца связано не с категорией «было – не было», а с категорией «как это назвать». А это, без сомнения, сфера оценочности, а не фактуальности.

Рассмотрим еще один информационный конфликт, правовое разрешение которого невозможно без определения информационной природы. Истец просит Арбитражный суд, руководствуясь п.7 ст.152 ГК РФ, признать не соответствующими действительности, порочащими деловую репутацию муниципального образования г.Челябинск следующие сведения: *«В последнее время городскую власть Челябинска потрясает череда скандалов».*

Сведения, указанные в исковом заявлении, ответчик порочащими не признает и просит отказать Арбитражный суд в иске. Позиция ответчика представляется нам обоснованной по следующим причинам.

Во-первых, любую фразу необходимо рассматривать в контексте всей статьи и в дискурсе, только в таком случае возможно ее адекватное восприятие. Вся публикация представляет собой отклик на передачу «Отдел X», посвященную проблеме коррупции в Челябинске. Всем ходом повествования редакция однозначно указывает на то, что вся фактическая информация взята именно из этого источника, и предлагает читателям задуматься над ней.

Во-вторых, необходимо учитывать разницу между сведением, указывающим на конкретное событие, и сведением – мнением, это событие анализирующим и оценивающим. Сведения первой группы могут соответствовать или не соответствовать действительности, что доказывается в судебном порядке, и при несоответствии действительности они считаются порочащими. Сведения второй группы не могут быть порочащими в принципе, т.к. любой гражданин и редакция газеты имеют право высказывать свое мнение по любому поводу, в том числе имеет право критиковать власть.

Основываясь на сказанном, докажем отсутствие каких-либо оснований для возбуждения иска по названной фразе.

«В последнее время городскую власть Челябинска потрясает череда скандалов». Реальным является факт показа по ТВ сенсационного фильма, столь же

реален широко освещенный прессой факт судебного разбирательства по поводу строительства рядом со школой коммерческого центра. А вот оценки этих фактов могут быть различными. Редакция считает, что эти события, имеющие отношение к городской власти Челябинска, можно назвать скандалами. В самом значении слова «скандал» заложена субъективная оценка события. То, что одному кажется незначительным, другой воспринимает как скандал. *Потрясать* – приводить в волнение, удивлять. Это слово отражает внутреннюю психическую реакцию на какие-либо события. Редакция считает, что происходящее «потрясает», а истец с этим не согласен.

Предметом спора является не событие, а выражение оценки события, это мнение редакции. С ним можно соглашаться или не соглашаться, но такова позиция редакции.

Статья действительно выражает негативное отношение к Челябинской городской власти, что соответствует принципам гласности и называется критикой, однако выражение такого негативного отношения неправомерно считать порочащими сведениями, т.к. это выражение мнения, основанного на информации, полученной от другого источника.

Рассмотрим еще ряд сведений, информационная природа которых оспаривалась в ходе судебного процесса.

«В головлевской газете «Акционер», редактируемой Галкиным, вышел клеветнический материал в отношении журналистов Писановых, которые якобы ни за что обижают энергетиков. Заметка была подписана Щапиным. Как поведал мне в телефонном разговоре сам Николай Михайлович, он увидел этот пасквиль только в газете».

Истец Г.Галкин считает сообщенные сведения не соответствующими действительности, поскольку он как редактор, по его словам, никогда не приписывал текст какому-либо лицу без его ведома. Истец настаивает на признании сведений порочащими, если ответчик не докажет соответствие действительности распространенных сведений. Ответчик же считает, что распространенная информация и не должна доказываться, поскольку это выражение мнения журналиста. Оценочной является характеристика материала как клеветнического, слово «пасквиль» также выражает отношение. В приведенном случае наблюдается явная неадекватная эксплуатация лингвистических категорий.

Естественно, что практически любой отрезок текста содержит и фактуальные, и оценочные элементы информации. Важно разобраться, в чем заключается событийная сущность сообщения, а в чем – субъективная оценка.

Процитированный отрезок текста сообщает о поступке Г.Галкина, который является не только неэтичным, но и противозаконным. Приписать какому-либо лицу текст без его ведома означает нарушить неимущественные права этого лица и, следовательно, правовые нормы. Эта информация формирует негативное отношение читателей к Г.Галкину.

Сообщенные сведения являются *фактуальными*, то есть проверяемыми. Истец отрицает соответствие этих сведений действительности. Если автор публицистического текста докажет, что в газете «Акционер» был напечатан клеветнический материал о журналистах Писановых, фиктивно подписанный Щапиным, но реально ему не принадлежащий, то сообщение будет квалифицировано как соответствующее действительности. Если же обозначенные сведения доказаны не будут, их следует признать порочащими.

«И до этого возглавлял ряд газет, публикующих клеветнические материалы. Но, когда дело доходило до судебного разбирательства, газеты закрывались, Галкин оттуда увольнялся (чаще – просто уезжал в Москву к Головлеву)».

Информация о том, что Г.Галкин возглавлял газеты, публикующие клеветнические материалы, формирует негативное отношение к нему, усиливающееся сообщением об увольнениях перед судебным разбирательством. В исковом заявлении Г.Галкин отрицает соответствие этих сведений действительности. Будучи сообщениями о конкретных действиях в привязке ко времени и месту, эти сообщения являются фактуальными и могут быть проверены на предмет соответствия действительности. В случае доказанности автором текста они будут квалифицированы как критика, а в случае недоказанности – как порочащие сведения. Следует при этом учитывать, что отдельные блоки информации могут иметь различное отношение к действительности. Поэтому обозначим четко те положения, которые подлежат проверке:

а) возглавлял ли Г.Галкин газеты, публикации которых признавались клеветническими?

б) увольнялся ли Г.Галкин из этих газет, когда дело доходило до судебного разбирательства?

«Но буквально накануне суда Галкин и его «Акционер» исчезли, судебные повестки их не находили. А Николай Щапин был убит в подъезде. Дело до сих пор

лежит в суде Центрального района. Официальных заявлений о его закрытии не поступало. Так что г-н Галкин в любое время может дать пояснения суду о своих делишках тех лет. Но сегодня он пытается показать все в выгодном для него свете. Скажем, забывая об убийстве директора Челябинского ликеро-водочного завода Подшивалова, который был убит точно так же, как Шапин, – в подъезде, обрезком трубы по голове. Видя идентичность почерков в убийствах, наверное, справедливо говорить и о едином заказчике».

Владислав Писанов цепочкой своих рассуждений убеждает читателя в том, что Г.Галкин причастен к убийству Н.Шапина. Сущность этой причастности объяснена туманно, однако вполне понятно, что это видение ситуации журналистом, что это только его подозрения и предположения, поскольку не говорится, что Г.Галкин находится под следствием. Текст не является оценкой события, но и не является строго фактуальным утверждением. Приведенную информацию можно классифицировать как предположение о факте. Журналист приводит факты в таком порядке, так соотносит их, что формирует у читателя определенное мнение. Однако прямого и конкретного обвинения в тексте все же нет, читателю понятно, что правоохранными органами истец виновным не признан. Мнения не могут быть опровергнуты, но могут быть оспорены.

«Для сведения: по существующим типографским расценкам это обошлось ему примерно в четверть миллиона рублей... Такие деньги нынче имеют, думается, только наемные убийцы».

Усмотренная истцом параллель, безусловно, имеет место. Журналист явно сопоставляет Г.Галкина с наемными убийцами через сопоставление их доходов. Нанося явный вред репутации истца, этот стилистический прием с точки зрения научной является реализацией категорий оценочных, а не фактуальных. Сравнение – изобразительно-выразительный прием, носящий явную печать авторства. Субъективизм сравнения подчеркнут вводным словом «думается». Здравомыслящий читатель все же понимает, что это журналистский ход, а не обвинение в убийстве.

3.4. Виды фактуальной информации

Условно названные **фактуальными** сведения могут быть классифицированы.

Сведение может сообщать о конкретном поступке (или системе поступков), о ряде действий, и в таком случае логично характеризовать его как **событийное**. Обычно такое сведение выражено глаголом: *украл, убил, взял взятку, наехал*. В свою очередь событийная информация, передаваемая различными языковыми средствами, может обозначать действие однократное (украл, взял взятку, избил) и многократное (ворует, берет взятки, избивает), кратковременное (был пьян) и длительное (пьет), может обозначать действие (опоздал) и бездействие (не работает, не выполняет свои обязанности).

Наиболее сложными в соотношении с действительностью при информационной квалификации являются указания на действия (или бездействия), референциальная соотнесенность которых неоднопланова. Такие номинации, с одной стороны, имеют некую фактуальную основу, с другой стороны, эта основа состоит в свою очередь из ряда компонентов, каждый из которых требует доказательства. При этом сложность семной структуры слова как номинативной единицы будет зависеть от свойств денотата.

Так, что такое «не работает»? О некоем лице была распространена информация: «Он не работает, а только даром зарплату получает. Совершенно бесполезный в коллективе человек». Второе предложение отнесем к оценочным, но первое явно связано с реалиями действительности. Но что конкретно оно обозначает?

Предложим три возможных осмысления глагола-предиката: не работать –

- 1) не являться на работу;
- 2) находиться на рабочем месте, но не заниматься делом;
- 3) находиться на рабочем месте и заниматься делом, но не производить результата.

Попутно отметим, что глагол «работать» вне сочетания с отрицательной частицей не будет симметрично со знаком плюс реализовывать значений, антонимичных трем названным, что заставляет увидеть в «не» больше, чем зеркальное отражение без «не». В случае реализации первого значения номинация «не работал» выступает в максимально фактуальном качестве, обозначая конкретное, зримое, доказуемое документально или свидетельскими показаниями. В случае реализации второго значения фактуальность ослабевает. Существенным становится, что называется

работой в данном случае. Если это работа физическая (изготовить, покрасить, приклеить), ее выполнение – невыполнение более зримо, если же она интеллектуальная (учить, писать, считать, конструировать), то соотнесение с денотатом затрудняется. В третьем же значении неочевидность объективности номинации усиливается, возникает еще одно неизвестное – результат. Какие результаты обучения можно считать действительно результатом работы, а какие – результатом бездействия? Считать ли полученный в результате анализа отрицательный результат действительным показателем работы?

В результате приведенных рассуждений с очевидностью видим, что даже такой глагол, относимый традиционно к классу глаголов действия, связанный с вещным миром и явно не отвлеченный, при референции с конкретным денотатом может приобретать большую или меньшую степень конкретности/отвлеченности. Однако это не подрывает представления о том, что при выяснении ситуации примерное понимание меры объективности/субъективности номинации все же определится. Лингвист же не должен отказать слову в возможности быть соотнесенным с денотатом и, учитывая его основную и ведущую способность обозначать событийные реалии, с возможными объяснениями квалифицировать переданное им сообщение как фактуальное.

Информация может содержать какую-либо постоянную характеристику лица, и такое сведение можно назвать **описательным** (указание на чью-либо психическую болезнь, нетрадиционную сексуальную ориентацию). Обычно описательная информация выражается прилагательными: *дебильный, голубой*, – а также существительными: *дебил, гей*.

В случае характеристики лица именем существительным какое-либо лицо наделяется постоянным свойством, но свойство это является результатом совершенных действий: *вор, взяточник, мошенник*. Такие слова указывают на соответствующее номинациям поведение, на совершение конкретных поступков, соотносимых с этими обозначениями. При этом строго стилистически подобные лексемы не являются инвективными при прямом употреблении. Не их форма, а их содержание наносят ущерб чести и достоинству лица. Притом такие характеристики могут быть подвергнуты проверке, поскольку за лексемой стоит вполне конкретный смысл.

Именно проверяемость отличает описательные фактуальные характеристики от инвективных. Так, невозможно проверить достоверность характеристик: *подлец, негодяй*, – поскольку смысл их связан с нравственно-этическими оценками, имеющими социально, национально, исторически и личностно обусловленный характер. Поэтому

лексемы, дающие характеристику, обобщенно не соответствующую представлениям о чести и достоинстве (*мерзавец, ничтожество*), являются инвективными и, соответственно, оскорбительными, а лексемы, указывающие на конкретный порок, соответствующий или не соответствующий действительности по дефиниционным критериям, являются позорящими и, в случае недоказанности, порочащими.

Обе группы фактуальных сведений – событийные и описательные – объединены возможностью быть верифицированными и противопоставлены по этому признаку сведениям оценочным.

3.5. Виды нефактуальной информации

В ходе рассмотрения информационной природы сведений мы противопоставляли категории фактуальной оценочную, представленную как нечто целостное. Однако анализ разнообразных текстов показал, что интересующая нас категория гетерогенна по своей структуре и объединяет самые разнообразные формы реализации прагматического уровня текста: **отношение, оценка, мнение, прогноз, целеполагание, мотивация, итог, вывод, обобщение**. Ее название – «оценочная информация» – конечно же, условно, и объединяет целый ряд модальных реакций, рассмотрение которых обусловлено не только потребностью в классификации обобщенного явления, но и различным отношением к категории опорочения, от чего зависит исход процесса.

Универсальной формой отражения человеком окружающего мира и его отношения к нему является знак. В.В.Виноградов писал, что слово – «и знак мысли говорящего, и признак всех прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерение сообщения». Язык располагает богатыми возможностями для реализации авторского отношения, и первое место в этом ряду занимают единицы лексико-семантического уровня языка, в силу их наибольшей способности дифференцировать экспрессивные качества высказываний. Вспомним вновь слова Ш.Балли о том, что «не бывает ни абсолютно рассудочных, ни абсолютно эмоциональных речевых фактов...значение имеет только пропорция, в которой они представлены» [Балли 1961, с.188]. Согласимся с Чернейко Л.О., что «эта пропорция зависит от коммуникативной задачи, которую ставит перед собой говорящий: проинформировать собеседника или воздействовать на него, а задача диктует выбор языковых единиц», однако вызывает

сомнение тезис: «Языковые единицы, в отличие от реальных речевых фактов, где все решает пропорция, достаточно четко делятся в сознании говорящих на экспрессивные, способные выразить чувства и оценки, и нейтральные, сугубо номинативные, на уместные в любой речевой ситуации и ситуативно ограниченные» [Чернейко 1990].

К сожалению, участники речевого акта неидентично осуществляют эту дифференциацию, что и приводит к информационному конфликту. «Способность языка выступать в качестве кода обусловлена его когнитивно-аккумулятивным свойством. Когнитивно-аккумулятивное свойство языка – это «отражение, фиксация и сохранение в языковых единицах информации о постигнутой человеком действительности» [Верещагин, Костомаров 1980, с. 7]. Данное свойство является аккумулятивным в том смысле, что слово выступает в качестве накопителя информации. Знать слово, таким образом, означает владеть накопленной им информацией. «Говорящие знают слова, т.е. сведущи в а) семантике и референтных особенностях слова; б) синтактике, т.е. способах обращения со словом; в) прагматике» [Трипольская, 1999, с. 43].

Стилистически окрашенным словом говорящий выражает отношение к собеседнику, и/или к предмету высказывания, и/или к речевой ситуации (ее стилистике), и/или к себе. Исход судебного процесса зависит и от того, кого или что характеризует высказывание, и от того, как характеризует.

Итак, **оценочное** слово может оценивать какое-либо лицо (в нашем исследовании – истца), а может быть средством самореализации говорящего, или выполнять обе функции. Правовые последствия различных видов оценки диаметрально противоположны. Но каковы же средства их дифференциации? Естественно, сторона ответчика в любом случае утверждает, что оценочная лексема не направлена на умаление достоинства личности истца, а является авторской самохарактеристикой. Так, приобретшее широкую популярность дело Азиза – Сададьский было выиграно последним именно по причине признания судом лексемы «блядь» не оскорбительной характеристикой истца, а характерным для сниженной стилистики издания языковым средством, то есть, иными словами, средством самохарактеристики говорящего и печатного органа. Подробнее рассмотрим этот случай в разделе «Средства выражения оскорбления». Анализ конфликтных текстов показывает, что хотя в некоторых случаях контекст и позволяет рассмотреть лексему с пейоративной окраской как авторскую самохарактеристику, всегда сохраняется возможность восприятия высказывания реципиентами как негативной характеристики объекта суждения.

Категория **мнение** имеет два основных типа реализации, существенно различающихся и требующих различных форм правовой реакции, однако на данный момент не дифференцируемых в судебных процессах.

Внешне, на языковом уровне, оба типа сведений объединяются наличием вербальных показателей субъективности – указаний на источник информации. Обычно эту функцию выполняют вводные элементы (на мой взгляд, как мне кажется, по моему, по моему мнению) или неполные предложения, двусоставные и односоставные, с незамещенной позицией дополнения при глаголе мысли, восприятия, замещаемой либо придаточным изъяснительным, либо второй частью бессоюзного сложного предложения (*я думаю, что..., я считаю, я уверен, можно предположить, логично представить, понятно, что..., очевидно, что...*). Эти языковые показатели обычно и являются критерием дифференциации мнения.

Однако с точки зрения содержательной высказывания, содержащие маркер авторского субъективизма, неидентичны. Мнение может быть основано на фактах – событиях, достоверность которых доказана. В таком случае автор материала обычно сообщает фактуальные сведения, а потом (или параллельно с описанием) высказывает на основе их анализа свое мнение, которое может представлять собой положительную или отрицательную **оценку** описанных событий, **прогноз** событий, **целеполагание** (свое предположение о целях чьих-либо действий), **мотивацию** описанных действий, **итог, вывод, обобщение**. Все перечисленные модальные реакции являются частными проекциями субъективной интерпретации каких-либо фактов и по своей природе не могут быть проверены на предмет достоверности.

Челябинская городская администрация подала иск о признании не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию сведений: *«Программа доступного жилья в Челябинске **может** с треском провалиться. Виной всему не экономика, а пресловутый административный ресурс городской власти»*.

В двусоставном предложении в составе составного глагольного сказуемого в качестве вспомогательной части выступает глагол с модальным значением **может**. Модальные единицы языка выражают различные типы субъективного отношения говорящего к сообщаемому. Модальное слово **может** в данном случае выражает предположительность. Многие критерии квалификации высказывания как предположительного в сфере юрислингвистики находятся в стадии разработки, однако один критерий признается бесспорным – это наличие лексических маркеров

субъективной модальности. Прочитируем выдержки из «Памятки по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы» :

«Предположение – в отличие от утверждения содержит специальные маркеры – слова, выражающие неуверенность, сомнение, вероятность происхождения того или иного события, одну из ряда возможных версий (например, может быть, вероятно, как представляется, думается и т.п.) Предположение по сути является одной из форм выражения мнения, когда автор текста хочет подчеркнуть предварительный характер высказываемых доводов или собственную неуверенность в их достоверности» [Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы 2004, с.30].

Поскольку порочащими считаются « не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения...», то рассматриваемое сообщение, выраженное в форме предположения, не может рассматриваться как порочащее. Существенна также отнесенность высказывания с содержательной точки зрения к плану будущего, что исключает возможность проверки соответствия его действительности на момент распространения.

«Виной всему не экономика, а пресловутый административный ресурс городских властей» Фраза с семантико-стилистических позиций представляется далеко не идеальной, однако это вопрос профессионализма автора высказывания. В аспекте же процесса о защите деловой репутации она не представляется объектом верификации. Главным образом потому, что семантически и грамматически связана с суждением, проанализированным выше, имеющим предположительный характер. Как можно обсуждать причины того, что является предположением? Очевидно распространение субъективной модальности первого предложения на последующую информацию, связанную с ним. Во-вторых, суждение по смыслу является неким обобщением, выводом, а не сообщением о конкретных событиях и поступках. Конечно, информация имеет критическую по отношению к городской власти направленность, что не запрещено законом. Негативно оценивается реализация программы доступного жилья. Причиной повышения цен на жилье авторы программы считают «административный ресурс»..

Под административным ресурсом в контексте понимается управленческая деятельность (административный – связанный с управленческой деятельностью). То есть авторы программы видят причину несовершенной реализации жилищной программы в неэффективном управлении. Причины, как и мотивы, и побуждения, относятся к сфере практически недоказуемой, так как любое явление – результат

многих действий или бездействий, взаимосвязанных и взаимообусловленных. Обвинение городской власти в неэффективном управлении является классическим примером критики, подлежащей не опровержению, а оспариванию в порядке полемики. Кроме того, сообщение о неэффективной деятельности не подходит под категорию порочащих репутацию и по той причине, что не является утверждением о противоправных или аморальных поступках, как то следует из определения.

Приведенный пример демонстрирует одну из разновидностей первого типа «мнения» – обобщенного суждения, непроверяемого в силу основанности на целом ряде информационных блоков, каждый из которых соотносится с действительностью как достоверный, поскольку истцом не оспаривается. Истец требует признать порочащими выводы, что невозможно в силу субъективной природы любого вывода, обобщения.

Другой тип мнения (или псевдомнения) является **предположением о факте**, предположением о совершении какого-либо действия, о какой-либо реалии действительности. То есть по своей содержательной сути информация фактуальна, но при помощи специальных показателей субъективизма преподнесена как мнение. Например: *«Полагаю, разницу в сумме он положил себе в карман»*, *«Не исключено, что это X просто избавился от конкурента»*, *«Этот взрыв мог организовать и Никитин, решающий свои проблемы»*. С одной стороны, все приведенные суждения имеют маркеры субъективной модальности и на этом основании могут считаться мнениями. С другой стороны, такие мнения имеют событийную природу, то есть высказываемое положение может быть проверено, оно либо соответствует, либо не соответствует действительности. Нужно учитывать, что, несмотря на показатели авторского мнения, распространение подобного сообщения о совершении лицом противоправного или аморального поступка действительно наносит вред его репутации, и несравнимо больший, чем выражение авторского мнения первого типа.

К сожалению, на настоящий момент разница в характере сведений, объединенных показателями субъективной модальности, никак не учитывается. Такое положение вещей провоцирует журналистов на использование языковых маркеров авторства в целях манипуляции читательским сознанием. Любую негативную информацию о лице, часто заведомо ложную, не соответствующую уже известным и доказанным фактам, можно преподнести читателям в сопровождении модальных языковых элементов. Вне филологической компетенции находится вопрос о формах правовой реакции на подобную эксплуатацию языковых категорий, однако считаем

необходимым обратить внимание на такую форму реализации «мнения». Существенным при рассмотрении подобных суждений являются следующие моменты.

Во-первых, маркеры субъективной модальности могут выражать различную степень уверенности, и границы между предположением и утверждением весьма тонки и неочевидны.

Так, возьмем для примера высказывание *«Это по заказу Н. убрали А.»*. В такой формулировке, без показателей субъективной модальности, по природе своей событийное, сведение должно быть признано фактуальным, что повлечет за собой процедуру доказывания со стороны автора высказывания, в результате чего информация будет признана либо достоверной, либо недостоверной и, следовательно, порочащей.

Если же сообщение будет сопровождено указанием на авторский субъективизм, проявляющийся как предположение, фактуальное сведение переходит в разряд мнений: *«По-моему, это по заказу Н. убрали А.»*, *«Мне кажется, это по заказу Н. убрали А.»*, *« Считаю, что это по заказу Н. убрали А.»*.

Степень уверенности может усиливаться: *«Скорее всего, это по заказу Н. убрали А.»*, *«Очень и очень возможно, что это по заказу Н. убрали А.»*. Где та граница, за которой предположение переходит в утверждение? *«Считаю,...»*, *«Почти уверен,...»*, *«Уверен,...»*, *«Не сомневаюсь,...»*, *«Наверняка,...»*, *«Без сомнения,...»*, *«Бесспорно,...»*. В подобных случаях определение информационной природы сведения осложняется влиянием противоречивых факторов. С одной стороны, показатели субъективности суждения есть, то есть автор продемонстрировал признаки «мнения». С другой стороны, в соответствии с определением порочащих сведений, перед нами именно **«утверждения о совершении лицом противоправного поступка»**.

Степень уверенности говорящего в правдивости сообщаемого может выражаться и более противоречивыми средствами: *«Я думаю, на 100% верно, это по заказу Н. убрали А.»* Вводное предложение «я думаю» указывает на авторский субъективизм, а обособленная конструкция *«на 100% верно»* передает абсолютную уверенность. Не менее сложны для определения информационной природы высказывания: *«Я думаю, что это по заказу Н. убрали А., и тому есть масса доказательств»*, *«Наиболее вероятно, это по заказу Н. убрали А., и в это практически никто не сомневается»*.

Для естественной речи такая ситуация не противоречива: говорящий выражает мнение, и мнение это заключается в уверенности, что некое событие имело место в реальной действительности. Противоречиво такое высказывание как для судебного

разбирательства о защите чести, достоинства, деловой репутации, так и для лингвистической характеристики модальности как категории, соотносящей высказывание с действительностью и определяющей его позиционирование как субъективного или объективного. Отсутствуют четкие правовые указания относительно квалификации таких сведений, отсутствует и лингвистическая основа такой классификации.

В тексте ст.152 УК РФ критерием подведения под понятие «порочащих сведений» называется все-таки категория утверждения. Выработанная юрислингвистикой дифференциация сведений на фактуальные (событийные, описательные) и оценочные (мнения) заявлена в последнем Постановлении Верховного суда по этому вопросу, но не разработана на законодательном уровне.

Сама логико-содержательная природа таких сообщений фактуальна. Информация, которая может быть проверена конкретными способами (документально, опросом свидетелей), представляет собой сообщение о реалиях бытия и противопоставлена сообщениям интеллектуально-оценочным, непроверяемым, имеющим абстрактный денотат и неопределенную референциальную соотнесенность. Это первая и основная причина, по которой, на наш взгляд, следует относить описанные противоречивые высказывания к категории фактуальных сведений, рассматриваемых судом на предмет достоверности.

Вторая причина – реальный прагматический эффект такого типа распространенной информации. В данном случае мы апеллируем к тому самому понятию восприятия, о котором говорили ранее, имея в виду типовое, инвариантное в восприятии. Показатели высокой степени уверенности соответственно декодируются реципиентам, и в комплексе с фактуальной дескриптивной сущностью сообщения формируют представление о событии как имевшем место в действительности, что неизбежно влияет на отношение к истцу.

В отличие от случаев выражения мнения как оценки, отношения, вывода, прогноза, мотивации, негатив которых исключительно субъективен, и защитить от которого истца невозможно, поскольку истина в сфере оценок неverifiedируема, в случаях выражения мнения о самом факте совершения поступка суд имеет возможность установить соответствие или несоответствие распространенных сведений действительности, защитив таким образом нематериальные блага истца. То есть событийный характер денотата сообщения является существенным доводом в пользу его рассмотрения судом.

С категорией «мнение» связана еще одна проблема. Показатели субъективной модальности, которые воспринимаются многими журналистами как средство ухода от правовой ответственности, могут относиться не ко всему высказыванию, в частности не к собственно позорящим элементам смысла, а к другим составляющим семантики высказывания. Так, в предложении *«Возможно, в 1998 году он начал строить свою дачу на деньги от полученной гигантской взятки»* вводное слово со значением определенной степени уверенности относится ко всей информации, что позволяет говорить о предположительном характере позорящего сообщения. Незначительные трансформации лексического состава кардинально меняют соотношение объективного и субъективного начал в распространенном сообщении: *«Возможно, уже в 1998 году он начал строить свою дачу на деньги от полученной гигантской взятки»*. Актуализация обстоятельства времени «в 1998 году» при помощи частицы «уже» семантически отделяет этот член предложения от всей остальной части предложения и делает вводное слово модальной характеристикой только обстоятельственной части, сужает его полномочия. Только часть предложения оказывается субъективирована, сообщение же о совершении лицом противоправного поступка оказывается преподнесенным как объективно существующее, доказанное. В последнем случае следует говорить о позорящем утверждении.

3.6. Ссылка на источник информации

Информация, очерняющая частное лицо или предприятие, нередко сопровождается ссылкой на источник информации. Как справедливо пишет в В.И.Жельвис, « журналист упорно ищет обходные пути, стремясь выдвинуть против своей «жертвы» как можно более резкие обвинения и в то же время самому избежать судебного преследования.

Как показывает опыт изучения соответствующих газетных материалов, в качестве одного из таких обходных путей журналистами выбирается ссылка на анонимные источники. Анонимность в данном случае может играть роль авторского псевдонима, а может просто служить удобным стилистическим приемом.

Как известно, русский язык обладает широкими возможностями для представления того или иного высказывания в неопределенном виде, когда субъект

высказывания обозначается туманно: «говорят», «ходят слухи», «возможно, что...», «некоторые люди считают» и т.п. Именно эти обороты и избираются порой авторами обличительных статей» [:Жельвис 2004 ,с.144].

В.Н. Шашкова, дифференцируя высказывания на основании их коммуникативно-прагматической роли в дискурсе, выделяет «констатацию общих истин и общеизвестных фактов». Для нас это прагматическое объединение представляется чрезвычайно важным по той причине, что именно такая модальная форма распространения порочащих сведений частотна и представляет разработанную манипулятивную модель ухода от ответственности.

Наряду с констатацией-сообщением, не связанным с источником информации, исследователь выделяет «констатацию-сообщение результатов обобщающей и анализирующей мыслительной деятельности». Автор, не ориентированный на применение разрабатываемой теории в юрислингвистической практике, отражает в своих научных положениях естественное восприятие определенного типа конструкций носителями языка. Пример, демонстрирующий «констатацию-сообщение», воплощает типичную конфликтную модель: *«По ряду оценок, экспорт российской рабочей силы в настоящее время может быть в 5 раз выгоднее экспорта других товаров...»*. Указание на некие (возможно, реально существующие, возможно, выдуманные) источники информации типа *«по мнению специалистов»*, *«по сообщению некоторых источников»*, *« как считают в окружении X»*, даже *«по слухам»* снимают, по мнению автора материала, с него ответственность и придают сообщению характер мнения. Мы же солидаризируемся в своих выводах с В.А. Шашковой в том, что «указание авторства точки зрения или источника информации выступает в качестве эксплицитного маркера уверенности речевого субъекта в существовании констатируемого мнения», следовательно, само мнение это преподносится как реальность, как факт, значит, само сообщение о наличии этой позиции является фактуальным и должно быть доказано.

Дело юристов – определить, кто должен осуществлять процедуру доказывания. С лингвистической позиции можно лишь с уверенностью сказать, что высказывания, сопровождаемые отсылкой к «авторитетам», апелляцией к некоему компетентному мнению, воспринимаются как констатация. Пожалуй, оценка маркеров со значением указания на источник информации как показателей «категорической достоверности» [Шашкова 2006, с.22] представляется несколько гиперболизированной, однако она достаточно адекватно, на наш взгляд, отражает реалии сложившегося языкового опыта восприятия.

Во избежание непонимания уточним, что не считаем рассматриваемую конструкцию с указанием на источник информации в любом случае фактуальной и нуждающейся в доказательстве. Рассматривая категории фактуальности/оценочности, мы исходим из глубинной, логически-содержательной сущности сообщения. Утверждаем лишь, что ссылка на некие источники не переводит информацию в разряд мнений, а переадресует ответственность за ее содержание. Если источник информации конкретный и реальный, он имеет возможность доказать достоверность распространенной информации, если же источник автором материала не представлен, возможно, мы имеем дело с манипуляцией читательским сознанием. В любом случае, независимо от ссылки, сообщение о факте остается сообщением о факте по своей содержательной сути.

Так, например, про некую фирму была распространена информация: *«По мнению специалистов, ООО РСТ имеет многомиллионный долг и дни его сочтены»*. Для предприятия такая информация влечет за собой не только подрыв деловой репутации, но и материальный ущерб в виде незаключенных или разорванных договоров и возможных невложений. Предприятие подает в суд, предоставляет документы, подтверждающие отсутствие долгов. Но оно будет лишено возможности опубликовать опровержение и получить возмещение ущерба, если лингвист в своем заключении охарактеризует высказывание как «мнение», основываясь на манипулятивной формулировке, содержащей отсылку ко «мнению». Событийная сущность информации, конкретность ее денотативной части вступает в противоречие с показателями субъективной модальности: с содержательной точки зрения благодаря ссылке на «специалистов» читателям передается уверенность в наличии факта, с формальной же точки зрения употреблено слово «мнение», призванное придать высказыванию статус субъективного и оградить от судебного иска.

Настоящее исследование привело к глубокому убеждению, что все лингвистические категории и характеристики должны быть связаны с реалиями действительности, сложность состоит в том, чтобы установить тип и характер этих взаимоотношений. Если научный вывод лингвиста противоречит реальному восприятию типичного носителя языка, значит, вывод этот искусственный, казуистичный. Не спорим, вопросов очень много, в частности: кто есть типичный носитель языка? Очевидно, что лингвист неизбежно обращается и к своему личному языковому опыту и языковому чутью. Мы не предлагаем действовать интуитивистски, мы предлагаем использовать научную теорию, но теснейшим образом связывать ее с

реальным представлением о ситуации. Именно поэтому, рассматривая теоретическое положение, мы демонстрируем его практический выход на практику, возможные последствия того или иного решения.

Вернемся же к предложению *«По мнению специалистов, ООО РСТ имеет многомиллионный долг и дни его сочтены»*. Рассмотрение логической структуры пропозициональной части высказывания, семантика слова «долг» в контексте предложения с учетом пресуппозитивных знаний об экономической деятельности современного предприятия позволяют утверждать, что наличие/отсутствие долга – вполне конкретное явление. Долг либо есть, либо его нет, что вполне подтверждается документально. По своей логической природе сведение фактуально, а присоединение маркера мнения является манипулятивным приемом дискредитации с уходом от ответственности. Такое сочетание фактуальной сущности информации с маркером субъективизма логично назвать «мнением о факте», но не мнением как логико-содержательной категорией.

Совершенно другая ситуация: *«По мнению специалистов, политика компании ориентирована на краткосрочные кредиты и не даст ей полноценно развиваться, а рано или поздно приведет к краху»*. Такая информация тоже может нанести вред репутации компании, но она по своей логико-содержательной сути представляет собой анализ, результат размышления над темой, что является классическим выражением мнения. Глаголы в форме будущего времени не определяют, но поддерживают общую оценочно-предположительную, прогнозирующую сущность высказывания. Критерий отнесения к категории мнений – не слово «мнение» и не грамматическая форма глагола, а абстрактная сущность понятий «развитие», «крах», отражающих субъективность, а потому непроверяемость суждения.

Таким образом, ссылка на неназванный источник не определяет информационной природы распространенной информации по логико-содержательной сути.

К аналайчному выводу приходит В.И.Жельвис, предлагая называть такую форму подачи информации сплетней и не выводить такие тексты из сферы правовой ответственности. Примеры, приводимые автором статьи, являются классической реализацией дискредитации с ссылкой на неназванные источники. Говоря об объекте дискредитации – Ирине Г., журналист пишет, что многие ее сослуживцы отзываются о ней очень плохо (по его словам, они с ней до сих пор не здороваются, *«а кое-кто из них откровенно желает ей в жизни всего самого нехорошего»*), использует традиционную

языковую модель сплетни: «**Как поговаривают**, сотрудникам милиции все же удалось «подцепить на крючок» (...) Ирину Г.», вводит в текст неких неизвестных: «*есть и такие, кто считают, что «соединились далеко не самые лучшие человеческие качества: ложь, подлость, предательство»* [Жельвис 2004а].

Фактуальные по своей информационной природе сведения сопровождаются ссылкой на неназванный источник, с тем чтобы, во-первых, увести высказывание из сферы правовой ответственности, во-вторых, придать информации объективный характер. Информационная природа сведений определяется по гносеологической сущности, которая может вступать в противоречие с некоторыми вербальными показателями.

3.7. Дифференциация утверждения и предположения

3.7.1. Утверждение как семантико-прагматическая категория

Одним из ключевых понятий в процессах о защите чести и достоинства, а соответственно, и в юрислингвистике, является понятие утверждения.

В соответствии с правовыми документами, порочащими считаются «*не соответствующие действительности сведения, содержащие **утверждения** о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно – хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица»* (ст.152 ГК РФ).

Определяя наличие в конфликтном тексте порочащей информации, суд рассматривает, наряду с другими вопросами, вопрос о форме выражения сведений: является ли информация утверждением? Перед лингвистом – экспертом неизбежно встают вопросы: каковы критерии утверждения? каковы языковые формы реализации утверждения? какие формы выражения суждения противопоставлены утверждению и, в противовес ему, не могут реализовываться порочащие в юридическом смысле сведения? Ответы на поставленные вопросы далеко не очевидны. При разрешении вопроса о наличии- отсутствии в тексте **утверждения** о нарушении лицом правовых или моральных норм мы анализируем материал на предмет реализации в нем модальности достоверности – недостоверности. Декодируется ли информация читателями в массе

своей (по законам лингвистики нарратива) как достоверное сообщение об имеющих (имевших) место в действительности событиях или же как предположение, версия, мнение автора?

Модус достоверности имеет широкую гамму форм реализации (от допустимости через различные степени уверенности к подчеркнутому утверждению) и разнообразные средства выражения: эксплицитные (лексические и синтаксические) и имплицитные.

Потребность правовой системы определить принадлежность суждения к одной из двух противопоставленных категорий: утверждение о совершении поступка или мнение о поступке, предположение о совершении поступка – заставляет выработать комплексный подход к модальности утверждения, объединяющий формы и средства объективной и субъективной модальности в их новом прагматическом статусе.

Вполне логично противопоставить утверждению предположение. Языковыми маркерами предположения могут служить вводные элементы, выражающие сомнение, неуверенность, предположительность: *возможно, может быть, вероятно, как нам кажется, на наш взгляд*, др. Средства выражения предположения тождественны средствам выражения категории мнения. То есть предположение соотносится со мнением, не являющимся объектом судебного рассмотрения в силу своей субъективности, а утверждение – с сообщением о факте, подлежащем в ходе суда проверке на предмет соответствия действительности. Утверждение либо не содержит маркеров субъективной модальности, либо содержит слова, выражающие определенную степень уверенности: *несомненно, бесспорно, вне всяких сомнений*. Утверждение преподносит сведение как очевидный факт, свершившийся, доказанный.

Однако наличие/отсутствие средств субъективной модальности – только внешний, самый яркий критерий для выявления утверждения.

Формулировка *«утверждение о нарушении... законодательства, моральных принципов, о совершении...»* позволяет трактовать утверждение как сообщение, представленное как объективное, в противовес сообщению-суждению, представленному как субъективное. Ничто в законодательной формулировке не указывает на возможность рассмотрения «утверждения о ...» как указания на грамматическую форму утвердительного предложения. Законодатель умалчивает о возможных лингвистических средствах реализации «утверждения о...», предоставляя освоить эту практическую сферу воплощения лингвистам. Очевидно, что законодатель говорит об утверждении как о семантико-прагматической категории, которую неправомерно свести к рамкам «утвердительной формы», как это часто делается.

При таком подходе закономерно рассматривать модус утверждения как один из коррелянтов парных коррелятивных категорий, реализующих модальность действительности. Так, нередко при рассмотрении информационного конфликта формой реализации утверждения считают реальную модальность, противопоставляя нереальной как гаранту отсутствия утверждения. Аналогично противопоставляют утвердительную форму вопросительной.

Анализ конфликтных текстов показал неправомерность такого однолинейного подхода к модусу утверждения.

Уже [Пешковский 1956] рассматривает модальность как комплексную и многоаспектную категорию, активно взаимодействующую с системой других функционально-семантических категорий языка, тесно связанных с категориями прагматического уровня. Сегодня текстологические трактовки модальности наиболее актуальны: «Вопрос о категориальной сущности феномена «модальность» в социолингвистическом аспекте ...решается выведением проблемы за рамки предложения – в текст, и шире – в речевую ситуацию – и отнесения категории модальности к категориям, имеющим семиотическую природу» [Мещеряков 2001].

Казалось бы, формоцентрические представления о модальности почти забыты. Однако в интересующей нас сфере по объясненным нами ранее причинам возникла потребность в совершенно четкой дифференциации, которая не может быть дана в описательных характеристиках модальности, понимаемой как отношение автора текста к описываемому в самом общем смысле. В развиваемых сегодня представлениях о модальности отношение автора предстает как многоуровневая, сложная структура, отражающая эмотивный, прагматический, интенциональный компоненты высказывания. Безусловно, такой подход позволяет глубоко и тонко проанализировать текст, но в процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо ответить на вопрос: представлено сообщение как претендующее на объективность или как субъективное? Нельзя не признать, что этот вопрос также имеет прямое отношение к модальной характеристике, но в другом аспекте. В силу того что текстологические теории модальности не дают инструментария для разрешения этой проблемы, в рамках юрислингвистики активизировалось обращение к формоцентрической теории модальности, предлагающей парные коррелятивные категории.

3.7.2. Грамматические ограничители утверждения

На настоящий момент в юрислингвистике активно разрабатывается представление об утверждении как о категории, жестко обусловленной определенными грамматическими характеристиками предложения. Предлагая те или иные критерии, выдвигая в качестве классификационных большее или меньшее количество грамматических показателей, формально-грамматические представления об утверждении выражают немногочисленные базовые в юрислингвистике работы, имеющие всероссийскую известность и используемые в качестве основных ориентиров лингвистами-экспертами [Цена слова 2002, Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы 2004].

Приведем пример такой формоцентрической концепции [Губаева, Муратов, Пантелеев 2002], за исключением некоторых крайностей отражающей достаточно типичное отношение к исследуемой категории. Объективными лингвистическими критериями утверждения авторы концепции считают следующие характеристики высказывания:

1) Наличие в предложении двух главных членов:

«Предикативная связь отсутствует в односоставных предложениях, где вместо подлежащего и сказуемого есть только один главный член (Хочется быть первооткрывателем и оттеснить других). Не свойственна предикативность и вопросительным высказываниям, которые характеризуются целевой установкой на получение информации, но не сообщают о событиях и фактах (Может ли он что-нибудь писать без фальши? Не шарлатанство ли это?). Поскольку отсутствие предикативной связи не позволяет соотнести содержание высказывания с внеязыковой реальностью, постольку и высказывания, в которых нет предикативной связи, по своей языковой форме не допускают оценку в плане их соответствия или несоответствия действительности».

2) Реальная объективная модальность, жестко связанная с изъявительным наклонением глагола – сказуемого: *«Категория времени показывает, с каким моментом – настоящим, прошлым или будущим – связано действие (событие). Категория наклонения означает либо реальность данного действия, либо то, что его желательно, требуется или необходимо осуществить».*

3) Повествовательный характер предложения: *«Не свойственна предикативность и вопросительным высказываниям, которые характеризуются*

целевой установкой на получение информации, но не сообщают о событиях и фактах (Может ли он что-нибудь писать без фальши? Не шарлатанство ли это?)»).

4) «Описательный» характер суждения, противопоставленный оценочному: *«Описательные высказывания содержат сведения о фактах и событиях... К оценочным высказываниям относятся собственно оценки, аналитические высказывания. Показателями оценочных высказываний могут быть слова: по-видимому, впрочем, очевидно, таким образом, как видно и др. Пример оценочных высказываний – Просто удивительно, как он решился на очередной большой обман при сведущих людях»..*

Таким образом, переданная нами в общих чертах методика лингвистической экспертизы при рассмотрении судом дел о защите чести и достоинства предлагает рассматривать только те высказывания, которые удовлетворяют следующим лингвистическим критериям: имеют грамматическую форму повествовательного предложения (но не побудительного и не вопросительного), с предикативной связью между главными членами (только двусоставные); являются описательными высказываниями, не содержат маркеров субъективной модальности.

Как нам представляется, изложенные положения недостаточно убедительны, и их использование на практике не приведет к объективной квалификации суждения как утверждения.

Оттолкнемся в своих рассуждениях от самой цели определения формы высказывания: утвердительной или предположительной. Закон направлен как на защиту чести и достоинства лица, так и на защиту свободы слова журналиста. Свобода слова предполагает право любого лица выражать свою позицию по поводу тех или иных социальных и политических вопросов, высказывать отношение к явлениям и лицам, предлагать свои трактовки событий, прогнозы, выражать опасения. Эта свобода ограничена лишь рядом законов о разглашении государственной и частной тайны, о разжигании межнациональной розни и некоторыми др. Однако закон запрещает распространять о ком-либо сведения, не соответствующие действительности, способные повлечь формирование у реципиентов информации негативного отношения к лицу. Категория утверждения по сути коррелирует сообщением событийного характера, проверяемое на предмет достоверности, и мнение, оценку, такой проверке не подвергаемые. Неприятными для лица могут быть высказывания обоих типов, однако закон защищает его только в случае несправедливого обвинения в каких-либо неприемлемых с точки зрения общественной морали или закона поступков. Поэтому

важно установить, воспринимается ли носителями языка распространенная информация как мнение автора, с которым читатель волен согласиться или не согласиться, или как проверенное достоверное сообщение.

Установить усредненное массовое восприятие текста при помощи анкетирования в таких случаях не представляется возможным, хотя только этот способ позволил бы адекватно оценить реальный эффект речевого воздействия. Поэтому приходится прибегать к использованию уже выявленных языкознанием законов восприятия текста, разработанных теорией коммуникативного синтаксиса, теорией речевых актов.

Рассматривая интересующую нас проблему с позиций коммуникативного синтаксиса, мы вынуждены констатировать нетождественность понятия «утверждение» понятию «утвердительное предложение» (повествовательное). Как известно, предложения всех типов по цели высказывания могут содержать два коммуникативных элемента: тему (известное) и рему (новое). Тема и рема определяются по контексту, иногда тема вводится пресуппозитивно, как общеизвестная информация.

Принципиально важным является вопрос: существуют ли какие-либо грамматические ограничения для способности предложения выражать *«утверждение о...»*. Как показывает проведенный анализ лингвистических экспертиз и заключений, чрезвычайно распространено представление о целом комплексе таких ограничений. Анализ же конфликтных текстов заставляет нас вступить в дискуссию с представленной формоцентрической концепции, для чего предлагаем рассмотреть поочередно один за другим те грамматические ограничители, которые предлагаются для осуществления искомой дифференциации.

Вопросительная форма предложения

В рассматриваемом ракурсе прямое отношение к вопросу о характере модальности имеет вопрос о форме и сущности вопросительной формы предложения. Очевидно, что вопросительная форма не тождественна вопросительности как характеристике предложения по коммуникативной задаче. Исключительно грамматическое толкование вопросительности эксплуатируется адвокатами ответчиков и в некоторых случаях лингвистами-экспертами в судебных процессах: они доказывают, что вопросительное предложение в принципе не способно формировать утверждения. Так, процитируем отрывок из заключения лингвиста: *«высказывание построено как ряд риторических вопросов, поэтому **по определению** не может быть отнесено к разряду порочащих сведений, поскольку таковыми «являются сведения,*

содержащие утверждения о...» (д.ф.н. профессор Е.В. Харченко). Существенным представляется само базовое теоретическое положение, из которого исходит лингвист, считая, что априори, «*по определению*» ряд риторических вопросов не может содержать «утверждения о...» При таком подходе утверждение как категория гносеологически-прагматическая отождествляется с утвердительной формой как категорией грамматической.

Действительно, вопросительная форма является средством уведения суждения из зоны утверждения в зону предположения: *Или деньги кредиторов «проедены» голодной командой управляющего?* В данном случае вопросительная форма предложения формирует версию, вариант, к которому читателю предлагают склониться, но который очевидно не является утверждением о факте.

Но вопросительная форма предложения не исключает реализации им утверждения в гносеологическом и прагматическом аспектах. И это не только вопросительно-риторические конструкции: *Какое она имела право распространять доверенные ей по роду деятельности сведения?* (предложение утверждает распространение лицом сведений и выражает возмущение этим фактом), но и собственно вопросительные: *Куда же, дорогой, ты дел остальные 100 тыс. долларов?* По контексту понятно, что вопрос «*куда?*» для автора не праздный: далее он предлагает варианты ответа. Однако помимо вопроса-ремы *куда?* суждение содержит и тему-утверждение «*ты куда-то дел 100 тыс. долларов*».

В вопросительном предложении рема заключается в вопросительном слове с зависимыми элементами, остальная часть предложения представляет собой тему, констатирующую часть, которая является утверждением. В связи с этим представляется заблуждением утверждение о том, что вопросительное предложение не может ничего утверждать. Продемонстрируем «утвердительные возможности», то есть информативно-фактуальные, вопросительного предложения примерами:

Как распорядится наш герой украденными у фонда средствами? Помимо вопросительной части-ремы: *как распорядится?* – предложение содержит и утверждение-тему: *наш герой украл у фонда деньги*.

Может быть, он вновь, как это уже было, подпишет фальшивые документы? В предложении утверждается, что «он» когда-то подписал фальшивые документы.

Когда же наконец этот человек перестанет пренебрегать своими обязанностями и перестанет нарушать должностную инструкцию? Предложение

недвусмысленно сообщает читателю о нарушении лицом своих должностных обязанностей.

Что X делал у убитого в ночь трагедии? Предложение содержит утверждение о том, что X был у убитого в ночь убийства.

Во всех приведенных примерах рема – вопрос сочетается с темой – сообщением о событиях объективной действительности.

Приведенные примеры убедительно показывают, что вопросительное предложение может содержать утверждение о событии. Количество конфликтных вопросительных предложений стремительно увеличивается по мере распространения в среде журналистов мифа о неподсудности вопросительных предложений, в которые можно включить любую негативную информацию о лице.

Есть основания предполагать, что выражение утверждения о событии является константной возможностью частноинформативного вопроса. Скорее всего, верификативные вопросы способны на предположение о событии, но не способны на утверждение. Возможно, общеинформационные вопросы не способны выражать утверждение. Разрешение этих вопросов – одно из направлений дальнейшей разработки темы. На настоящий момент чрезвычайно важно опровергнуть один из наиболее порочных, на наш взгляд, мифов юрислингвистики о статусе вопросительных предложений.

Побудительное предложение

Менее распространены порочащие утверждения, включенные в структуру побудительного предложения, но важна сама принципиальная возможность такого оформления утверждения:

Постесняйтесь хотя бы на саморекламу тратить отобранные у детей деньги! Наряду с призывами к совести утверждается факт кражи денег у детей.

Посмотрите, как регулярно изымались средства из кармана акционеров! Есть смысл говорить о том, что главное предложение, определяющее побудительную интонацию и формальную характеристику всего предложения, является по сути формулой привлечения внимания, а собственно сообщение содержится в придаточном предложении, реализующем повествовательные возможности и совершенно однозначно информирующем о конкретном правонарушении.

Очевидно, что и побудительное предложение только в части ремы является призывом, пожеланием, а темой реализует утверждение.

Таким образом, считаем, что утверждение о событии может быть реализовано в форме всех типов предложения по цели высказывания: повествовательного, вопросительного и побудительного.

Форма наклонения

Оспорим также тезис о том, что порочащее утверждение жестко связано с грамматической категорией объективной модальности, выражаемой исключительно изъявительным наклонением.

Можно согласиться с тем, ключевую классификационную роль при определении информационной природы текста играет сложившееся в лингвистике соотнесение **реальной** объективной модальности, отражающей квалификацию говорящим высказывания как реального, с изъявительным наклонением, а **нереальной**, отражающей квалификацию говорящим высказывания как ирреального, – с условным и повелительным. Действительно, нереальная модальность предложения в большинстве случаев переводит суждение в разряд предположений.

Однако и нереальная объективная модальность предложения не препятствует выражению утверждения: *Если бы предназначенные кредиторам средства не осели в кармане конкурсного управляющего, долги были бы уже выплачены.* Наряду с предположением о возможном развитии событий, заключенном в главном предложении, в придаточном обстоятельном со значением условия высказывается сообщение о реально произошедшем: средства осели в кармане конкурсного управляющего.

Ограничение семантической категории утверждения формальными рамками изъявительного наклонения глагола-сказуемого представляется неубедительным и по той причине, что сообщение может содержаться и не в грамматической основе предложения.

Например: *Не голосуйте за человека, укравшего у города миллионы.* Сообщение порочащего характера, причем преподнесенное как очевидный, не подлежащий сомнению факт, содержится в обособленном определении, выраженном причастным оборотом. Повелительное наклонение глагола-сказуемого оформляет призыв, побуждение к действию, обоснованное автором высказывания утверждением о вполне определенном событии. *Если бы X воровал чуть меньше...* Сослагательное наклонение не препятствует выражению утверждения: X много ворует.

Форма будущего времени

Грамматическая теория модальности не учитывает экстралингвистических факторов. Так, форма будущего времени, как и само будущее вне его языкового осмысления, очевидно имеет иное отношение к действительности, чем прошедшее и настоящее. Объединенные формой наклонения как лингвистической категорией, три формы времени противопоставлены относительно реальности / ирреальности сообщения в свете модальности как категории прагматической. В конце XX- нач. XXI в.в. эта мысль высказывается все увереннее: «Будущее время не может не содержать оттенков ирреальности» [Мустайоки 2006]. Нельзя не признать, что с прагматических позиций суждение в форме будущего времени всегда прогноз, предположение и для автора суждения, и для реципиентов, а следовательно, должно квалифицироваться в судебной практике как мнение: *Такая политика «X» приведет нас к краху; Чиновники положат эти деньги в карман, а на субсидии ничего не останется.* В приведенных суждениях содержится не утверждение об уже свершившихся событиях, а авторский прогноз относительно их развития, имеющий право на существование, независимо от объективности. Подобная информация в силу своего прогнозирующего, а следовательно, субъективного характера не может быть проверена на предмет соответствия действительности, во всяком случае в момент возникновения.

Но и форма будущего времени не является гарантом отсутствия порочащего утверждения. Незначительное изменение ранее приведенного предложения – включение союза «и»- изменяет информационную природу суждения: *Чиновники положат в карман и эти деньги, а на субсидии ничего не останется.* Наряду с выражением мнения-прогноза автора относительно будущего, в предложении содержится имплицитное сообщение о неких других деньгах, уже положенных в карман, эксплицитно представленное только союзом *и*, устанавливающим связь этой ситуации с некой другой. Модальность субъективно-ирреально-предположительная и объективно-реально-утвердительная (о сложном взаимодействии этих категорий далее) сосуществуют в сообщении, одна- эксплицитно, другая- имплицитно.

В подтверждение выраженной позиции процитируем суждение А.И.Фефилова: «границы между модальными значениями объективности и субъективности довольно скрыты и в модально-нейтральных формах изъявительного наклонения. Нельзя считать универсальным вывод о том, что индикатив, отражая действительность, выражает «отношение к ней как к непосредственной реальности», ср.: *Она приедет* – не только «*Ожидается ее приезд. Прибытие относится к временному плану будущего*», но и

«Возможен ее приезд», «Возможно, ее прибытие произойдет в будущем» ... Даже форма изъявительного наклонения не имеет жесткой привязки к обозначаемой объективной и субъективной реальности и может использоваться говорящим в том и другом значении в зависимости от коммуникативного намерения» [Фефилов 1991]. Обратим внимание на тот факт, что многозначность иллюстрирует пример с глаголом в форме будущего времени.

Односоставное предложение

Несостоятельным представляется возникший в юрислингвистике тезис относительно невозможности выражения порочащего утверждения односоставным предложением [Губаева, Муратов, Пантелеев 2002]. Сторонники этого взгляда объясняют свою позицию достаточно смело с лингвистической точки зрения – отсутствием предикативности у односоставных предложений. Предикативность в таком случае соответственно понимается исключительно как синтаксическая связь между главными членами предложения.

В рамках нашего исследования не считаем нужным подробно рассматривать вопрос о наличии – отсутствии в односоставных предложениях предикативности. Представляется достаточно убедительно доказанным современной лингвистикой представление о том, что предикативность является неотъемлемой категорией любого законченного предложения (А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, Э.Бенвенист). Предикация не связывается в обязательном порядке с формальными признаками, которые носят вторичный характер. На это указывал Э.Бенвенист, с этим соглашается Академическая грамматика-1954г., когда констатирует, что «предикативность не всегда выражается в предикативной связи между частями и членами предложения. Предикативность может быть присуща предложению в целом и не вызывать его расчленения (например: Молчать! Жара! Светает.) Грамматическая структура таких предложений разнообразна. Такого рода нечленимые предложения могут состоять даже из одного слова или экспрессивного предложения» [Грамматика русского языка 1954, т.2, ч.2, с.87]. Как комментирует это видение предикативности В.А.Звегинцев, «все перечисляемые в Академической грамматике признаки предикативности как совокупности грамматической оформленности предложения отнюдь не обязательны, и предикативность фактически может возникнуть в почти любой языковой единице» [Звегинцев 1976, с.161].

Даже если подойти к предикации с чрезвычайно строгих позиций Академической грамматики 1970 года, наделяющей предикацию сугубо

грамматическими функциями, невозможно будет отказать односоставным предложениям в наличии предикативности. Структурные схемы односоставных предложений включены в число легитимных схем предложения даже этой, самой требовательной к статусу предложения, теорией.

Рассмотрение конкретных текстов на интуитивистском уровне, тоже не лишенное смысла, а возможно, и должно быть первичным по отношению к объясняющим это восприятие теориям, не оставляет сомнений в возможности односоставного предложения выразить сообщение о лице, в том числе порочащее: «*Середина рабочего дня. Кабинет мэра. На столе – бутылка коньяка. У двери – очередь*». Не вступая в дискуссию относительно статуса эллиптических предложений и понимая, что при незначительной трансформации аналогичный смысл мог быть выражен не эллиптическими, а односоставными номинативными предложениями, согласимся с очевидной мыслью, что порочащее сообщение было передано.

Односоставное предложение не содержит одного из главных членов потому, что не нуждается в нем, может выразить необходимый смысл самостоятельно, и предикативность в них выражается одним главным членом. Такой взгляд в современной лингвистике является общепринятым, и тем более необоснованным представляется предложение использовать в юридической практике чрезвычайно оригинальный взгляд на односоставные предложения как не обладающие предикативностью и потому не попадающие в сферу судебного рассмотрения. Это утверждение представляется необъективным.

Номинативные предложения подразумевают семантику бытийности: *Пять часов утра. Кабинет депутата. За столом – его секретарша. Что бы ей делать в такую рань в кресле босса?* Односоставные номинативные предложения предназначены для того, чтобы констатировать, утверждать, представлять информацию как достоверную. Вопросительное предложение предлагает читателю широкое поле для вариативного осмысления, и один из возможных смыслов (шпионаж) не способствуют улучшению репутации «секретарши», а другой – ее и ее начальника (интимная связь). Но если вопросительное предложение только активизирует читательское сознание и служит средством формирования намека, то собственно фактуальным и порочащим (в случае несоответствия действительности) является утверждение о самом событии (нахождении на рабочем месте начальника в нерабочее время), выраженное номинативными односоставными предложениями и эллиптическим предложением. Та же информация могла быть свернута и до вопросительного предложения: *Что делать*

секретарше в пять часов утра в кабинете депутата? Вопросительная форма не уничтожила событийной сущности сообщения, а только изменила его форму и, как следствие, стилистические оттенки.

Определенно-личные предложения указывают на лицо окончанием глагола. При различии в стилистике информативная структура определенно-личного односоставного предложения и двусоставного идентична: *Открываю новые факты* и *Я открываю новые факты*. Необоснованно утверждение о том, что двусоставное предложение содержит утверждение, а односоставное – нет.

Неопределенно-личное предложение, хотя и не указывает на конкретное лицо самим предикатом, может осуществлять такое указание второстепенным членом предложения, называющим семантический субъект: *В коллективе Галкину не подают руки*. Перед нами утверждение о конкретном явлении действительности, соотносимом с конкретным деятелем, и потому проверяемом.

Безличные предложения в массе своей выражают либо состояние, либо какую-либо модальную категорию: долженствования, желания. Однако важно признать, что семантический объем предложения превышает возможности предиката. Существенная информация может содержаться во второстепенных членах предложения: *Невозможно спокойно смотреть на нецелевое использование средств городского бюджета*. Наряду с выражением отношения, предложение содержит информацию, заложенную в описании объекта отношения. Дополнение – «нецелевое использование средств»-является утверждением о конкретных фактах, воспринимаемых читателем в качестве достоверных.

Таким образом, считаем, что односоставные предложения способны выражать утверждение по двум причинам:

1) отсутствие лексически выраженного второго главного члена предложения не исключает имплицитного указания на него;

2) семантика предложения может включать несколько информативных блоков, и порочащее утверждение может выражаться второстепенными членами предложения.

Посмотрим на проблему шире, чтобы решить принципиально важный в рамках нашего исследования вопрос: есть ли вообще какие-либо грамматические ограничения для текстового материала (во избежание терминологической путаницы употребим самый общий термин), чтобы мы могли отказать ему в возможности выражать сообщение? может ли быть такой ограничительной категорией предикативность в узком ее понимании?

Академическая грамматика-1970, руководствуясь ограничительными идеями Н.Хомского, имеет дело лишь с идеализированными грамматически правильными предложениями, не претендуя на полный охват коммуникативных единиц. В коммуникативном остатке, оказавшемся за пределами предложений, остается достаточно обширный круг высказываний: «Что касается высказываний, обусловленных непосредственно ситуацией, обстановкой речи или широким контекстом, то их виды бесконечно разнообразны. По существу, в этом случае любая словоформа, поддержанная интонацией, мимикой, жестом, может стать высказыванием. Изучение таких высказываний не имеет отношения к области синтаксиса простого предложения и принадлежит теории текста» [Академическая грамматика 1970, с.576].

Для нас же существенно, что даже если отказать интересующему нас в речевом конфликте высказыванию в статусе предложения, а соответственно, и в предикативности, и в отношении к синтаксису, и определить его принадлежность тексту, оно не перестанет выражать какой-то смысл, поскольку сохраняет функцию коммуникативной единицы, иначе по законам экономии речевых усилий оно не было бы произведено. Не можем не присоединиться к мнению В.А. Звегинцева по поводу определения предикативности Академической грамматикой-1970: «Наличие категории предикативности, т.е. выражаемого специальными грамматическими средствами нерасчленяемого значения объективной модальности и синтаксического времени, наряду с существованием своей собственной структурной схемы, является важнейшим признаком простого предложения как самостоятельной грамматической (синтаксической) категории» [Академическая грамматика 1970, с.542]. В.А. Звегинцев не без иронии отвергает столь грамматически избирательную концепцию: «По определению (пусть даже и некорректному), все прочие высказывания за вычетом предложений не обладают предикативностью или, иначе говоря, лишены грамматического значения. А если это так, то непонятно, каким образом они выполняют свои обязанности коммуникативных единиц, служат средством общения и даже ухитряются выразить законченные (или – пойдём на явные уступки – «относительно законченные») мысли» [Звегинцев 1976, с.165].

Но еще более концептуально высказывание исследователя, сформулированное в виде вопроса, но в общем контексте рассуждений дающее, на наш взгляд, и принципиальный ответ на поставленные ранее вопросы: «Что должна делать своим основанием грамматическая теория – всю совокупность *действительных* средств

осуществления общения посредством языка или же только некоторую его часть, отобранную на основе условно принимаемых признаков?» В.А.Звегицев явно стоит на первой позиции. Продолжая логику его рассуждений, добавим: что должно быть объектом смыслового, содержательного анализа теста – семантика всех значимых языковых единиц или только части, ограниченной некими формально-грамматическими признаками? И тоже остановимся на первом варианте ответа.

Маркеры субъективной модальности

Понятие оценочности в практике лингвистических экспертиз часто однозначно и прямолинейно связывают с маркерами субъективной модальности. Прочитируем вновь предложение, в котором, по мнению авторов концепции [Губаева, Муратов, Пантелеев 2002], отсутствует порочащее утверждение, которое в ходе суда можно было бы проверить на предмет соответствия действительности, поскольку все суждение, в соответствии с этой позицией, представляет собой мнение, не подлежащее судебному рассмотрению, на что указывает модальный элемент: *Просто удивительно, как он решился на очередной большой обман при сведущих людях*. В приведенном предложении оценка, отношение сочетаются с утверждением о поступке. Главное предложение – односоставное безличное – выражает возмущение автора, второе – придаточное изъяснительное – сообщает о причинах возмущения, притом причина эта преподносится читателям как очевидный, не требующий доказательств факт. Средства субъективной модальности, позволяющие читателю осознать, что информация об «очередном обмане» является предположением автора, отсутствует. Предложение прямо сообщает о том, что некто «он» в очередной раз кого – то обманул. Отнесение высказывания к категории мнений исключает возможность судебного разбирательства и, соответственно, выяснения справедливости распространенной информации. Важно признать, что не любое выражение отношения в предложении переводит суждение в разряд мнений, а только такое, которое недвусмысленно показывает реципиенту субъективный характер информации в ее событийной части.

Итак, проведенный анализ имел цель доказать, что юрислингвистическая категория **утверждения** имеет прагматическую природу, не тождественна понятию «утвердительная форма» и не ограничена ни рамками повествовательности как прагматической категорией предложения, ни рамками изъяснительного наклонения глагола – сказуемого, ни формой двусоставного предложения. К показателям субъективной модальности необходимо относиться избирательно и рассматривать в каждом конкретном случае их качественное содержание и отнесенность, что поможет

объективно установить наличие в тексте утверждения о совершении кем – либо порочащих поступков в противовес предположению о таковых.

Рассмотрим конфликтный текст на предмет наличия в нем утверждения:

«Возможно, акция Давыдова – это месть. Лично Сергей Викторович мстит Тарасову (либо – предполагаем- отрабатывает уже вложенные деньги) за то, что война с челябинским градоначальником закончилась не в его пользу»).Возможно, что даже сам экс-горпрокурор искренне считает, что он работает против ненавистного мэра и защищает, переводя стрелки , своих друзей. А может, и знает. И тогда это точно предательство».

В соответствии с правовыми документами, порочащими признаются «не соответствующие действительности сведения, содержащие **утверждения** о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов». Именно утверждения, а не предположения. На настоящий момент в лингво-правовой сфере актуальна проблема дифференциации утверждения и предположения. Многие положения еще находятся в стадии разработки, но один критерий предположительной семантики уже признается очевидным. Критерий этот – наличие в тексте маркеров субъективной модальности со значением различной степени уверенности: выражение предположения, сомнения. В анализируемом тексте таких элементов целых три: *«возможно»(два раза) и «предполагаем»*. Одно предложение формирует предположительность самим предикатом с соответствующим значением: *«А может, и знает»*. Этого более чем достаточно и для того, чтобы читатель воспринял информацию не как утверждение, а как предположение, и чтобы однозначно декодировал ее как мнение автора, что переводит сведение в разряд мнений, не подвергаемых проверке.

Не только внешнее оформление при помощи вводных слов со значением предположительности, но и само содержание информации, относящееся к сфере психологии – попытка объяснить чужие чувства и мотивировку поступков, – явное выражение авторского мнения.

Анализируемая статья содержит негативную оценку некоторых аспектов деятельности С.В.Давыдова, причем языковая форма выражения авторской позиции не оставляет у здравомыслящего читателя сомнений относительно их субъективной природы. Все предложенные к рассмотрению текстовые отрывки не связаны с конкретными событиями, достоверность которых могла бы быть доказана в судебном порядке, напротив, они относятся к категории мнений и непроверяемы по своей

природе. Их нельзя опровергнуть в силу субъективизма, но можно оспорить в порядке полемики.

Выводы по III главе

Дифференциация фактуальных и оценочных сведений – необходимый структурный компонент лингвистического судебного заключения по процессам о защите чести, достоинства и деловой репутации, определенный правовыми нормами. При осуществлении такой дифференциации необходимо учитывать комплексность реализации в языковых единицах номинативной и коннотативной составляющих, поэтому научно обоснованным является не разделение самих языковых единиц на фактуальные и оценочные (в правовом аспекте), номинативные и коннотативные, дескриптивные и недескриптивные (в лингвистическом аспекте), а выявление в рамках одних и тех же языковых единиц в результате семного, семантического и стилистического анализов событийной (объективной) и оценочно-экспрессивно-эмоциональной (субъективной) составляющих.

Востребованная дифференциация фактуального/оценочного обусловила обращение к лингвистическим категориям, характеризующим отношение высказывания к действительности. Истинность/ложность как гносеологические категории не могут быть установлены лингвистическими методами и в качестве лингвистических категорий имеют отношение только к форме преподнесения информации как объективной или субъективной. В этом аспекте возникает и новый взгляд на модальность реальности/ирреальности как на категорию, отражающую соотношение высказывания с действительностью с точки зрения прагматического субъекта: реальная модальность указывает на те компоненты смысла, которые утверждаются как фактуально имеющие место в реальной действительности, ирреальная модальность указывает на компоненты смысла, представленные как возможные, субъективные, предполагаемые, мыслимые – не имеющие места в реальной, вещной (!), предметно-событийной действительности.

Фактуальная информация реализуется в двух основных своих разновидностях: событийной и описательной. Нефактуальная информация реализуется в виде мнения, прогноза, вывода, обобщения. Ссылки на неназванный источник не меняют

информационной природы сведений. Показатели субъективной модальности могут вступать в противоречие с логико-прагматической природой информации.

Утверждение как юрислингвистическая категория имеет не формально-грамматическую, а семантико-прагматическую природу. Способность предложения выразить «утверждение о...» не ограничена никакими формальными показателями. Утверждение о событии может осуществляться и вопросительным предложением, и побудительным, и предложением с нереальной модальностью, с глаголом-предикатом в форме условного или повелительного наклонения, изъявительного в любой форме времени, односоставным предложением.

ГЛАВА IV. ИНВЕКТИВА КАК ПРАВОНАРУШЕНИЕ

4.1. Лингвистическая трактовка правового понятия «оскорбление»

В соответствии с текстом ст.130 УК РФ, «оскорбление – умаление чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме».

Рассмотрим существующие ныне представления о категории оскорбления, раскрывающие ее содержание.

С любой точки зрения – психолингвистической, прагматической, правовой, собственно лингвистической – мы имеем дело в ситуациях оскорбления / неоскорбления с неизмеряемыми величинами, что, конечно, накладывает особую ответственность и на лингвиста-эксперта, и на судью, поскольку требует глубинного понимания проблемы.

Психолингвистический аспект оскорбления

Прежде всего определим родовую группу явлений, к которой относится оскорбление, впишем его в систему рядоположенных. Оскорбление является одной из форм реализации более широкого явления – языковой агрессии. С эколлингвистических позиций языковая агрессия и языковое насилие (а также языковое манипулирование, языковая демагогия и т.п.) рассматриваются как формы речевого поведения, негативно воздействующие на коммуникативное взаимодействие людей, поскольку они направлены всегда на минимизацию и даже деструкцию языковой личности адресата, на его подчинение, манипулирование им в интересах автора высказывания.

В терминах экологической лингвистики уже получили наименования сложные явления лингво-коммуникативного уровня: «языковая (речевая, вербальная, словесная) агрессия», «языковое насилие» [Даньковский, 1995; Сковородников, 1996; Речевая агрессия, 1997; Шарифуллин, 1997, 2000, 2000а, 2004; Быкова, 1999; Булыгина, Стексова, 2000].

Определение речевой (языковой, вербальной) агрессии, данное в «Материалах к энциклопедическому словарю «Культура русской речи», приоритетно ориентировано на оскорбление: «Форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [Быкова, 1999, с. 96].

Исследователь проблем инвективы Шарифуллин предлагает: «Мне кажется, что настала действительно насущная необходимость ввести в правовое, а не только

лингвистическое пространство современной России понятия «языковая агрессия» и «языковое насилие», придав им закрепленный в соответствующих законодательных актах юридический характер. Этим самым довольно-таки неопределенное понятие «оскорбление», имеющее вроде бы статус правового термина, а на самом деле настолько расплывчатое, что манипулирование им в интересах конкурирующих в судебных процессах сторон очень часто приводит к юридическому «коллапсу», получило бы, как представляется, более определенное терминологическое обоснование. Мне кажется также, что установить факт языковой агрессии лингвистически будет более убедительно и доказательно, чем пытаться «полифонически» оперировать словом *оскорбление* в интересах той или иной стороны» [Шарифуллин 2004, 123].

Соглашаясь с постановкой проблемы, предположим, что дело не в термине, а в сложности его наполнения конкретным смыслом. Категории гуманитарного знания, будь то «оскорбление» или «языковая агрессия», в переводе на юридический язык должны быть представлены не только общими обширными описаниями, но конкретными категориями, наличие/отсутствие которых должно быть верифицируемо в свою очередь столь же конкретными методами.

В свете проблемы юридизации таких коммуникативно-культурологических категорий, как языковая агрессия, языковое насилие, не можем игнорировать вопрос об объеме и границах юридической ответственности за проявления какой-либо языковой неиндифферентности либо экспрессивности. Не будем забывать о том, что полностью исключить негативные коннотации из речи реально в той же мере, в какой исключить их из сознания людей и практики их общения. То, что может быть в теоретических работах лингвистов, вне конфликтного ракурса, вполне убедительно названо различными неправовыми категориями: критика или поношение, ирония или оскорбление, сатира или опорочение – в ракурсе судебного рассмотрения, предусматривающего гражданскую либо уголовную ответственность, вызывает неоднозначную оценку, что подтверждается различными взглядами лингвистов на одну проблему.

Языковое манипулирование, языковая агрессия, языковое насилие являются неотъемлемыми элементами речевой практики. Джордж Лакофф показал, что в академической дискуссии, считающейся идеалом рационального спора, в скрытой форме представлены практически все приемы «нечистоплотной» аргументации и словесной агрессии. Выражения типа *Несомненно, что...* и *Очевидно, что...* могут рассматриваться как запугивание (кто захочет признать, что не понимает очевидного?);

выражение *Сказать это означало бы впасть в известное заблуждение* – как угроза; ссылки наподобие *Фериллюгенхаймер 1954* – как обращение за защитой к авторитету; слова *Для того чтобы избежать позитивистских ошибок* – как отрицание авторитета; *Назовем такую теорию «узким» рационализмом* – как оскорбление; *В его вдохновляющей статье* – как лесть и т.д.

Поскольку мы руководствуемся целью обеспечить правовую систему неким лингвистическим руководством, то и отталкиваемся от реально существующих юридических норм и понятий, не избегая все же соблазна в некоторых случаях посотовать на несовершенство этой системы и предлагая некие направления и пути ее усовершенствования. Но, всегда имея в виду отправную точку, попытаемся соотнести категорию «оскорбление», как официальную, юридически закрепленную, с другими близким, смежными понятиями, и определить их объемы и зоны пересечения.

Соотнося родственные категории, мы вынуждены признать, что понятие языковой агрессии шире понятия оскорбления. Языковая агрессия воплощается и в такой форме, как угроза – намеренное психологическое воздействие на человека, вызывающее чувство страха, с целью добиться определенного результата.

При оскорблении одно лицо адресует другому негативный речевой посыл, направленный на его психологическую дестабилизацию. По психологическому результату оскорбление – нанесение удара по психике человека, речевое ранение, а возможно, и убийство. Сущность же этого удара для потерпевшего заключается, во-первых, в восприятии крайне негативной характеристики или отношения коммуниканта, во-вторых, в неспособности продолжать общение (защитить себя, вступить в спор) и разрешить конфликт, выведенный оскорбителем за границу нормальных, не табуированных форм и средств воплощения. Оскорбленный оказывается перед оскорбителем как крестьянин с вилами перед воином с огнестрельным оружием. В случае публичного оскорбления дополнительной причиной психологического дискомфорта является осознание прилюдного понижения в статусе.

Прагматический аспект

Оскорбление может быть интенционально запрограммировано и не запрограммировано. О ненамеренном оскорблении мы говорим в разделе о различии коммуникативных кодов. Целью намеренного (осмысленного) оскорбления является понижение коммуникативного статуса оппонента, выведение диалога (очного или заочного) за рамки принятых норм как декларация пренебрежения, презрения. При наличии свидетелей, в частности в СМИ, оскорбление преследует не в меньшей мере

цель понизить статус объекта оскорбления в глазах общественности. В последнем случае положение оскорбленного усугубляется невозможностью адекватной компенсирующей реакции в психологически релевантный промежуток времени.

Особой темой является невербальная реализация оскорбления, однако в силу отсутствия материала и юридической практики оставляем этот вопрос другим исследователям. Учитывая все же возможность невербального выражения оскорбления, определим его в психолого-прагматическом аспекте так:

Оскорбление – это знаковое (не физическое) воздействие на человека, осуществляющее его психологическую дестабилизацию путем понижения его личностного статуса.

Правовой аспект

«Языковое насилие можно рассматривать как форму психического деструктивного воздействия на личность адресата с помощью вербальных действий» [Шарифуллин 2004]. В понимании оскорбления как формы языковой агрессии уже заложена возможность рассматривать подобные явления и с позиции юрислингвистики, ибо при таких формах речевого поведения и коммуникативного взаимодействия всегда права личности адресата будут ущемлены и даже узурпированы автором высказывания. Юридический смысл выражает и само понятие «насилие», обозначающее в праве физическое или психическое воздействие одного человека на другого.

Статьей 130 УК РФ законодатель защищает лицо от языковой агрессии, проявляющейся в направлении на него речевого негатива, экспрессия которого способна причинить адресату агрессии вред (моральные страдания, способные повлиять на состояние здоровья). В праве сам факт речевого удара, как и других нематериальных форм, называется моральным вредом, а испытанный жертвой душевный дискомфорт в результате оскорбления называется моральным ущербом. Законодатель допускает недоказуемость наличия не только физических последствий, но и самих моральных страданий. Только в некоторых случаях пострадавший документально подтверждает возникновение или обострение заболевания в результате оскорбления. Значит, необходимо выявить саму гипотетическую возможность нанесения данными языковыми средствами морального ущерба лицу.

Правовая система нуждается в дифференциации многочисленных форм речевой агрессии на уголовно наказуемые и просто конфликтные. Так, формами языковой агрессии называют, вполне обоснованно, на наш взгляд, ответ вопросом на вопрос, наклеивание ярлыков, подмена понятий. Но может ли сам факт использования этих

манипулятивных приемов, пронизывающих всю речевую бытовую и журналистскую деятельность, служить основанием для попадания под юридическую, а в случае оскорбления под уголовную, ответственность?

Собственно лингвистический аспект

Собственно лингвистический аспект понятия *оскорбление* как правовой категории мы попытаемся раскрыть всей настоящей главой. Как реализуется оскорбление в речевой форме? каковы критерии оскорбления? конкретные средства выражения?

Коннотативная информация, частным случаем которой является оскорбление, по сравнению с денотативной имеет двусторонний характер. Денотативная информация – это информация об объекте. Она всегда референтна (т.е. имеет экстралингвистическую соотнесённость) и объективна. Коннотативная же информация, с одной стороны, выступает в качестве метаязыковой (о слове), так как это информация о том, «какое место занимают соответствующие единицы в общей системе языка» [Скребнев 1975, с. 20]. С другой стороны, «информация о месте языковых единиц в системе языка – это в то же время информация о правилах их употребления в коммуникации, т.е. в конечном счете – о говорящих, а именно: 1) характеристика самих **говорящих** через их отношение к предмету речи (объективная) и 2) обратно – характеристика окружающей их действительности (**предметов речи**) согласно отношению к ним говорящего (субъективная)» [Винокур 1980, с. 47].

Поэтому информацию, выражаемую инвективным словом в процессе коммуникации, можно разделить на информацию 1) **об объекте** (денотативная, оценочная, эмоциональная), 2) **о субъекте** (оценочная, эмоциональная, функционально-стилистическая), 3) **о слове** (метаязыковая: оценочная, эмоциональная, функционально-стилистическая). Данная информация варьируется по параметру объективности / субъективности в зависимости от взаимоотношений, в которые вступают объект, субъект и слово в ситуации общения [Саржина 2004, с.109].

Неидентичное понимание лингвистического воплощения оскорбления начинается уже с трактовки самого законодательного определения. Осуществим его грамматическое толкование.

Определение оскорбления, сформулированное в уголовном кодексе РФ, имеет грамматическую форму простого предложения, осложненного причастным оборотом, что определяет двукомпонентную структуру понятия «оскорбление»:

- 1) при оскорблении имеет место умаление чести и достоинства;

2) умаление чести и достоинства имеет неприличную форму выражения. Соответственно возникают вопросы: что такое умаление чести и достоинства? что такое неприличная форма выражения? Есть и еще один вопрос, который возникает при анализе реальных конфликтных текстов: как соотносятся первый и второй компоненты? Входят ли они в структуру оскорбления как рядоположенные, как X + Y, или мы имеем дело с более сложной структурой, которую образно можно охарактеризовать как «два в одном»?

Иными словами, оскорбление – это (первый вариант осмысления) умаление чести и достоинства самим содержанием высказывания, которое имело бы место и при ином стилистическом выражении + неприличная форма выражения, или это (второй вариант осмысления) умаление чести и достоинства, которое заключается в самой неприличной форме выражения высказывания, отнесенного к лицу?

Как нам представляется, законодательная формулировка допускает оба понимания, не противоречащих друг другу, а дополняющих, рядоположенных, представляющих равноправные варианты реализации.

Причастный оборот «выраженное в неприличной форме» с главным словом «выраженное» реализуется в двух своих значениях:

1) выраженный *в чем* – облеченный в форму, оболочку (ср. средства выражения, т.е. есть нечто и есть его средство выражения)

2) выраженный *в чем* – представленный в чем-либо, явленный в этом виде, форме, заключающийся в чем-то (ср. недомогание, выраженное в головной боли, т.е. головная боль и есть недомогание;) «Умаление чести и достоинства, выраженное в неприличной форме» в этом смысле есть оскорбление самой неприличной формой.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005г. №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», как нам представляется, поддерживается эта позиция: *«Если субъективное мнение было высказано в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию истца, на ответчика может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причиненного истцу оскорблением (ст.130 Уголовного кодекса РФ, статьи 150,151 ГК РФ)»*. Законодатель не считает оскорбление производным от порочащих (в юридическом смысле) сведений, напротив, подчеркивает в оскорблении зависимость от формы выражения.

Юристы А.Л. Анисимов [Анисимов 1994] и А.М. Эрделевский [Эрделевский 1996], рассматривающие проблему оскорбления с юридических позиций, также видят сущность оскорбления, в отличие от опорочения, в самой форме выражения высказывания, не исключая возможность совмещения в инвективе содержательного и формального компонентов. В [Цена слова 2002] выражается аналогичная позиция.

А.Н.Баранов в лингвистической экспертизе по делу Ароян-Киркоров, подводя теоретическую базу анализа конфликтного текста, называет «два компонента оскорбления: во-первых, адресату оскорбления приписывается какая-либо отрицательная **характеристика** (вне зависимости от того, соответствует это действительности или нет), во-вторых, эта оценка вербализуется в неприличной форме».

Отталкиваясь от заданного определения оскорбления, А.Н.Баранов приходит к логичному выводу, что фраза Киркорова, адресованная Ароян: *«А мне по х..., так же, как и Вы...»* – не является оскорбительной, так как не выражает характеристики адресата речи. С таких позиций классическое средство оскорбления, называемое в народе «послать кого-нибудь», не будет считаться оскорблением, поскольку не содержит характеристики лица. Отметим, что предложенная трактовка существенно отстает от того инварианта, которым мы должны руководствоваться – от определения в УК РФ. Законодатель говорит об «умалении чести и достоинства», а не об «отрицательной характеристике», что далеко не одно и то же. Законодательная категория очевидно шире, обобщеннее и отвлеченнее. Сводя все возможные оскорбления к «отрицательной оценке», мы осуществим неоправданное сужение объекта рассмотрения.

Считаем, определение оскорбления, предложенное А.Н.Барановым, нуждается в дополнении. Оно опирается на представление об исключительно рациональной сущности языка. Прагматический, модальный, экспрессивный компонент в этой схеме не учитывается, в то время как именно при оскорблении иррациональное, оценочное, экспрессивное начало преобладает над собственно номинативным, когнитивным. Говоря максимально обобщенно, можно утверждать, что все в языке есть либо обозначение, либо отношение – отражение вечной дуальности мира, в котором сочетается внешнее и внутреннее, эксплицитное и имплицитное, вещно представленное и субъективно отраженное. В рассматриваемой нами конфликтной ситуации оскорбления явно на первый план выступает иррациональное, эмоциональное.

В понимании оскорбления как явления, не связанного обязательными причинно-следственными связями с рациональной категорией соответствия действительности, мы не одиноки. Приведем пример конкретного анализа конфликтного текста, в котором лингвист выражает аналогичный взгляд. Научному рассмотрению подвергся следующий текст:

Как уже сообщалось, Слава Медяник сочинил для Александра Усса песню. Называется она весьма незатейливо – «Губернатор Усс». Там есть замечательные слова: «Губернатор Усс – наш бубновый туз». «Словарь воровского языка» трактует термин «бубновый туз» как татуировку, насильно сделанную осужденному, не отдающему карточный долг. А «козырный» – это человек, которому всё позволено, главарь группировки в ИТУ. Таким образом, фразу из песни «Наш козырный туз – губернатор Усс» следует читать так: «НАШ ГЛАВАРЬ ГРУППИРОВКИ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО УЧРЕЖДЕНИЯ, НЕ ОТДАЮЩИЙ КАРТОЧНЫЙ ДОЛГ – ГУБЕРНАТОР УСС» (Выделено автором текста. – Б.Ш.).

Выступая недавно по телевидению, Александр Усс сказал, что песня ему очень нравится и что скоро ее будет петь весь край.

Раз так, то следует, может быть, опубликовать слова песни целиком и начать нам всем разучивать? Или опубликовать «Словарь воровского языка» – мало ли какие песни будут сочинять для Усса и про Усса.

В начале анализа автор решает чрезвычайно важную проблему – определяет информационную природу высказывания. Используя другую терминологию, исследователь по сути идет тем путем, который мы предлагаем в работе для реализации. Признавая отсутствие в тексте сведений, которые могут быть названы фактуальными и могут быть проверены, но признавая инвективность текста, лингвист по сути уводит конфликт из сферы доказательства соответствия действительности в сферу рассмотрения самой стилистической формы материала, что, на наш взгляд, в данном случае совершенно справедливо. Такая позиция является отражением декларируемого нами положения о сущности понятия «оскорбление» как явления прежде всего формального, стилистического порядка.

Как оскорбительное высказывание следует квалифицировать не только выраженную в неприличной форме **характеристику**, но и выраженное в неприличной форме **отношение** к лицу.

Таким образом, уточним классификационные признаки **оскорбления**:

- 1) к адресату оскорбления отнесена негативная характеристика или выражено негативное отношение;
- 2) высказывание имеет «неприличную» форму выражения, то есть выражено «в резко противоречащей принятой в обществе манере общения между людьми».

4.2. Языковые средства реализации оскорбления

Используемое в правовых документах понятие «**неприличной формы**» высказывания, на которой основывается понятие «оскорбления», нуждается в тщательном рассмотрении и конкретизации с лингвистических позиций. Какими критериями должен руководствоваться филолог при квалификации приличной или неприличной формы выражения сведения?

Комментарий к УК РФ поясняет: «**Неприличная форма** дискредитации потерпевшего означает, что отрицательная оценка его личности дается в явно циничной, а потому резко противоречащей принятой в обществе манере общения между людьми. Это прежде всего нецензурные выражения, сравнение с одиозными историческими и литературными персонажами».

«Цинизм» и «противоречащая принятой в обществе манера общения» – не лингвистические понятия, и они не способствуют осуществлению классификации. Однако в данном случае было бы несправедливо видеть причину неконкретности правовой нормы исключительно в ее недоработанности или несовершенстве формулировки. Не будем забывать, что в делах рассматриваемого типа мы имеем дело с категориями высокой степени отвлеченности, и потребность в их конкретизации при переходе в правовое поле для осуществления квалификации деяния вызывает естественные сложности, которые невозможно разрешить простым, однозначным, универсальным директивным указанием.

Безусловно, понятие «неприличной формы» нуждается в раскрытии, конкретизации. Очевидно, что оно не тождественно стилистическим понятиям «жаргонизм», «просторечие», «бранная лексика». Поэтому вполне закономерным представляется введение в научный оборот терминов «**инвектива**», «**инвективная лексика**».

Понятие **инвективы** восходит к лат. *invektivus* (хулительный, полный оскорблений, поношений; бранная речь), но активно в отечественной лингвистике начинает использоваться в последнее десятилетие прошлого века в силу актуализации обозначаемого этим словом явления, а также, возможно, благодаря популяризации в чрезвычайно значимой в сфере юрислингвистики монографии [Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации 1997]. Авторы понимают под инвективой «резкое выступление против кого-, чего-либо; оскорбительная речь; брань, выпад».

Проблемами инвективы и инвективности активно занимались – с разных сторон – сибирские ученые (см., например [Жельвис 1988, 1992, 1997, 2000; Голев 1999; Капленко 2002; Шарифуллин 2000] и др.).

Анализ взглядов на инвективу позволил выделить две позиции относительно этой категории, различающиеся широтой охвата материала.

В соответствии с узким взглядом, инвективные средства сосредотачиваются в сфере номинативных единиц языка. Инвективную лексику и фразеологию составляют, по определению авторов [Цена слова 2002], «слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценке оскорбление личности адресата, интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речи (или объекта оскорбления), обычно сопровождаемую намерением сделать это в как можно более уничижительной, резкой, грубой или циничной форме» [Цена слова 2002, с.330].

В соответствии с широким взглядом, инвектива практически расширяется до границ конфликтогенных факторов в речевой коммуникации. Так, в [Шарифуллин 2005] предлагаются следующие характеристики инвективы (передадим их конспективно):

1. Инвективность как языковая категория отражает и воплощает естественную инвективную функцию языка как речевую реализацию его общей экспрессивной функции, тесно связанной с коммуникативной и когнитивной функциями.

2. Инвектива как речевое явление, речевое событие, реализующее определенные коммуникативные и экспрессивные интенции её автора – это словесный **наезд** (от латин. *inveho, invexi, invecum* – «наезжать»), вербальная атака, нападки, далеко не всегда выраженные в форме собственно брани или сквернословия, но, безусловно, реализующие языковую (вербальную) агрессию, являясь одновременно одной из основных форм языкового насилия над личностью.

3. Инвектива в ее вербальном воплощении – это не вид речевой (коммуникативной) стратегии (как полагает, например, [Жельвис 1988]) и не речевая тактика, а один из основных типов речевых жанров, наряду с информативными, императивными, оценочными и этикетными, имеющий свою собственную коммуникативную цель и другие жанрообразующие признаки.

4. С точки зрения правового пространства естественного русского языка инвективность и инвективные средства выполняют функцию вербализации языковой агрессии или языкового насилия, направленных против личности (группы лиц, организации и т.п.) с целью нанесения оскорбления или причинения какого-либо ущерба чести, достоинству и деловой репутации.

5. Доказать в процессе судопроизводства факт языковой агрессии и/или языкового насилия с использованием определенных инвективных средств, направленный против личности и нанесший ей оскорбление или причинивший какой-либо ущерб чести, достоинству и деловой репутации не просто. Но вполне возможно, если в ходе лингвистической экспертизы по поручению суда эксперт-специалист (лингвист, а не филолог «вообще»!) сумеет «восстановить» и аргументативно представить всю «цепочку» данного речевого события: интенции автора анализируемого текста и его коммуникативную стратегию, выбор им определенных речевых тактик, их реализацию в «прочитываемых» инвективных жанрах, языковое воплощение данных жанров в соответствующих инвективных единицах языка. Аргументирован должен быть и вывод о факте языковой агрессии и/или насилия против личности истца.

Осуществив анализ и синтез крайних (узких и широких) представлений об инвективности, предложим свою позицию.

Понимание инвективных средств как «слов и выражений», как нам представляется, не охватывает всего объема исследуемого явления. В понимании многообразия средств выражения инвективы мы солидаризируемся с широкой трактовкой инвективы. В разделе, посвященном классификации инвективных средств, продемонстрируем это многообразие конкретными примерами.

Принимая к сведению выработанные исследователями инвективы представления о коммуникативной природе явления, о квалификации его как стратегии, тактики или речевого жанра и отстраняясь от дискуссии на эту тему, обратим внимание на интересующий нас правовой аспект.

Несмотря на наличие ряда исследований, Б.Я. Шарифуллин, рассмотревший в своей докторской диссертации вопросы инвективности с точки зрения реализации экспрессивной функции языка в генетическом аспекте и занимающийся специально инвективностью в течение ряда лет, полагает, что «вопросов здесь остается больше, чем попыток их решения». Исследователь в настоящее время видит четыре основных аспекта рассмотрения проблемы инвективы: собственно лингвистический (например, изучение естественной инвективной функции языка и способы ее реализации в системе инвективных средств), речеведческий (инвектива – стратегия, речевая тактика или речевой жанр?), лингвокультурологический (место и способы отражения и реализации инвективы в национальной картине мира) и юрислингвистический (инвектива и инвективные средства в современном правовом пространстве) [Шарифуллин 2004,с.129].

В нашей работе, в соответствии с поставленной целью выработки стратегии и тактики лингвистической экспертизы, рассматривается юрислингвистический аспект инвективности. Для решения же наших практических задач необходимо с разной степенью углубления задействовать теорию всех обозначенных направлений.

Инвективность является сложной коммуникативной категорией, реализующейся на стилистическом и на культурологическом уровнях.

Поскольку в процессах об оскорблении в центре рассмотрения стоит вопрос о «приличности/неприличности формы выражения, неизбежно возникает потребность в обращении к лингвокультурологическому аспекту речевого поведения, определяемому рассмотрением диады «человек – язык» в соотношении с культурой, в основе которой лежит язык, а именно такие уникальные, хранимые обществом формы его существования, как нормы, на основе которых организуется деятельность в обществе и накапливается опыт, передаваемый от поколения к поколению [Волков 2001, с. 12], а также сам языковой код.

Участники речевого конфликта – носители определенной культуры, представители конкретной лингвокультурной общности, определяющей их речевое поведение. «Этнолингвокультурный фактор выступает в качестве регулятора речевого поведения говорящих через ритуалы и традиции, нормы и правила, этнические стереотипы, а также национальные закономерности, языковые, речевые и невербальные механизмы речевой деятельности коммуникантов и специфику построения дискурса» [Третьякова 2004,с.121].

Культура, в том числе речевая, основывается на национальном менталитете, под которым понимается образ и способ мышления языкового коллектива, мироощущение и мировосприятие народа, отраженные в языке.

Лингвокультурологический подход к понятию коммуникативной нормы в какой-то мере объясняет критерии востребованной правом дифференциации «приличной/неприличной» формы выражения. Коммуникативно-деятельностный подход к норме является логическим продолжением теории пражских лингвистов, рассматривающих проблему нормы в связи с языковой культурой (В. Барнет, Б. Гавранек, К. Горалек, А. Едличка, Л. Ельмслев, В.А. Ицкович, Е. Косериу, В. Матезиус, D. Nerius, W. Hartung и др.).

Коммуникативная норма определяется гораздо сложнее строго языковой нормы, например, орфоэпической, не говоря уже об орфографической.

Критерии коммуникативной нормативности основываются на отношении социума, на факте общественного одобрения/неодобрения, а также на основе массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в процессе коммуникации. Норма как явление регулярное проявляется в повторяемости в той или иной ситуации, делающей ее социально значимой.

Коммуникативная норма предписывает то, что человеку надлежит делать, и то, что ему при этом надлежит говорить в рамках существующих фреймов, сценариев, моделей речевого поведения. Функция нормы состоит в том, чтобы исключить влияние случайных, чисто субъективных мотивов и обстоятельств, обеспечить надежность и предсказуемость, известную стандартность и общепонятность поведения» [Третьякова 2004,с.21].

Невозможно абсолютно четко дифференцировать допустимое и недопустимое в перспективе употребления, составить полный список инвективных средств, учитывая не только их разнообразие, но и творимость: инвективным потенциалом, как и образным, обладает почти любая языковая единица. Квалификация уже использованного языкового средства также может не быть однозначной, относиться к пограничной нише. Возможность такой некатегоричной оценки нормативности признается специалистами в сфере речевого конфликта:

«Оценка текстов-сценариев речевого поведения производится в предельных границах: положительные сценарии, построенные в соответствии с коммуникативной нормой, и отрицательные, демонстрирующие нарушение нормы. Эти оценки, маркируя лишь предельные границы речевого общения

по его результату, обозначают рамки варьирования речевых реализаций. Сценарии, находящиеся между этими двумя полюсами, могут использоваться с известными ограничениями, с учетом функциональной сферы и/или ситуативных особенностей коммуникации» [Третьякова 2004, с.22].

Таким образом, под неприличной формой выражения любого типа информации (сообщения или суждения) вполне логично понимать такую форму выражения, которая нарушает не только и не столько языковые, сколько коммуникативные нормы, сложившиеся в определенном лингвокультурном пространстве в настоящий момент.

4.3. Несовпадение речевых кодов коммуникантов

Вернемся же к представлению о том, что «инвективные (конфликтогенные с лингвистической точки зрения) языковые средства юридически нерелевантны в случае отсутствия соответствующей интенции и, наоборот, может быть юридизировано все, что «работает» на стратегию дискредитации...» [Матвеева 2004, с.103]. В соответствии с представленной позицией, мотив преступления становится определяющим фактором в его квалификации. Но имеет ли право лингвист на основании определения мотивации (если такое определение возможно) характеризовать текст как инвективный или неинвективный?

Оскорбление как результат коммуникации имеет место в двух случаях:

- 1) при успешной реализации намерения дестабилизировать адресата: инвективная интенция воплотилась;
- 2) при несовпадении речевых кодов коммуникантов, различном отношении к речевой норме: инвективной интенции не было, но реципиент воспринял произвольную инвективу.

О проблемах различения первого и второго см. в разделе, посвященном выявлению интенции автора (1.5.). Сейчас же обратимся к вопросу о неидентичности стилистической оценки фактов языка различными его носителями.

Предположим, инвективного намерения не было. Причиной речевого конфликта, вышедшего в правовое поле, явилось различие в отношении к языковым средствам, о котором прекрасно написала О.В.Саржина [Саржина 2004]. Кодировка и декодировка не совпали. Какой код должен избирать лингвист как отправную точку: код истца или ответчика, пострадавшего или обвиняемого, адресата или адресанта?

Ранее мы уже выходили на эту тему, но ее значимость в структуре работы такова, что необходимо обратиться к ней вновь, уже с иных позиций и с новыми доказательствами. В первой главе, при определении цели лингвистической экспертизы, мы рассматривали различия в направлении лингвистического исследования в зависимости от предмета судебного спора.

В случае опорочения как деяния, направленного на дискредитацию лица в глазах окружающих, важна декодировка того типового смысла, который восприняли реципиенты в массе. Следовательно, в этих случаях отправной точкой является языковая норма и типовые ее реализации. Цель лингвиста – определение стандартного понимания носителями языка, на которых направлена распространенная информация, содержания текста. Безусловно, объективная вариативность декодировки, если таковая имеет место, должна быть отражена, поскольку важна сама возможность того или иного понимания, способного очернить невинного.

Незнание закона не освобождает от его соблюдения. Удивительно, как изящно порой и лингвист, и суд обходят этот тезис стороной, защищая не интересы пострадавшего, а СМИ, отрицающего наличие какой-либо негативной интенции, в то время как закон требует защиты лица от распространения недостоверной информации о нем. Если у СМИ такого намерения не было, то почему бы в доказательство не напечатать уточнения и разъяснения, исключающие двусмысленное порочащее понимание?

Применительно к законам, регулиующим речевую деятельность, законом является языковая норма в ее коммуникативно-этическом аспекте. В делах об оскорблении тонкая грань инвективности/неинвективности определяется многими параметрами: литературностью/нелитературностью, отнесенностью к лицу/безадресностью, общим контекстом, направленностью на дискредитацию и дестабилизацию лица. Но вопрос о намерениях говорящего находится в этом ряду на последнем месте. Эта проблема имеет ровно такое же значение, как и проблема намерений водителя, по вине которого произошло ДТП. Конечно, стоит учесть наличие умысла оскорбителя, но невозможно отказывать тексту в инвективности на основании отсутствия такового намерения у адресанта.

Еще раз вспомним, что при оскорблении наносится психологический удар, и на лингвиста возложена ответственность определить, имел ли место сам факт удара. Поскольку дело дошло до суда, очевидно, что одна сторона настаивает на факте этого

удара, другая, соответственно, отрицает. Каждая сторона предлагает свое видение семантики и стилистики языкового средства или целого текста.

Какой код примет лингвист?

Ответ, на наш взгляд, прост и банален: таким кодом должна являться универсальная общенациональная норма, отраженная в словарях. Предполагаем, что это классическое положение вызовет множественные нападки, для которых, конечно, есть основания. Принимая их как необходимые сомнения, выявляющие неабсолютность любого постулата, все же считаем названную отправную точку в принципе единственно возможной для осуществления судебной лингвистической экспертизы по делам исследуемого типа. Обозначим возможные оппозиционные доводы доводы.

Довод 1. Общенациональной нормы не существует. Это фантом. Существует множество частных норм, обусловленных множеством факторов: место, время, цель общения, личностные характеристики коммуникантов, тип отношений между ними. То, что принято, а значит, нормативно в одной среде, неприемлемо в другой.

Ответ. Все сказанное теоретически правильно. Однако вспомним о практической задаче. Поскольку есть судебный иск, есть конфликт. Отдаем себе отчет в том, что, возможно, истинную сущность конфликта не узнает никто и никогда, но этот вопрос находится за пределами нашей компетенции. Перед лингвистом вербализованный конфликт, во всяком случае внешне всегда представленный при оскорблении как конфликт стилистических систем.

Что же должен анализировать лингвист в такой ситуации?

Если следовать представленной логике о множественности норм, лингвист должен взять на себя ответственность проанализировать всю речевую ситуацию и вынести свой вердикт о допустимости/недопустимости использованного речевого средства в данной ситуации. На основании каких критериев? Собственного языкового вкуса? И если на уровне общих житейских представлений о типах речевой стилистики в различных средах наши выводы и могут показаться верными, в судебной практике, требующей жестких доказательств, все эти общие рассуждения неизбежно будут страдать субъективизмом и могут быть разбиты первым же вопросом.

Обратимся к конкретной ситуации. В шумной артистической компании одна актриса называет другую шлюхой. Оскорбленная подает в суд. Адвокат ответчицы, поддержанный лингвистом, настаивает на том, что в этой среде такие слова употребляются регулярно, и даже в течение вечера они звучали неоднократно, что

такова норма этой среды, и, следовательно, ничего оскорбительного в прозвучавшем слове нет. Следуя логике «частных норм», лингвист в результате анализа дискурса приходит к тому же выводу. Теперь услышим доводы истца: «Да, речь на вечеринке изобиловала нелитературной лексикой, что меня очень смущало. Но пока эти слова не относились ко мне, я старалась от них отстраниться. Когда же меня назвали...не могу произнести... со мной это впервые. У меня был просто шок, я просто потеряла дар речи. Я никогда сама не произношу таких слов, у нас в семье это не принято».

Речевой конфликт в том и заключается, что частные представления о норме не совпали. Адресант недостаточно полно определил допустимое речевое поведение в лучшем случае или намеренно нарушил прекрасно осознанные нормы с целью дестабилизации адресата.

Так неужели определяющей в судебном разбирательстве должна стать третья частная норма – норма лингвиста – эксперта? Не исходить же из положения о том, что все слесари, шоферы и солдаты употребляют ненормативную лексику. На научном лингвистическом языке эта простая мысль будет оформлена примерно таким образом: «Изучение лингвокультурных особенностей данной социальной среды показало специфику социального диалекта, смещенного по отношению к литературной норме в сторону стилистического снижения, что позволяет говорить о нормативности рассматриваемых языковых («блядь», «сука») единиц как отражения определенного речевого кода в этой речевой среде». Во-первых, специфика речевого кода какой-либо конкретной среды может быть выявлена только в результате специального лингвистического исследования, следовательно, во-вторых, приведенный довод не может быть использован как убедительный аргумент в юридической практике, в-третьих, никогда нельзя исключать возможности функционирования в рамках определенной социально обусловленной речевой среды индивидуальной речевой системы, основанной на иных, отличных от принятых в этой среде, принципов. Так, в среде со смещенным представлением о норме в сторону стилистического снижения может оказаться человек, имеющий классические представления о норме. Закон должен его защищать? Или анализ дискурса, осуществленный лингвистом, лишит его этого права?

Практика определения инвективности по так называемой «частной норме» довольно распространена. При этом не учитывается только частная норма пострадавшего.

Так, в [Цена слова 2002, с.56] приведена экспертиза по делу Сададьский-Азиза. Причиной и/или поводом судебного конфликта стало высказывание в прессе С.Сададьского: «..я поклялся, что никогда не буду общаться с этой блядью». В лингвистической экспертизе авторы довольно убедительно рассматривают текст как единое целое, так определяя смысл публицистического материала: *«Автор статьи С.Сададьский опровергает выдвинутое во вступительной части предположение о том, что Азиза – блядь, доказывая, что такое восприятие артистки – чисто внешнее, связанное с несоответствием богатого внутреннего мира певицы с внешним обликом и впечатлением, которое она производит. Рассказывая о жизни и творчестве певицы в основной части статьи, автор призывает внимательно присмотреться к Азизе и не давать скоропалительных оценок, вызванных непониманием сложной человеческой натуры».*

Общий позитивный отзыв, конечно, приятен, но он не отменяет самого факта произнесения в адрес лица нелитературного слова. Не будем забывать, что при оскорблении важна сама форма выражения мысли. Скорее всего, судебного иска не было бы, если бы Сададьский выразил свою мысль стилистически более нейтральными средствами, например, охарактеризовал ее как «легкомысленную женщину», что, конечно, уничтожило бы прогнозируемый авторами публикации скандальный эффект. Признав, что слово «блядь» «не относится к общеупотребительным словам русского языка и соответственно не относится к лексике литературной», авторы завершают экспертизу анализом частной языковой нормы: *«Сам стиль «Экспресс-газеты» и публикации в ней, по нашим наблюдениям, позволяют автору более свободно обращаться со словом, в каком-то смысле считать, что слово «блядь» для круга читателей «Экспресс-газеты» не бранное, а свое, «житейское», находящееся на самой грани просторечной лексики».*

Во-первых, общее суждение о «наблюдениях» стиля газеты не аргументировано научно, не подтверждено никакими данными; во-вторых, финальная стилистическая характеристика лексемы дается исключительно субъективно, на основе восприятия стилистики слова авторами экспертизы; в-третьих, истец может не разделять столь вольной трактовки нормы, и явиться случайным читателем печатного издания, привлеченным анонсом со своим именем. Чья норма должна быть определяющей? В приведенном случае, судя по решению суда, прекратившего дело за отсутствием состава преступления, определяющей оказалась частная норма СМИ и Сададьского,

представления же о приличном и неприличном, нормативном и ненормативном истца учтены не были, хотя они соответствуют общенародной норме.

Во многих случаях изучение частной нормы вообще представляется невозможным, поскольку для этого необходимо провести исследование идиостиля участников речевого конфликта, что практически невыполнимо. Частная норма по объему и сложности не уступает общей, и вряд ли лингвист может взять на себя ответственность в рамках отдельной экспертизы претендовать на полную характеристику такой нормы.

Подводя итог рассуждениям о множественности норм неизбежно приходим к выводу о том, что это научное положение, в целом справедливое, не может служить основой судебного разбирательства в делах об оскорблении, поскольку полное и научно аргументированное изучение частной нормы участников конфликта в рамках экспертизы не может быть осуществлено в достаточном объеме, и субъективизм лингвиста уведет нас от нашей цели – судебного решения, основанного на единых, универсальных, объективных критериях.

Мы не исключаем, однако, что развитие лингвистики и соответствующих ее направлений, а также юрислингвистики и накопление практики по делам обозначенного типа позволят выработать и использовать методики определения и описания частных норм.

На настоящий момент только общенациональная норма, принятая как образец для публичного общения, может и должна служить универсальным критерием допустимости/недопустимости, приличности/неприличности использованного языкового средства.

Довод 2. Как определить эту общенародную норму? Каковы ее критерии?

Ответ. Да, критерий нормы несовершенен. Прежде всего это словарь. Какой? Этот вопрос не из простых. Подробный анализ словарей, на которые следует ориентироваться при выполнении лингвистической экспертизы, осуществил Ю.А.Бельчиков [Бельчиков 2005]. Однако необходимо признать, что несовершенство лексикографической практики, находящейся, как и вся наука, в пути, не оставляет нам надежды на четкую, единообразную и однозначную стилистическую помету в ближайшей перспективе. Приведенное суждение как будто вступает в противоречие с только что предложенным тезисом об универсальности общенациональной нормы, но в действительности оно является дополнительным аргументом в пользу обозначенного ориентира.

Языковая норма определяется лексикографами по приоритетным предпочтениям большинства носителей языка. В силу различных причин: несовпадения в терминологии, различия в составе опрашиваемых и методов обработки материала, стремительной временной динамики нормы, в конце концов, личного языкового опыта, вкуса и стилистического кода – лексикографы не идентично характеризуют стилистическую, коннотативную составляющую семантики языковой единицы.

Но это лишь означает, что мы имеем дело с закономерным процессом стилистического варьирования. Норма представлена как некий инвариант с размытыми границами. По отношению к жесткости стилистической квалификации лексическую систему русского языка можно представить как сферу с жестким ядром – составом, идентично характеризваемым во всех источниках, и все более размываемой к краям периферией – составом, неидентично представленном в различных словарях с различным количественным соотношением несовпадающих оценок.

Факт несовпадения стилистических характеристик является дополнительным доказательством необходимости сохранения общей тенденции ориентации на общенациональную норму потому, что свидетельствует о некатегоричности нормы. Именно понимание динамики нормы и ее «множественности» и стремление отразить максимально широкие представления о норме и заставляют авторов новых словарей не во всем следовать за своими предшественниками.

Для лингвиста-эксперта разнообразие взглядов на стилистику и коннотацию рассматриваемого слова – прекрасный материал для размышления, и в рамках предлагаемого разнообразия анализ дискурса не только уместен, но и необходим для определения наиболее оправданной квалификации языковой единицы на предмет инвективности. В данном случае речь, конечно же, идет только о тех инвективных средствах, применительно к которым обсуждается вопрос о литературности / нелитературности, обценности / необценности.

Безусловно, значительная, возможно, преобладающая часть инвективных средств литературна, и пометы в словаре нам ни коим образом не помогут, необходимо рассматривать семантическую сущность номинации и соотносить с понятием этической нормы. В то же время при всем признании сложности и неоднозначности понятия нормы, в том числе речевой нормы, при осознании роли дискурса, контекста, ситуации и других определяющих факторов, позволяющих определить уместность и допустимость речевого кода коммуниканта, – которые, конечно же, лингвист-эксперт в ходе лингвистической экспертизы по процессам о защите чести и достоинства должен

учитывать, считаем все же точкой отсчета универсальный языковой код – языковую норму, отраженную в классических словарях.

4.3. Классификация инвективных средств

Наиболее подробную на настоящий момент классификацию инвективных средств предлагает Ю.А.Бельчиков [Бельчиков 2004]. Автор анализирует эволюцию современного русского литературного языка, выявляя социально-политические причины актуализации одних и деактуализации других лексических пластов, предлагает классификацию инвективных лексико- фразеологических средств. В основе предлагаемой классификации лежит деление языковых единиц на литературные и нелитературные, причем основная часть инвективной лексики и фразеологии, с точки зрения автора, находится за рамками литературного языка: «Это лексика бранная, относящаяся главным образом к просторечию, а также к жаргонам, отчасти – к диалектной лексике, характеризующаяся грубо вульгарной экспрессивной окраской, резко негативной оценкой чаще всего циничного характера. Значительное место в инвективной лексике занимает лексика обценная».

Литературную инвективную лексику Ю.А.Бельчиков разделяет на несколько групп.

Во-первых, это слова констатирующей семантики: *вор, бандит, двурушник, мошенник, проститутка, шпион*. В самом значении таких номинаций лица, занимающегося антиобщественной деятельностью или совершающего поступки, противоречащие общественной, общепринятой морали, – при констатирующем характере семантики – содержится негативная оценка. Подобные слова в силу логико-понятийной природы их денотатов в самом номинативном значении имеют негативную оценку, оставаясь в рамках констатирующей семантики. При употреблении слов этой группы в переносном значении инвективность усиливается: *политическая проститутка*.

Вторую группу образуют нейтральные номинации лица по его профессии, роду занятий, в переносных значениях приобретающие резко негативную оценку, обычно сопровождаемую экспрессией неодобрения, презрения: *бюрократ, коновал, мясник, палач, чиновник*. Так, приводит пример автор классификации, *бюрократ* в переносном значении – должностное лицо, выполняющее свои обязанности формально, в ущерб

делу, формалист, буквоед; *палач* в переносном значении – жестокий мучитель, угнетатель.

В-третьих, Ю.А.Бельчиков выделяет неприемлемые с точки зрения общественной морали слова: *сволочь, стерва, подлец, мерзавец*.

Инвективными названы также слова, обозначающие действия и качества, свойства чего-либо а) слова констатирующей семантики: *убить, украсть, мучить*; б) оценочные слова в контекстах обвинительного характера, с яркой экспрессивной окраской: *вранье, прикарманить, хапнуть*.

Автор совершенно справедливо, на наш взгляд, выделяет две основные группы инвективных лексем: **литературные и нелитературные**. Это уже значительный шаг к объективации судопроизводства, так как признается не меньшая оскорбительность литературных слов типа «*подлец*» или «*негодяй*» по сравнению со словами обценными, табуированными.

Отдавая должное осуществленной классификации, укажем все же на ее неполноту: поиск инвективных средств сосредоточен в сфере лексики и ею ограничивается, в то время как, по нашим наблюдениям, гораздо чаще инвектива выражается сверхлексическими средствами: фразеологизмами, пословицами, метафорами, подтекстом.

Попытка классификации инвективной лексики предпринимается и в монографии [Понятие чести и дост.. 1997]. Авторы совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечают неоднозначность понятия «ненормативная лексика и фразеология». Оговорив, что в лингвистике ненормативными называют единицы, которые не относятся к литературному языку (слова из просторечия, жаргонов, диалектов), они предлагают и другой взгляд на ненормативность как на обозначение «того слоя, разряда слов и выражений, употребление которых в речи нарушает нормы общественной морали, общепринятые в данном социуме представления о приличии-неприличии». Такой коммуникативный подход имеет право на существование и представляется ценным не только в аспекте разрешения информационного конфликта. Естественно, что при таком взгляде на проблему в состав ненормативной лексики входят слова и выражения, относящиеся к литературному языку, т.е. вполне соответствующие литературным нормам.

Учитывая достоинства описанных классификаций инвективных средств, а также собственный опыт анализа языковых средств, предлагаем следующую типологию.

Первое основание классификации – отношение к литературной норме как коммуникативному коду. На этом основании инвективы также представлены двумя группами:

- 1)литературные инвективные средства;
- 2)нелитературные инвективные средства.

Второе основание классификации – языковой уровень инвективного средства. На этом основании выделяются две основные группы:

- 1)лексико-фразеологические инвективные средства (номинативные единицы языка)
- 2)сверхноминативные инвективные средства.

В свою очередь в обеих названных группах можно выделить подтипы. Применительно к лексемам такая классификация осуществлена (см. приведенный ранее обзор литературы). В сверхноминативных же инвективных средствах можно выделить следующие группы: а)паремия, б)метафора, в)аллюзии, г)подтекст.

Литературные лексико-фразеологические инвективные средства

К инвективным относятся литературные слова, самой своей номинирующей семантикой отрицающие в человеке базовые нравственные качества, являющиеся основой самоуважения и общественного признания: подлец, негодяй, мерзавец. Например:

*Многие не подают Герману руки, считая его обычным **подлецом**, боясь **испачкаться**».*

В тексте использовано одно из наиболее оскорбительных литературных слов русского языка – слово «**подлец**», что является прямым и явным оскорблением. Отнесенность авторства этой характеристики к третьим лицам – «многим журналистам» – не имеет в данном случае никакого значения, поскольку несущественно, каким способом была введена в текст оскорбительная по отношению к лицу оценка.

*Можно ли с **подонками** построить «светлое будущее?»*

Слово «**подонок**» отмечено в [Толковом словаре ненормативной лексики русского языка 2005]:

Подонок, разг. 1. только во мн. презр. Деклассированные, преступные элементы общества. 2 бран. низкий, гадкий человек; подлец, мерзавец.

По классификации, предложенной в [Понятие чести, достоинства...1997; Цена слова 2002], слова типа «**подонок**», «**мерзавец**», «**негодяй**», «**подлец**» являются

инвективными, то есть оскорбительными, по самой своей номинирующей сущности. Эти лексемы не просто выражают негативное отношение к поступкам, деятельности лица, конкретным его качествам, а дают целостную оценку личности, несовместимую с представлениями о чести, достоинстве и репутации в обществе. Отнесенность к лицу слова *«подонок»* можно квалифицировать только как оскорбление.

Нелитературные лекико-фразеологические средства

Нелитературность языкового средства, казалось бы, должна указывать однозначно на факт оскорбления. Необходимо, однако, помнить о том, что эта ненормативная единица языка должна относиться к личности истца. Бранное слово как выражение эмоций, не адресованных конкретному лицу, может быть признано хулиганством, но не оскорблением.

В судебной практике возникают и другие «однако». Так, приобретшее широкую популярность дело Азиза – Садалский было выиграно последним именно по причине признания судом лексемы «блядь» не оскорбительной характеристикой истца, а характерным для сниженной стилистики издания языковым средством, то есть, иными словами, средством самохарактеристики говорящего и печатного органа.

Инвективу может создавать не только слово, но и просторечный **фразеологизм** с характеризующей пейоративной семантикой: *нос не дорос, соплей можно перешибит, бог шельму метит*. Оскорбительны пословицы и поговорки, отнесенные к конкретному лицу и дающие ему обобщенную уничижительную оценку: *со свиным рылом да в калашный ряд, каждый сверчок знай свой шесток*, др. Эти пословицы указывают на недостаточную ценность личности отвлеченно или в сравнении с кем-либо и, будучи употребленными в СМИ, умаляют честь и достоинство лица.

Надо сказать, что этот приговор – закономерный итог. Как говорится, Бог шельму метит

Шельма, прост. – 1.Ловкий плут, пройдоха. 2.Употребляется как бранное слово
3.Употребляется как выражение одобрения [Словарь ненормативной лексики русского языка 2005].

Очевидно, что в приведенном случае имеет место негативная оценка, контаминирующая первые два значения.

Содержательная сущность рассматриваемого слова в данном случае не является определяющей, главное – его стилистическая окраска. Нелитературное бранное слово, отнесенное к лицу, считается инвективным и является формой выражения оскорбления.

Следует отличать оскорбительное слово или выражение от **стилистически неуместного**. Так, на заключение лингвиста был поставлен вопрос: является ли фраза «*Что ты петушишься?*», обращенная к г-ну Л. его компаньоном г-ном З., нецензурной бранью и может ли она унижить честь и достоинство г-на Л. не только как человека, но и как генерального директора фирмы и причинить ему нравственные страдания?

Слово «петушиться» имеет значение: «Вести себя задиристо и запальчиво, горячиться» [Ожегов, Шведова 1996.].

Очевидно, что такая характеристика не противоречит нормам общественной морали и, следовательно, с содержательной точки зрения рассматриваемое выражение не может считаться порочащим. Рассмотрим форму выражения суждения. Можно признать, что с точки зрения эстетической она не соответствует стилистическим нормам официального общения, что, однако, довольно типично для современной речевой ситуации, к сожалению. Однако степень стилистической сниженности слова «петушиться» столь незначительна, что вряд ли можно говорить о возможности нанесения им кому-либо нравственных страданий. В словарной статье слово это имеет стилистическую помету «разговорное», что является научно обоснованным доказательством допустимости использования этого слова в литературной речи, поскольку в соответствии с традиционными стилистическими учениями, разговорные слова относятся к разряду литературных. За границей литературности находятся просторечия, диалекты, жаргоны. Слово же «петушиться» со значением «горячиться» не является нецензурным, более того, не является бранным (бранные слова могут быть и литературными), то есть ни по каким параметрам претензии истца не кажутся обоснованными.

Сверхноминативные средства оскорбления

Аллюзии

Подтекстовым средством формирования оскорбления может быть и литературная **аллюзия**. Различными языковыми средствами автор может провести параллель между реальным лицом – объектом рассмотрения в публицистическом материале и каким-либо литературным персонажем. Как показывает практика, иск может быть вызван и отраженным в комментарии к УК РФ «*сравнением с одиозными историческими и литературными персонажами*». Какие исторические и литературные персонажи могут считаться одиозными? Считать ли оскорбительным сравнение какого-либо лица с Павлом I, с Брежневым, со Сталиным, с Дантесом, с

Молчалиным или Ноздревым? Не следует забывать и про право журналиста давать свою оценку событиям и людям, используя различные стилистические приемы, в том числе прием сравнения с известными личностями и литературными персонажами. И предметом иска может стать не сам факт сравнения, а его параметр: передается ли при этом явно или скрыто информация о нарушении лицом правовых или моральных норм.

Рассмотрим текст: *«...на сцену поднялся г-н К., и, получив диплом, напугал отдававшую его девочку, приблизив к ней «лицо» для поцелуя. Впрочем, никто не завопил истошно: «Губернатора подменили! Верните Губера-Губера! Уберите Гумберта-Гумберта!»* Представляется, что в приведенном случае границы «принятых в обществе норм общения» перейдены, и примененный журналистом стилистический прием формирования негативного образа г-на К. находится вне правового поля и вызывает оправданный иск. Слово «лицо» взято в тексте в кавычки, выполняющие в данном случае роль комментария со значением «так называемое, но не являющееся таковым», что является грубым высмеиванием внешности – существенной составляющей целостного образа человека. Сравнение же с Гумбертом Гумбертом, героем романа В.Набокова «Лолита» – любителем нимфеток, вступившим в интимную связь с 12-летней героиней, существенно отличается от сравнения, например, с гоголевским Маниловым. Сатирическое изображение таких черт политика, как слащавая сентиментальность, прожектерство в сочетании с пассивной беспомощностью, хотя и неприятны объекту сравнения, но законны, так как представляют собой критику, а не обвинение в совершении противоправных или аморальных действий. Образ же Гумберта Гумберта, несмотря на всю его художественную сложность и неоднозначность, в массовом восприятии связан с растлением, то есть и с противоправным, и с аморальным действием. Поэтому сравнение с этим литературным персонажем в приведенном контексте оскорбительно.

Однако грань между **аллюзиями** оскорбительными и просто неприятными или некорректными очень тонкая.

Рассмотрим материал, в основу стилистической структуры которого журналист положил басню С.Михалкова «Осел в обойме». Приведем выдержки из статьи, которые в исковом заявлении истец выделил как порочащие его честь, достоинство, деловую репутацию и как оскорбительные:

У Сергея Михалкова есть басня «Осел в обойме». Там «Ослу доверили однажды пост завидный. Лесным дельцам сказать не в похвалу, Какой-то важный зверь, где

надо, очевидно, по дружбе оказал протекцию ослу». Остается загадкой, кто «протащил» к власти руководящий состав ОАО «Фирма Челябинскагропромстрой».

ОАО «Фирма Челябинскагропромстрой» владеет площадью в тысячу квадратных метров. По неизвестным причинам эта часть офисного помещения сдается в аренду по сниженной цене одной из организаций, что входит в капитал господина Крякина и его семьи.

Продолжаем читать добрую басню детского писателя Михалкова: «Осел на должности что было сил старался». Местный управленец Анатолий Крякин помощников подбирает соответствующих и всячески стремился облагородить, вот только не акционерное общество, а малые фирмы, совладельцами которых он и является...

На основании предварительных результатов проводимой аудиторской проверки выявлены факты, свидетельствующие, что генеральный директор Крякин Анатолий Васильевич использовал свои полномочия во вред правам и законным интересам акционеров...

Получается, что реальной власти у Анатолия Крякина и его аффилированных лиц на 50% (зависит от количества акций), а контроля над финансами и распределением прибыли на 100%. Сложившаяся ситуация в корне противоречит основному принципу работы акционерного общества – получение прибыли. При этом предполагается прибыль для всего предприятия, а дивиденды для акционеров, а не для ограниченного круга руководящих работников ОАО «Фирма Челябинскагропромстрой», таких как Крякин, Шорохов, Перцев и Супруга...

И снова басня: «Но как бы он себя с достоинством ни вел, Каким он был, таким он и остался». Поэтому все требования сошли на нет, и на совете директоров предложение провести внеочередное собрание с повесткой дня о смене генерального директора отклонено. Налицо лишь то, что договоры с подрядными организациями заключены с явной выгодой не для генподрядного предприятия (ОАО «Фирма Челябинскагропромстрой»), а для подрядных фирм, владельцами которых является руководство ОАО «Фирма ЧАПС».

Как недостоверные и, следовательно, порочащие, выдвинуты совершенно разнородные высказывания. Наряду с сообщениями о фактах, достоверность которых может быть подвергнута процедуре доказывания, фигурируют высказывания, имеющие статус стилистического средства или авторского вывода и не рассматриваемые по этой причине как достоверные или недостоверные.

Выдержки из текста басни позволяют сделать сатирический комментарий, образно осмыслить ситуацию, сделать образное обобщение. Этот прием достаточно традиционен, активно использовался в критических материалах в XIX веке. Сам жанр басни, как и жанр позже возникшего фельетона, направлен на высмеивание, осуждение личных и социальных пороков.

Сопоставление какого-либо лица с героем басни может быть оправданным и неоправданным. В том случае, если сравнение осуществляется, но доказательства не приводятся, можно говорить о беспочвенном опорочении. Если же образная составляющая накладывается на доказательную фактуальную базу, речь идет о критике, о сатире, ради которой, собственно, и существует журналистика. В рассматриваемом материале журналист приводит целый ряд сведений, которые, в случае соответствия действительности, позволяют признать критику справедливой.

Для рассмотрения проблемы о наличии оскорбления в конфликтном тексте необходимо выявить смысл басни С. Михалкова «Осел в обойме», ставшей стилистической основой статьи и основной причиной обвинения в оскорблении. Так, истец заявляет: *«Статья заканчивается оскорбительным утверждением: «Не зря вопрос с ослами ясен, но не прост...Но если уж осел попал в..., Вынь и подай ему руководящий пост!»*

Напомним читателям текст басни «Осел в обойме», с тем чтобы осуществить ту интертекстуальную связь, которую установил журналист:

Ослу доверили однажды пост завидный.
Лесным дельцам сказать не в похвалу,
Какой-то важный зверь, где надо, очевидно,
По дружбе оказал протекцию Ослу...
Осел на должности что было сил старался:
Одним указывал, других учить пытался;
Но как бы он себя с достоинством ни вел,-
Каким он был, таким он и остался:
Ушами поведет – все видят, что Осел!..
По лесу поползли невыгодные слухи.
В порядке критики пришлось при всех признать:
"Не оправдал надежд товарищ Лопухий!
Не справился. С поста придется снять".
И вот на пост Вола, ушедшего в отставку,
Зачислили Осла. Опять на ту же ставку!..
И снова слухи по лесу ползут:
"Он, говорят, проштрафился и тут!"
Одни смеются, а другие плачут:
"Что, если к нам теперь его назначат?!"
Вопрос с ослами ясен, но не прост;
Ты можешь снять с Осла, коль это нужно, шкуру
И накрутить ему за все ошибки хвост,
Но если уж Осел попал в номенклатуру,
Вынь да подай ему руководящий пост! [Михалков 1999].

Очевидно, что ничего «неприличного», а следовательно, оскорбительного, финал статьи, процитированный истцом в исковом заявлении, не содержит.

Басня как жанр призвана быть средством критики и сатиры, средством жесткого высмеивания личных и социальных пороков. Смысл рассматриваемой басни кратко можно определить следующим образом: на руководящем посту нередко оказываются люди, не способные полноценно выполнять свои функции, однако их высокий статус, к сожалению, неколебим.

Совершенно очевидно, что автор статьи проводит параллель между героем басни и Анатолием Крякиным. Однако эта аллегория ничего нового не добавляет к обвинениям, высказанным в адрес генерального директора ОАО «Фирма Челябинскагропромстрой» прямым текстом. Журналист во всех конфликтных статьях говорил о недопустимом, на его взгляд, стиле руководства А.Крякина, объясняя причины своей негативной оценки. Важно выяснить, соответствуют ли сообщенные сведения действительности, а не опровергать выводы из фактов, сатирически представленные в публицистическом материале. Сопоставление любого лица с героем литературной басни вполне допустимо, за исключением случаев, когда сопоставление указывает на такие реалии действительности (именно реалии, а не на оценки и характеристики), доказательство которых у журналиста отсутствует.

Рассматривая конфликтный текст, необходимо учитывать многозначность лексики и возможность возникновения контекстуального значения. Одно и то же слово может функционировать в тексте, реализуя различные свои семы. В нашем случае важно отметить, что к Анатолию Крякину не относится слово «осел» в его грубо-просторечном бранном значении [Словарь ненормативной лексики русского языка 2005, с.543). Традиционно характеристика «осел» совмещает указание на глупость и упрямство. В соответствии со сложившейся традицией использовать в баснях образы животных, С. Михалков назвал свой персонаж «Ослон», поскольку в русском национальном сознании черты именно этого животного максимально совпадают с чертами того образа, который требовалось создать автору. Хотя такая существенная черта, как упрямство, в басне отражения не нашла. Осел С.Михалкова – это персонаж, пусть сатирически представленный, но все же литературный образ, что подчеркивается написанием слова с заглавной буквы. В тексте статьи Анатолий Крякин не называется «ослом», а соотносится с *Ослон* как героем литературного произведения – басни. Эта разница существенна, так как снимает обвинение в оскорблении.

Подчеркнем, однако, что если по сути выдвигаемые в адрес А.Крякина обвинения несправедливы, то есть событийные сведения, распространенные журналистом, не будут доказаны, то и материал в целом можно считать порочащим, но не по причине использования литературных аллюзий. Квалифицировать представленную форму сатиры как оскорбление представляется необоснованным.

Подтекстовые инвективные средства

Инвективу может реализовывать не только формально и семантически фиксированная языковая единица (слово, фразеологизм, поговорка), значение которой узуально и может быть выявлено при обращении к словарю. Не менее, а, пожалуй, и более частотны случаи умаления достоинства лица подтекстовыми средствами, в скрытой форме выражающими унижительные для объекта изображения смыслы. Рассмотрим текст, ранее интересовавший нас с других позиций:

«Дело в том, что истец первоначально оценил свою честь, достоинство и деловую репутацию аж в 220 тыс.рублей. По мнению же суда, в лучшем случае и честь, и достоинство, и деловая репутация г-на Мешкова в совокупности стоят не более 250руб. Т.е. почти в 1000 раз меньше, чем мнит о себе сам депутат. Более того, в первых строках решения суда и вовсе фигурирует цифра в 50 рублей. Так низко не оценивался судом еще ни один депутат... Вряд ли кто-то станет теперь серьезно относиться к деятелю, чьи честь, достоинство и деловая репутация, которые он оценил чуть не в четверть миллиона рублей, суд, по сути дела, опустил до уровня цены 5 килограммов макарон».

Помимо фактической недостоверности, что стало известно в судебном разбирательстве, высказывания автора имеют явно оскорбительный по отношению к Д.Мешкову характер. Честь и достоинство – базовые характеристики человеческой личности. Выражение их в денежном эквиваленте – грубая насмешка, переходящая границы принятых в обществе норм общения: *«честь, и достоинство, и деловая репутация г-на Мешкова в совокупности стоят не более 250руб», «честь, достоинство и деловая репутация, которые он оценил чуть не в четверть миллиона рублей, суд, по сути дела, опустил до уровня цены 5 кг.макарон».* Используется прием подмены предмета речи: денежное выражение компенсации морального вреда подменяется денежным выражением ценности чести, достоинства и деловой репутации. В нескольких предложениях, используя прием наложения и гиперболы, автор текста осуществляет свое инвективное намерение, нанося явное оскорбление Мешкову, самой стилистической формой высказывания пороча его честь и достоинство.

Прекрасно продемонстрированы подтекстовые средства создания оскорбления в тексте статьи «Наш бубновый туз – губернатор Усс», приведенной и проанализированной [Шарифуллин 2004, с.136].

Основным средством дискредитации является в тексте нагнетание арготической лексики, «раскрывающей» образ «губернатора Усса».

«Подобный «стилистический» прием следует считать речевой тактикой автора инвективного высказывания, обыгрывающей наличие в песне С. Медяника словосочетаний «*козырный туз*» и «*бубновый туз*». К речевым тактикам (а их в тексте реализовано немало) можно отнести, условно говоря, прием «смешивания», или интерференции, подмены понятий, сопряженный с явной языковой «натяжкой»: обычные, бытовые значения «карточных» и «гадательных» идиом *козырный туз* – «человек-лидер, на которого ставят и который должен победить» и *бубновый туз* – «человек (обычно мужчина), являющийся объектом интереса со стороны того, кто загадывает гадание» подаются в контексте криминального жаргона....В данной публикации создано своеобразное речевое криминальное пространство, якобы характеризующее данного кандидата в губернаторы. Кульминация данного речевого события, которое, видимо, по замыслам автора, «виртуальность» обвинений переведёт в «реальность», обозначена довольно чётко – «Опубликовать «Словарь воровского языка» – мало ли какие песни будут сочинять для Усса и про Усса».

Эвфемизм

Средством оскорбления бывают грубые эвфемизмы, которые тоже можно отнести к подтекстовым средствам: *Многие журналисты Челябинска не только не признают «двойное Г.» своим коллегой, но даже не подают ему руки, боясь запачкаться.*

На внешнем уровне «двойное Г.» представляет собой указание на инициалы Германа Галкина, однако очевидно, что эта языковая единица в тексте статьи полисемантическая. Общепринятым в современной речи является прием эвфемизма, заменяющий грубейшее бранное слово «говно» его начальной буквой «Г».

Толковый словарь ненормативной лексики русского языка (6) дает следующие значения слова:

Говно (вульг) 1. Кал, испражнения; дерьмо (в 1-ом значении)

2. Мерзкий, дрянной, ничтожный человек; дерьмо (во 2-ом значении)

3. Дрянная, никудышная вещь; дерьмо (в3-ем значении) [Словарь нелитературной лексики русского языка 2005].

В анализируемом тексте языковая единица реализуется во 2-ом значении, характеризующем лицо. Ненормативная лексема, негативно оценивающая человека, является бранной и квалифицируется как инвективная.

Доказательством того, что именно этот оскорбительный смысл передан в тексте, является, во-первых, употребление в форме среднего рода прилагательного «двойное», согласующегося с главным словом, во-вторых, лексическое воплощение разворачивающейся далее в тексте метафоры в слове «запачкаться», семантически поддерживающем метафорически преподносимую тему нечистот. Как правило, при бранном употреблении обозначенное нелитературное слово сопровождается семантически сопутствующими словами «испачкаться», «запачкаться», «замазаться», «замарать» и подобными со значением моральной, нравственно-этической нечистоты, что подтверждается и приводимыми в словаре примерами:

- А вы, Боленский, не отовились, кстати, к покушению на Лысенко и других деятелей передовой биологической науки? – Я, гражданин следовательно, – вдруг взбесился старикашка, – о такое говно не стану марать свои незапятнанные руки. (Ю. Алешковский. Кенгуру).

Бранная сущность этой единицы при эвфемистическом употреблении не уничтожается, и она должна квалифицироваться как оскорбительная.

Итак, инвективное намерение может осуществляться лексическими и фразеологическими средствами не только нелитературного, но и литературного характера, если ими формируется негативная характеристика базовых качеств личности, лежащих в основе категорий чести и достоинства. Предметом рассмотрения на предмет оскорбительности должны быть не только слова и фразеологизмы, но и тексты, содержащие инвективу не формального, а содержательного характера. В то же время было бы неоправданным чрезмерно широкое понимание инвективы. Стилистически сниженное языковое средство, не характеризующее лицо с правовых или нравственных позиций, не может рассматриваться как оскорбительное, хотя оно может и оскорблять чей-либо эстетический вкус.

Выводы по IV главе

В соответствии с лингвистической трактовкой законодательного определения оскорбления, последнее предполагает: 1) умаление чести и достоинства лица; 2) неприличную форму выражения – при этом первый и второй признак могут соотноситься как рядоположенные (лицу приписали совершение противоправных или аморальных действий, и сделали это в неприличной форме) и как взимопоглощающие (неприличная форма и есть средство умаления чести и достоинства). При этом оскорбление понимается не только как характеристика, но и как выражение отношения к лицу.

Под неприличной формой выражения любого типа информации (сообщения или суждения) вполне логично понимать такую форму выражения, которая нарушает не только и не столько языковые, сколько коммуникативные нормы, сложившиеся в лингвокультурном пространстве в настоящий момент.

Представление о множественности таких норм, обусловленных различными обстоятельствами, лингвист-эксперт должен учитывать, однако специфика судебного лингвистического заключения требует определить в качестве отправной точки для оценки допустимости избранного речевого кода коммуниканта универсальный речевой код – речевую норму, принятую в обществе для употребления в публичных местах. Единственный универсальный критерий соответствия/несоответствия использованных языковых средств публичной норме – стилистические пометы в словарях.

Инвективные языковые средства делятся на основании отношения к языковой норме на литературные и нелитературные, на основании средства выражения – на номинативные и сверхноминативные. Номинативные инвективы выражаются лексемами и фразеологизмами, сверхноминативные – аллюзиями, подтекстом, эвфемизмами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существуют различные типы научных исследований, в равной мере имеющие право на существование. Настоящее исследование весьма своеобразно и по предмету, и по материалу исследования, и по реализуемой цели. В сферу научного интереса попали как сами конфликтные тексты, так и тексты лингвистических экспертиз, выступивших в качестве судебных доказательных средств в процессах о защите чести, достоинства, деловой репутации. Анализ текстов лингвистических экспертиз, представляющих собой научные исследования, позволил выявить сущность используемых лингвистами подходов к данному типу лингвистического исследования, его отправные точки, привлекаемые концепции и используемые методики. В этом заключается *констатирующий* компонент работы. Выяснилось, что подходы эти чрезвычайно разнообразны, что само по себе вполне естественно: известно, что у одной задачи редко бывает один способ решения. Однако различия в выводах до прямо противоположных заставили искать причину столь радикального несовпадения «ответов» при использовании общего лингвистического инструментария.

Как нам представляется, обозначенные расхождения и несоответствия вызваны прежде всего разной целевой ориентацией осуществляемых исследований, различным пониманием объекта и предмета лингвистического анализа, различным выбором лингвистического инструментария. В этой сфере выявилось явное отсутствие общих ориентиров, которые мы и попытались хотя бы в какой-то мере установить, в чем заключается *моделирующий* компонент работы.

Анализ правовых нормативных документов позволил выявить основные требования к лингвистической экспертизе рассматриваемого типа. Соотнесение лингвистических категорий с правовыми дало возможность определить необходимые структурные компоненты лингвистического исследования по процессам о защите чести, достоинства, деловой репутации, их место и роль в едином целом.

Предметом научного рассмотрения в гуманитарных дисциплинах крайне редко бывает какой-либо аспект практического применения научного знания. Если в технических науках можно на практике проверить правомерность какого-либо научного построения, то в лингвистике теории практически непроверяемы на предмет жизнеспособности, признание их состоятельности/несостоятельности основывается на общих категориях логики, доказательности. Осуществляемое исследование предоставило уникальную возможность посмотреть на некоторые теории под новым

углом зрения. *Что* из лингвистического инструментария используется и *как* используется в практике целевого анализа текста – уже достойный предмет изучения как для определения рейтинга определенных концепций, так и для анализа характера преломления теории в практике. Мы попытались показать в работе как возможности, так и границы применения лингвистического инструментария в исследовании определенного типа.

Наши представления о том, что соответствует или не соответствует цели анализа, определенной лингвистическим прочтением правовой нормы, что соответствует или не соответствует задачам экспертизы, нами же и определенными, что отражает логику типового восприятия, а что нет – все эти представления, как, пожалуй, и все в лингвистике, зиждутся все на той же общей логике и выводятся из цепочки доказательств. Поэтому не исключаем, что в какое-либо звено рассуждений закралась ошибка, какие-либо этапы размышления недостаточно доказательны, а возможно, и вступают в противоречие друг с другом. Поэтому с благодарностью примем любую критику, способствующую развитию только зарождающейся на настоящий момент отрасли лингвистики – юрислингвистики, в частности одному из ее направлений, которое можно охарактеризовать как «концептуализация и методологизация различных типов судебных экспертиз».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1) Абельсон Р.П. Структуры убеждений / Р.П. Абельсон // Язык и моделирование социального взаимодействия.–Благовещенск, 1998.
- 2) Азнабаева Л.А. Принцип экспликации отношения в конвенциональном речевом поведении адресата / Л.А. Азнабаева //Филологические науки.–2002.–№3.–С.40–49.
- 3) Александров А.С. Техники доказывания в русском уголовно – процессуальном дискурсе / А.С. Александров // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: в 2 т. Т.2 / Под ред. В.М. Баранова.– Нижний Новгород, 2001.
- 4) Александров А.С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права/ А.С. Александров // Проблемы юридической техники. – Нижний Новгород, 2000.
- 5) Алексеев С.С. Право — конституционное социальное образование/ С.С. Алексеев // Вопросы теории государства и права. – Саратов, 1983.
- 6) Анипкина Л.Н. Оценочные высказывания в прагматическом аспекте /Л.Н. Анипкина //Филологические науки. – 2002. – №2. – С.58 – 65.
- 7) Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация, гражданско – правовая защита/ А.Л. Анисимов. – М.,1994.
- 8) Апресян В.Ю. Имплицитная агрессия в языке / В.Ю. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы междунар. конференции «Диалог 2003». – М., 2003.
- 9) Апресян Ю.Д. Дейксис в грамматике и наивная картина мира / Ю.Д. Апресян //Семиотика и информатика, в.28. – М.,1986.
- 10) Апресян Ю.Д. Лексическая семантика/ Ю.Д. Апресян. – М, 1974.
- 11) Апресян Ю.Д. Московская семантическая школа/ Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 2005. – №1. – С.3.
- 12) Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // ЛЭС. – М.,1990.
- 13) Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н.Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований – М.,1980.
- 14) Арутюнова Н.Д. Номинация, референция, значение / Н.Д. Арутюнова // Языковая номинация (общие вопросы). Кн.1. – М.,1977.
- 15) Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике/ Н.Д. Арутюнова //Известия АН СССР, Серия литературы и языка. – 1973б. – Т.32. – №1. – С.89.
- 16) Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М.,1976.

- 17) Арутюнова Н.Д. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч.Филмора / Н.Д. Арутюнова // ВЯ. – 1973а. – №1. – С.123.
- 18) Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт./ Н.Д. Арутюнова. – М.,1988.
- 19) Арутюнова Н.Д. Фактор адресата./ Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ. – 1981.
- 20) Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека/ Н.Д. Арутюнова. – М., 1999.
- 21) Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М.,1982.
- 22) Ахутина Т.В. Порождение речи./ Т.В. Ахутина – М. – 1985.
- 23) Балли.Ш. Французская стилистика./ Шарль Балли. – М.,1961.
- 24) Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику./ А.Н. Баранов. – М., 2001.
- 25) Баранов А.Н. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание / А.Н. Баранов, П.Б. Паршин П // Роль языка в средствах массовой коммуникации. – М., 1986.
- 26) Бельчиков Ю.А. Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в современной русской речевой коммуникации / Ю.Д. Бельчиков //Филологические науки. – 2002. – №4. – С.66 – 74.
- 27) Белявский А. Охрана чести и достоинства личности в СССР./ А.Белявский, Н. Придворнов.– М. – 1971. – С.55
- 28) Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики./ В.П. Белянин. – М.,1999.
- 29) Белянин В.П. Психолингвистика / В.П. Белянин. – М.,2003.
- 30) Блумфильд Л.Язык./ Л. Блумфильд. – М.,1968.
- 31) Блюменкранц М.А.Введение в философию подмены./ М.А. Блюменкранц. – М.,1994.
- 32) Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики./ В.П. Белянин. – М.,1999.
- 33) Богин Г.И.Типология понимания текста./ Г.И. Богин. – Калинин, 1986.
- 34) Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики. / Т.В. Булыгина // Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ. – 1981.
- 35) Булыгина Е.Ю. Проявление языковой агрессии в СМИ / Е.Ю.Булыгина, Т.И. Стексова // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000.

- 36) Быкова О.Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» / О.Н. Булыгина // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1(8). – Красноярск, 1999.
- 37) Ван Дейк Т.А.. Язык, познание, коммуникация./ Т.А. Ван Дейк. – М., 1989.
- 38) Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте./ А.П. Василевич. – М., 1987.
- 39) Вендлер З. Факты в языке/ З.Вендлер // Философия. Логика. Язык. – М.,1987
- 40) Вепрева И.Т. Говори, думая (о некоторых очагах коммуникативного напряжения в СМИ) / И.Т. Вепрева // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных и информационных спорах: Сборник материалов научно – практического семинара. – М., 2003.
- 41) Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов // Избранные труды. – М.,1975.
- 42) Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке/ В.В. Виноградов //Труды института русского языка АН СССР. – Т.2. – М.-Л.,1950.
- 43) Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения./ Т.Г. Винокур. – М.,1986.
- 44) Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. / Е.М. Вольф.– М.,1985.
- 45) Выготский Л.С. Мышление и речь/ Л.С. Выготский// Собр. соч. Т.2. – М., 1982.
- 46) Гак В.Г. Сопоставительная прагматика/ В.Г. Гак //Филологические науки. – 1992. – №3.
- 47) Гиндин С.И.Проблемы анализа и синтеза целого текста в системах МП, диалоговых и информационных системах/ С.И. Гиндин, Н.И. Леонтьева. //Машинный перевод и автоматизация информационных процессов, в.2. – М.,1978.
- 48) Гловинская М.Я. Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи / М.Я. Головинская // Лики языка. – М, 1998.
- 49) Голев Н.Д. «Герой капиталистического труда» – оскорбительно ли это звание?/ Н.Д. Голев // Юрислингвистика – 1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 1999а.
- 50) Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н.Д. Голев // Юрислингвистика – 1: Проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 1999б.

- 51) Голев Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы / Н.Д. Голев // Юрислингвистика – 2: проблемы и перспективы / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2000а.
- 52) Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема / Н.Д. Голев. // Юрислингвистика – 2: проблемы и перспективы./ Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алтайского ун – та, 2000б.
- 53) Голев Н.Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов / Н.Д. Голев // Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты. – Барнаул, 2002.
- 54) Голев Н.Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы)/ Н.Д. Голев // Материалы международной научной конференции, посвященной 85 – летию Томской диалектологической школы и 125 – летию Томского гос. ун – та. Вып.2, часть1. – С.92 – 97.
- 55) Голев. Н.Д. Юрислингвистическая экспертиза: на стыке языка и права/ Н.Д. Голев, О.Н. Матвеева // Сибирский филологический журнал. – 2003. – №1.
- 56) Голев Н.Д.. О специфике права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования / Н.Д. Голев //Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004а. – С.41 – 59.
- 57) Голев Н.Д.. О специфике права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования / Н.Д. Голев // Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004б. – С.41 – 59
- 58) Голованевский А.Л.Оценочность и ее отражение в политическом и лексикографическом дискурсах / А.Л. Голованевский. – 2002. – №3. – С.78 – 87.
- 59) Голубева-Монаткина Н.И. Вопрос, ответ и отрицание / Н.И. Голубева-Монаткина // Филологические науки. – 1991. – №1. – С.107 – 111.
- 60) Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации./ И.Н. Горелов. – М.,1980.
- 61) Горелов И.Н. Основы психолингвистики./ И.Н. Горелов, К.Ф. Седых. – М.,1997.
- 62) Грамматика русского языка. – М.,1954.
- 63) Гридина Т.А. Принципы лингвокогнитивного анализа конфликтного высказывания / Т.А. Гридина, В. С. Третьякова // Юрислингвистика – 3: Проблемы

юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2002.

64) Гриценко Е.С. Гендерные аспекты позиционирования читателя в предвыборном дискурсе / Е.С. Гриценко // Филологические науки. – 2005. – №4. – С.70 – 76.

65) Грось Л. Еще раз о свободе мнения и защите чести / Л. Грось // Российская юстиция. – 1998. – №9.

66) Губаева Т. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Т. Губаева, М. Муратов, Б. Пантелеев // Российская юстиция. – 2002. – №4.

67) Гумбольдт В. Избранные труды по общему языкознанию. / В. Гумбольдт. – М., 1984.

68) Гуревич В.В. Модальность и семантика глагольного вида / В.В. Гуревич // Вопросы языкознания. – 2000. – №2. – С.71 – 78.

69) Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1989.

70) Даньковский Х. Словесная агрессия / Х. Даньковский // Наука и жизнь. – 1995. – №6.

71) Дементьев В.В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. / В.В. Дементьев, К.Ф. Седов. – Саратов, 1998.

72) Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания. / В.З. Демьянков // Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ. – 1981.

73) Демьянков В.З.. Событие в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста / В.З. Демьянков // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – 1983. – №4.

74) Дж.Л.Остин. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.17. – М., 1986.

75) Дорониная С.В. Инвективная функция насмешки и проблемы ее экспертной оценки / С.В. Дорониная // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2002.

76) Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. / Т.М. Дридзе. – М., 1984.

77) Енгальчев В.Ф. Прикладная юридическая психология. / В.Ф. Енгальчев – М., 2001.

78) Жельвис В.И. Распространение порочащих слухов: поиски путей уклонения от судебного преследования. / В.И. Жельвис Юридические аспекты языка и

лингвистические аспекты права // Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004а. – С.144 – 150.

79) Жельвис В.И. Брань в зеркале права: взгляд из Америки / В.И. Жельвис// Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004. – С.5 – 18

80) Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи. /Н.И. Жинкин // ВЯ. – 1964. – № . – С.36.

81) Жинкин Н.И. Интеллект, язык и речь/Н.И. Жинкин //Нарушения речи у дошкольников. – М.,1972. – С.13 – 20.

82) Жолковский А.К. И.А. Мельчук. К построению действующей модели языка смысл – текст / А.К. Жолковский, И.А. Мельчук // Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 11. – М.,1969. – С.5–6.

83) Законодательство и практика средств массовой информации. – 1998. – N 7-8. – С. 24.

84) Законодательная техника. – Л., 1965.

85) Залевская А.А. Введение в психолингвистику./ А.А. Залевская. – М.,1999.

86) Залевская А.А.Понимание текста./ А.А. Залевская. – Калинин, 1988.

87) Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы ее описания / Анна А. Зализняк //ВЯ. – 2004. – №2. – с.20 – 46.

88) Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М: Изд – во Московского университета,1976. – 307с.

89) Зверева Е.А. Научная речь и модальность/ Е.А. Зверева. – Л.,1983.

90) Зельдович Г.М. Семантическое взаимодействие модуса предложения и частицы «хоть» / Г.М. Зельдеревич // Филологические науки. – 1991. – №1. – С.112 – 116.

91) Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса./ Г.А. Золотова. – М., 1982.

92) Иваненко Г.С. Лингво – правовая герменевтика / Г.С. Иваненко // 21 век: итоги прошлого и проблемы настоящего/ Межвузовский сборник научных трудов – Пенза: ПТИ, 2004а. – С.264 – 269

93) Иваненко Г.С. Лингвистические средства реализации инвективного (оскорбительного) намерения / Г.С. Иваненко // Язык. Культура. Коммуникация/ Материалы международной научной конференции. – Челябинск, 2004б. – С.75 – 77.

94) Иваненко Г.С. Анализ модальности текста при разрешении информационного конфликта / Г.С. Иваненко //Язык. Культура. Коммуникация: Материалы второй

международной научной конференции. Челябинск, 26 февраля 2005г. /Отв. ред. Нестеров А.П. – Челябинск, 2005а. – С.108 – 110.

95) Иваненко Г.С. Понятие утверждения в юрислингвистике / Г.С. Иваненко // Материалы региональной конференции «Актуальные проблемы русского языка», посвященной 70 – летию ЧГПУ/ Под общей ред. Гашевой – Челябинск: Юж. – Урал. книж. изд – во, 2005б. – С.468 – 472.

96) Иваненко Г.С. Цель лингвистической экспертизы в процессах по защите чести и достоинства / Г.С. Иваненко // Проблемы филологии в синхронии и диахронии. Сб. статей к юбилею профессора Л.А. Глинкиной/ Отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Челябинск: Изд – во ООО «Полиграф – Мастер», 2005в. – С.338 – 346.

97) Иваненко Г.С. Языковая амфиболия в правовом контексте / Г.С. Иваненко // Правовед: Материалы международной научной конференции «Право в парадигме междисциплинарного подхода/ Отв. ред. Б.Н. Ковалев. – Новгород: Изд – во Новгородского госуниверситета, 2005г. – С.23 – 28.

98) Иваненко Г.С. Адекватное прочтение документа: лингвистический аспект / Г.С. Иваненко // Материалы Всероссийской научной конференции «Документ в парадигме междисциплинарного подхода»/ Отв. редактор Ларькова Н.С. – Томск: Изд – во Томского гос.ун – та, 2005д – С.27 – 32

99) Иваненко Г.С. Отражение в информационных конфликтах противоречия личных, корпоративных и публичных интересов / Г.С. Иваненко // Публичное, корпоративное, личное право: проблемы конфликтности и перспективы консенсуальности: Материалы международной научно – теоретической конференции/ Под общей ред. В.П. Сальникова, Р.А.Ромашова, Н.С. Нижник: В 2ч. – СПб.: Санкт – Петербургский университет МВД России, 2005е. – Ч.2. – С.259 – 264.

100) Иваненко Г.С. О перспективах развития теории модальности / Г.С. Иваненко // Виноградовские чтения – 2005: Материалы Всероссийской научно – практической конференции – Тобольск: Изд – во Тобольского гос.пединститута им. Менделеева, 2005ж. – С.76 – 78.

101) Иваненко Г.С. Грамматическая категория модальности и реалии действительности / Г.С. Иваненко // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 6 – ой всероссийской научной конференции / Отв. редактор А.В. Пузырев – М., Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2006а. – С.42 – 43.

- 102) Иваненко Г.С. Правовое регулирование информационного поля / Г.С. Иваненко // Конкурентоспособность России и качество жизни: Материалы 23 Международной научно – практической конференции / Урал. соц. – экон. ин – т АТиСО. – Челябинск, 2006б. – Ч. 5. – 352с. – С.120 – 125.
- 103) Иваненко Г.С. Грамматическая категория модальности в ее отношении к действительности / Г.С. Иваненко // Вестник Челябинского государственного педагогического университета / – Челябинск, 2006в. – №3. – с.98 – 108.
- 104) Иваненко Г.С.Определение информационной природы конфликтного высказывания / Г.С. Иваненко // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006»/Под ред. Н.И.Лауфер,А.С.Нариньяни,В.П.Селегея. – М.: Изд – во РГГУ, 2006г. – С191 – 195.
- 105) Иваненко Г.С. Структура лингвистической экспертизы в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации/ Г.С. Иваненко // Юрислингвистика – 6: Материалы Международной научно – практической конференции «Русский язык и современное Российское право»/Под. ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2006д.
- 106) Иваненко Г.С. Смысл текста как предмет лингвистического анализа при разрешении информационного конфликта / Г.С. Иваненко //Культура народов Причерноморья. – Научный журнал. – №82 т.1. – 2006г. – С.177 – 179.
- 107) Иваненко Г.С. Речевые конфликты, разрешаемые в судебном порядке / Г. С. Иваненко //Речевые конфликты и проблемы современной российской политики: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург, 2006д. – С.27-29.
- 108) Иванова Е.Ю. О перцептивности номинативных предложений// ВЯ. – 2004. – №1. – С.107 – 118.
- 109) Ивин А..Основная логика оценок./ А. Ивин. – М.,1970.
- 110) Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М.,1985.
- 111) К типологии дейксиса // Лингвистические исследования,ч.1. – М.,1984.
- 112) Каменская О.Л.Текст и коммуникация./ О.Л. Каменская. – М.,1990.
- 113) Капленко В.Н. Инвективность открытая и скрытая / В.Н. Капленко // Юрислингвистика-3. – Барнаул, 2002.
- 114) Карнап Р. Значение и необходимость, пер. с англ. – М.,1959.
- 115) Киклевич А.К. Отрицательные местоимения в утвердительном предложении / А.К. Киклевич //Филологические науки. – 1990. – №2. – С.114 – 118.

- 116) Кнышев В. Вопросы защиты чести и достоинства в практике Верховного Суда РФ / В.Кнышев // Законодательство и практика средств массовой информации. – 1997. – № 12(40). – С. 6.
- 117) Кондрашова Д.С. Теория сегментной репрезентации дискурса для решения задач судебной лингвистической экспертизы при извлечении из текста имплицитной информации / Д.С. Кондрашова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006»/Под ред. Н.И.Лауфер, А.С.Нариньяни, В.П.Селегея. – М.: Изд – во РГГУ, 2006 . – С275 – 279.
- 118) Коноваленко И.В. Выбор варианта речевого поведения мужчинами и женщинами в ситуации колкости / И.В. Коноваленко // Материалы международной научной конференции, посвященной 85 – летию Томской диалектологической школы и 125 – летию Томского гос. ун – та. Вып.2, часть1. – С. 107 – 112.
- 119) Котов А.А. Описание речевого воздействия в лингвистической модели / А.А. Котов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. Междунар. конференции «Диалог 2003». – М., 2003.
- 120) Котов А.А. Теоретические основания для определения речевого средства воздействия // Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004. – С.151-162.
- 121) Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М., 2003.
- 122) Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику, пер. с англ./ Дж. Лайонез. – М.,1978.
- 123) Лебедева Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы)/ Н.Б. Лебедева // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000.
- 124) Левин Ю.И. О семиотике искажения истины / Ю.И. Левин // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. – Вып 4. – М., 1974.
- 125) Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев. – М., 1969.
- 126) Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность/ А.А. Леонтьев – М.,1969.
- 127) Леонтьев А.А. Основы психолингвистики/ А.А. Леонтьев – М.,1997.
- 128) Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность / А.Н. Леонтьев – М.,1975.
- 129) Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии./ А.М. Ломов. – Воронеж. – 1977.

- 130) Любимов Н.А. Конституционное право России: лингвистический аспект: автореф. дис. ...канд. юр. наук./ Н.А. Любимов. – М., 2002.
- 131) Малеина М.Н. Право на имя /М.Н. Малеина //Государство и право. – 1998. – №5.
- 132) Матвеев А.А. Модальность знания как модальность логического типа А.А. Матвеев //Филологические науки. – 2002. – №2. – С.89 – 97.
- 133) Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т.6. – М., 1971. – С.241
- 134) Матвеева О.Н. К вопросу о юридизации конфликтного текста/ О.Н. Матвеева // Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004.
- 135) Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». / И.А. Мельчук. – М., 1999.
- 136) Мещеряков В.Н. К вопросу о модальности текста / В.Н. Мещеряков //Филологические науки. – 2001. – №4. – С.99 – 105.
- 137) Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной, пер. с англ., 2 изд./ Дж. Ст. Милль. – М.,1914.
- 138) Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. / И.Г. Милославский.– М. – 1981.
- 139) Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М., 1988.
- 140) Михалков С. Осел в обойме / С.Михалков // Избранное. Всемирная библиотека поэзии. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
- 141) Морозова Т.С. Категория вежливости/грубости и ее реализация в русском языке: приемы, реализующие невежливую речевую ситуацию / Т.С. Морозова // Функциональная лингвистика. Итоги и перспективы: Материалы конференции. – Ялта,2000. – С.169 – 172.
- 142) Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. – М.: Языки славянской культуры,2006. –512с.
- 143) Мушнина М.М.. О правовой лингвистике в Германии и Австрии/ М.М. Мушнина // Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004. – С.18 – 30.
- 144) Никитин М.В. Лексическое значение в слове и в словосочетании./ М.В. Никитин. – Владимир, 1974.

- 145) Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика)/ М.В. Никитин. – М.,1983.
- 146) Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М., Высшая школа,1988.
- 147) Николаева Т.М. О принципе «неокооперации» и /или в категориях социолингвистического воздействия / Т.М. Николаева // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. – М., 1990. – С.225 – 235.
- 148) Николаева Т.М. Событие как категория текста и его грамматические характеристики/ Т.М. Николаева // Структура текста. – М.,1980.
- 149) Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация/ А.И. Новиков. – М., 1983.
- 150) Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 3 – е изд., стереотип./ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1996.
- 151) Оптимизация речевого воздействия. – М.,1990.
- 152) Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е.В. Падучева – М.,1985.
- 153) Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е.В. Падучева. – М., 1996.
- 154) Падучева Е.В. Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты / Е.В. Падучева, С.А. Крылов //Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики: сб. обзоров. – М., 1984.
- 155) Падучева Е.В. Пресуппозиция/ Е.В. Падучева // Русский язык. – М.: Большая научная энциклопедия, 2003. – С.374-375.
- 156) Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.:Медея, 2004. – 104с.
- 157) Петренко В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – Смоленск,1997
- 158) Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности /Н.Е. Петров. – Новосибирск. – 1982.
- 159) Пешковский А.А. Русский синтаксис в научном освещении /А.А. Пешковский. – М.,1956.
- 160) Поляков С. Свобода мнения и защита чести / С.Поляков //Российская юстиция – 1997. – №4.

- 161) Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / Отв.ред. – А.К. Симонов, Научн.ред. – А.Р. Ратинов. – М.: Права человека. – 1997.
- 162) Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2 – е, перераб. и доп./ Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. – М.: Медия,2004. – 328с.
- 163) Попова Е.А.О лингвистике нарратива / Е.А. Попова // Филологические науки. – 2001. – №4. – С.87 – 90.
- 164) Потапенко С. Свобода мнения и защита чести / С.Потапенко // Российская юстиция. – 2001. – N 7.
- 165) Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения / О.Г. Почепцов. – Киев.,1986.
- 166) Правовое поле журналиста. – М., 1997. – 528с.
- 167) Прагматические аспекты языкового функционирования // Философские проблемы языкознания на международных научных конгрессах и конференциях (1970 – 1979). – М, 1981.
- 168) Прадид Ю.Д.. Юридическая лингвистика в Украине : вчера, сегодня, завтра / Ю. Д. Прадид // Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004. – С.31 – 40.
- 169) Психолингвистические проблемы семантики. – М.,1993.
- 170) Пузырев А.В. Опыты целостно – системных подходов к языковой и неязыковой реальности: сборник статей / А.В. Пузырев. – Пенза:ПГПУ им.В.Г. Белинского,2002. – 164с.
- 171) Референция и проблема текстообразования. – М.,1988.
- 172) Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. – Екатеринбург, 1997.
- 173) Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. –Репр. изд. – 704с.
- 174) Санников В.З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры // ВЯ. – 2005. – №4. – С.3 – 21.
- 175) Саржина О.В.. Различие языковых кодов коммуникантов как конфликтообразующий фактор (на примере инвективных имен лица / О.В. Саржина // Юрислингвистика – 5 / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2004. – С.107 -118.

- 176) Сафаров Ш. Этнокультурные концепты дискурсивной деятельности / Ш. Сафаров // Язык, дискурс и личность. – Тверь, 1990.
- 177) Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику / Л.В. Сахарный. – Л.,1989.
- 178) Седов К.Ф. Речевое поведение и типы неязыковой личности / К.Ф. Седой // Культурно – речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург,2000. – С.298 – 311.
- 179) Секерина И. Процесс понимания и синтаксический анализ предложения / И.Секерина // Вопросы языкознания .– 1996. – №3.
- 180) Секерина И. Психолингвистика / И. Секерина // Психология: Учебник для гуманитарных специальностей. – СПб.,2000.
- 181) Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе / А.П. Сковородников // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-метод. бюлл. Вып. 2. – Красноярск; Ачинск, 1996.
- 182) Слобин Д. Психолингвистика /Д. Слобин, Дж. Грин. – М.,1976.
- 183) Слово – не воробей: Материалы информационного спора // Взгляд: Ежеквартальный аналитический бюллетень Фонда защиты гласности. – №1. – М., 2003.
- 184) Слюсарева Н.А. Смысл как экстралингвистическое явление / Н.А. Слюсарева // Как подготовить интересный урок иностранного языка. – М.,1963.
- 185) Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М.,1976.
- 186) Современный словарь иностранных слов. – СПб.: «Дуэт», 1994. – 752с.
- 187) Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление / А.Н. Соколов. – М, 1968.
- 188) Сорокин Ю.А. Психологические аспекты изучения текста / Ю.А. Сорокин. – М.,1985.
- 189) Соцуру Л.В. Неофициальное толкование российского права / Л. В. Соцуру. – М., 1996.
- 190) Степанов Ю.С. В поисках прагматики / Ю.С. Степанов // Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ – 1981. – №4.
- 191) Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика / Ю.С. Степанов.– М.,1981.
- 192) Стернин И.А. Введение в речевое воздействие /И.А. Стернин.– Воронеж, 2001.
- 193) Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И.А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.,1996.

- 194) Суслов И.П. Коммуникативно – прагматическая лингвистика и ее единицы / И.П. Суслов //Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин.,1984. – С.7 – 8.
- 195) Суслов И.П. Коммуникативно – прагматическая лингвистика и ее единицы / И.П. Суслов //АКД. – Днепропетровск, 1977. – 17с.
- 196) Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – М.,1979.
- 197) Теория речевой деятельности. – М., 1968.
- 198) Толковый словарь ненормативной лексики русского языка / Д.И. Квеселевич. – М.:ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 1021с.
- 199) Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения / В.С. Третьякова. – Екатеринбург, 2002.
- 200) Ушаков А.А. Право, язык, кибернетика / А.А. Ушаков // Правоведение. – 1991. – № 2.
- 201) Фефилов А.И. Модально – прагматическая интерпретация чужого высказывания / А.И. Фефилов // Филологические науки. – 1991. – №1. – С.64 – 73.
- 202) Фреге Г. Смысл и денотат, пер. с нем. / Г. Фреге //Семиотика и информатика. в.8. – М.,1977.
- 203) Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство / Р.М. Фрумкина. – М., 1984.
- 204) Хворостин Д.В. Скрытые компоненты смысла высказывания: автореф. дисс...канд. филол. наук / Д.В. Хворостин. – Челябинск, 2006. – 22с.
- 205) Хинтиikka Я. Логико – эпистемологические исследования. – М., 1978.
- 206) Хомский Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – М.,1972.
- 207) Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 2 – е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002. – 336 с.
- 208) Черданцев А.Ф. Толкование советского права / А.Ф. Черданцев. – М., 1979.
- 209) Чернейко Л.О. Оценка в знаке и знак в оценке / Л.О. Чернейко // Филологические науки. – 1990. – №2. – С.72-81.
- 210) Чернышова Т.В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно – стилистический аспект): Учебное пособие / Т.В. Чернышова. – Барнаул, 2003.
- 211) Черч А. Введение в математическую логику, пер. с англ./ А.Черч. – М.,1960.
- 212) Честь, достоинство и репутация: Журналистика и юриспруденция в конфликте (результаты исследования и материалы конференции). – М., 1998. – 102с.

- 213) Чехов А.С. О типах референциальной неоднозначности высказывания / А.С. Чехов // Машинный перевод и прикладная лингвистика, в.20. – М.,1980.
- 214) Чумаков Г.М. Чужая речь как лингвистическая категория и проблемы грамматики, лексикологии, стилистики / Г.М. Чумаков // АКД. – Днепропетровск, 1977. – С.14.
- 215) Шахнарович А.М. Проблемы психолингвистики / А.М. Шахнарович. – М., 1987.
- 216) Шарифуллин Б.Я. Языковая экспансия, языковая агрессия и языковая демагогия / Б.Я. Шарифуллин // Проблемы развития речевой культуры педагога: Тез. регион. научно-практич. семинара. – Томск, 1997.
- 217) Шарифуллин Б.Я. Инвектива: лингвистика vs. юриспруденция, или лингвистика atque юриспруденция / Б.Я. Шарифуллин // Вестник Красноярского ун-та. Гуманитарная серия. Вып. 2. – Красноярск, 2000.
- 218) Шарифуллин Б.Я. Обценная лексика: терминологические заметки / Б.Я. Шарифуллин // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. №1(9). – Красноярск, 2000а.
- 219) Шарифуллин Б.Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы / Б.Я. Шарифуллин // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С.126-137.
- 220) Шаховский В.И. Критика и библиография. М.В.Никитин. Основы лингвистической теории значения / В.И. Шаховский, В.И. Карасик // Филологические науки. – 1990. – №2. – С.115 – 117.
- 221) Шаховский В.И. Эмотивность и модальность в семантике слова / В.И. Шаховской, В.И. Карасик // Семантика слова и синтаксической конструкции. – Воронеж, 1987.
- 222) Шашкова В.А. Коммуникативно – целевая специфика и особенности модального плана текстов учебно – дидактического характера: автореферат дисс... канд. филол. наук / В.А. Шашкова. – Орел, 2006. – 24с.
- 223) Шенк Р. Обработка концептуальной информации / Р.Шенк. – М., 1980.
- 224) Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов, 1997.
- 225) Шмелева Т.В. Прагматические аспекты теории референции / Т.В. Шмелева, А.Д. Шмелев // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. – М.,1984.
- 226) Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – М.,1974.

- 227) Эрделевский А.М. Утверждение о факте и выражение мнения – понятия разного рода / А.М. Эрделевский // Российская юстиция. – 1997. – № 6. – С.17.
- 228) Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда / А.М. Эрделевский – М.,1996.
- 229) Юрислингвистика – 1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 1999.
- 230) Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии / Под. ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2000.
- 231) Юрислингвистика – 3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2002.
- 232) Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004. – 370 с.
- 233) Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики (сб. обзоров). – М., 1984.
- 234) Grosu A. On Percept. al and Grammatical Constrains/Papers from the Seventh Regional Meeting, Chicago Linguistic Society. – Chicago, 1971.
- 235) Keenan E.L. Two Kinds of Presupposition in Natural Languages/ Studies in Linguistic Semantics. – ed. by Ch. Fillmore and T. Langendoen?1971.
- 236) Lakoff G. Linguistics and Natural Logic/ The University of Michigan, Ann Arbor, 1970, p.131.
- 237) Zwicky A.M. On Reported Speech/ Studies in Linguistic Semantics. – ed. by Ch. Fillmore and T. Langendoen, 1971, p. 73.
- 238) Berteloot Pascale. Der Rahmen juristischer Übersetzungen. // de Groot, Gérard – René; Schulze, Reiner [Hrsg.]. Recht und Übersetzen. Baden – Baden: Nomos, 1999, S. 101–113.
- 239) Fillmor Ch. Verbs of Judging: an Exercise in Semantic Discription/ Studies in Linguistic Semantics. – ed. by Ch. Fillmore and T. Langendoen?1971, p.275.
- 240) Austin. How to Do Things with Words.London 1962,p.67.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В качестве приложения предлагаем читателям одно из заключений по делу с интересной историей. Истец – мэр города, ответчик – бизнесмен, который расположил в СМИ свое открытое письмо, выражающее несогласие с политикой мэрии в области взаимодействия с бизнесом. В первой инстанции в иске было отказано. Однако в экспертизе по делу, выполненной Г.Е. Щербань, содержался вывод, согласно которому высказывание: *«Словом, в Златоусте налицо ситуация, метко обозначенная Президентом России как «кошмарить бизнес»*, – относится непосредственно к личности истца, содержит негативную информацию о нем и представляет собой утверждение о факте. На основании данного вывода эксперта в Апелляционном суде исковые требования были частично удовлетворены, а именно процитированная фраза была признана порочащей. Верховный Суд согласился с автором настоящей монографии и счел настоящее высказывание выражением субъективного мнения, оценкой ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА

по результатам

лингвистического исследования

г. Челябинск

19 октября 2015г.

Исследование выполнено по запросу Ульданова Валерия Борисовича

Производство исследования начато: в 10.00. 11.09.2015г.

Производство исследования окончено: в 10:00 19. 10. 2015г.

Сведения о специалисте: Иваненко Галина Сергеевна, кандидат филологических наук, специальность «10.02.01. – Русский язык», доцент, окончила докторантуру при кафедре русского языка и методики преподавания русского языка ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет» с представлением диссертационного исследования по теме «Концепция

лингвистического исследования в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации», сфера специализации – лингвоэкспертология, «Анализ продуктов письменной речи», автор более 40 публикаций по вопросам лингвистической экспертизы, стаж работы по специальности с 1992 года, стаж экспертной деятельности с 1998 года.

Экспертное заключение представлено на 27 листах.

Приложение -- документы, подтверждающие квалификацию специалиста
Копии дипломов (на 3 листах):

- о получении высшего филологического образования,
- о присуждении ученой степени кандидата филологических наук,
- о присвоении ученого звания доцента.

Материалы, предоставленные лингвисту:

1. Запрос на проведение исследования с вопросами к специалисту.
2. Текст для анализа.
3. Исковое заявление о защите чести, достоинства и деловой репутации, компенсации нематериального вреда (истец – Жилин В.А., ответчик – Ульданов В.Б., ЗАО «Аргументы и факты»).

Анализируемый текст

Созидатель или разрушитель?

Открытое письмо предпринимателя Валерия Ульданова

главе Златоуста Вячеславу Жилину.

Уважаемый Вячеслав Анатольевич!

Прибегнуть к формату открытого письма, некогда в советской прессе именуемого «криком души», меня сподвигло категорическое несогласие с теми методами, которые Вы применяете к частному бизнесу, а также Ваше упорное нежелание поиска компромисса за столом переговоров. Нахожу Ваши методы несправедливыми и нелогичными, замешанными на личной неприязни и – главное –

осуществляемыми с явным применением административного ресурса, то есть тех привилегий, что дает высокий пост градоначальника. Словом, в Златоусте налицо ситуация, метко обозначенная Президентом России как «кошмарить бизнес».

За примерами далеко ходить не нужно — деятельность давно ставшего «неудобным» ООО «Катрин». Но сегодня речь пойдет лишь о златоустовском «Арбате» — единственной и красивейшей пешеходной территории, которой город, и без того в этом году признанный Челябинскстатом самым депрессивным в регионе, скоро может лишиться. Ответственность за этот прискорбный факт, бесспорно, придется нести Вам, Вячеслав Анатольевич. Поскольку именно Вы инициировали подачу в Арбитражный суд иска о признании права собственности ООО «Катрин» на сооружение — «благоустройство» на улице Таганайской, 204, именуемое в народе «Арбат», отсутствующим. Ведь собственник сооружения, как известно, имеет исключительное право на пользование земельным участком. Будучи лишеными прав, мы, полагаю, вправе сложить и обязанности.

Поясню, в чем эти добровольно взятые на себя вот уже семь лет обязанности выражаются. В 2008 году ООО «Катрин» зарегистрировало в Регпалате право собственности на сооружение площадью 4094 квадратных метра и получило от администрации округа разрешение на ввод его в эксплуатацию, которое Вы сейчас, получается, намерены оспорить. С тех пор заросшая кустарником неухоженная территория близ бывшей швейной фабрики начала стремительно преображаться и до сих пор хорошеет. Комплекс работ по благоустройству пешеходной зоны, быстро ставшей излюбленным местом отдыха не только жителей проспекта Гагарина, но и всего Златоуста, потребовал внушительных вложений. Сначала грунт на болотистом участке был полностью убран на глубину 2.5 метра, положен дренаж и проведены другие мероприятия, давшие «Арбату» крепкий, надежный фундамент. Затем настала черед мощения участка нарядной плиткой, установки кованых скамеек, урн, фонарей, обустройства просторной парковки. Специально приглашенные ландшафтные дизайнеры и лучшие садовники украсили клумбы нового сквера красивыми экзотическими растениями, окончательно придав ему европейский шик.

Площадь здания торгового комплекса «Катрин» — 25 тысяч квадратных метров. Его собственниками являются 23 предпринимателя, не считая арендаторов. Никто из них, кроме ООО «Катрин», не пожелал вкладывать собственных средств в

преображение сквера, после открытия единодушно названного златоустовцами «роскошным подарком городу».

С Вашей, Вячеслав Анатольевич, подачи возглавляемая мной фирма оказалась загнана под пресс судебных тяжб. В этой связи считаю своим долгом уведомить: в случае, если Арбитражный суд встанет на Вашу сторону и, вследствие этого, в октябре 2016 года «Катрин» будет вынуждено подписать акт о расторжении договора на пользование земельным участком, «изюминка» Златоуста — его «Арбат» — может исчезнуть. Мы будем вынуждены соблюсти закон и сдать участок муниципалитету в первоначальном виде. Это значит, что плитка, скамейки, фонари и прочее окажутся попросту демонтированными. Ковш мощного экскаватора способен за несколько часов снести все, любовно и с огромными затратами обустроенное, до глубины подземной «подложки», с которой начинался уютный сквер.

Зная законы, первый руководитель Златоуста не может не предусмотреть столь мрачной перспективы, затеяв процесс. Тогда возникает закономерный вопрос — что движет Вами, Вячеслав Анатольевич? Глава муниципалитета, по моему мнению, априори должен являться созидателем и всячески поддерживать частный бизнес, на свои средства преобразующий город. Особенно с таким дефицитным бюджетом, как Златоуст. Политика мэра в «арбатской» проблеме, что грозит завершиться котлованом и разрухой, как минимум, поразительно нелогична. Как максимум — превращается в попытку банальной наживы, автоматически становясь новым поводом для пристального интереса со стороны правоохранительных органов.

Мне же — не как предпринимателю и меценату, а как рядовому, коренному жителю Златоуста, остается лишь уповать на то, что здравый смысл и приверженность букве закона — качества, обязательные для слуг народа, восторжествуют. И в дилемме «созидатель или разрушитель» стрелка весов качнется все же к первому определению — на благо всех патриотов родного города.

Вопросы, поставленные на разрешение специалиста

Вопрос №1. Содержатся ли в представленном тексте открытого письма дословно следующие высказывания, выдвинутые истцом для опровержения:

1) Глава Златоустовского городского округа, используя административный ресурс, создал на территории ЗГО невыносимые («кошмарные») условия для ведения

частного бизнеса. В Златоусте налицо ситуация, обозначенная Президентом России, как «кошмарить бизнес».

2) Именно Главой Златоустовского городского округа была инициирована подача в арбитражный суд иска о признании права собственности ООО «Катрин» на сооружение – «благоустройство» на улице Таганайской, 204, именуемое в народе «Арбат», отсутствующим.

3) С подачи Главы Златоустовского городского округа ООО «Катрин» оказалась загнана под пресс судебных тяжб.

4) Политика Главы Златоустовского городского округа в «арбатской» проблеме является попыткой банальной наживы.

Если приведенные высказывания в измененном виде представляют фрагменты из текста, то влияет ли это искажение на их смысл?

Вопрос №2. Содержатся ли в тексте открытого письма обвинения Жилина Вячеслава Анатольевича в нарушении действующего законодательства, злоупотреблении полномочиями, совершении преступления?

Вопрос №3. Является ли следующее высказывание:

«Нахожу Ваши методы несправедливыми и нелогичными, замешанными на личной неприязни и – главное – осуществляемыми с явным применением административного ресурса, то есть тех привилегий, что дает высокий пост градоначальника. Словом, в Златоусте налицо ситуация, метко обозначенная Президентом России как «кошмарить бизнес», – утверждением о факте или выражением личного мнения?»

Вопрос №4. Является ли следующее высказывание:

«Поскольку именно Вы инициировали подачу в Арбитражный суд иска о признании права собственности ООО «Катрин» на сооружение – «благоустройство» на улице Таганайской, 204, именуемое в народе «Арбат», отсутствующим», -- обвинением Главы ЗГО в совершении действий, направленных на осложнение и воспрепятствование законной предпринимательской деятельности ООО Катрин?» содержится ли в нем сообщение о том, что Жилин В.А. является истцом по указанному делу?

Вопрос №5. Содержится ли во фразе:

«Политика мэра в «арбатской» проблеме, что грозит завершиться котлованом и разрухой, как минимум, поразительно нелогична. Как максимум — превращается в попытку банальной наживы, автоматически становясь новым

поводом для пристального интереса со стороны правоохранительных органов», -- утверждение о совершении Главой ЗГО «тяжкого преступления, предусмотренного ч.2 ст.285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) (с.3 Искового заявления)? Или информация выражена в форме мнения?

Вопрос №6. Содержит ли высказывание: «С Вашей, Вячеслав Анатольевич, подачи возглавляемая мной фирма оказалась загнана под пресс судебных тяжб», – утверждение о совершении Главой ЗГО каких-либо противоправных действий?

Вопрос №7. Содержатся ли в представленном открытом письме какие-либо высказывания, содержащие негативную информацию о Жилине В.А. порочащего характера, выраженную не как мнение, а как утверждение о факте?

Вопрос № 8. Кому адресовано открытое письмо Ульданова В.Б: частному лицу Жилину В.А. или Главе Златоустовского городского округа?

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Литература, использованная при проведении исследования

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике/ Н.Д. Арутюнова //Известия АН СССР, Серия литературы и языка. – 1973. – Т.32. – №1. – С.89-94.

2. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 496с.

3. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие/ А.Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592с.

4. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009.

5. Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. – М.: Книжный дом «Либерком», 2013. – 200с.

6. Галяшина Е.И. Использование специальных лингвистических знаний в судопроизводстве// Цена слова. 2-е изд., испр. и доп. М.,2002.

7. Кондрашова Д.С. Теория сегментной репрезентации дискурса для решения задач судебной лингвистической экспертизы при извлечении из текста имплицитной информации / Д.С. Кондрашова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные

технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006»/Под ред. Н.И.Лауфер, А.С.Нариньяни, В.П.Селегея. – М.: Изд – во РГГУ, 2006 . – С275 – 279.

8. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов/ Под ред. проф. М.В.Горбаневского. М.: Медея, 2004г. – 104с.

9. Тарланов З.К. Методы и принципы лингвистического анализа. – Петрозаводск: изд-во Петрозаводского университета, 1995. – 189с.

10. Хворостин Д.В. Скрытые компоненты смысла высказывания: автореф. дисс...канд. филол. наук / Д.В. Хворостин. – Челябинск, 2006. – 22с.

11. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В.Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002. – 424с.

12. Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве : межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 454 с.

13. Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 510 с.

Словари:

14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 3 – е изд., стереотип./ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1996. [Электронный ресурс]: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/145866>

15. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. проф. Бабенко Л.Г. - М., 1999 [Электронный ресурс]: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4684067>

16. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. Бабенко Л.Г. — М., 2008. [Электронный ресурс]: <http://www.bookvoed.ru/book?id=464386>

17. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь. Т. I-III - М., 2006. [Электронный ресурс]: <http://www.efremova.info/>

18. Коммуникативная ситуация. Социоллингвистика. Энциклопедия Кругосвет. [Электронный ресурс]: <http://www.krugosvet.ru/node/39415?page=0,4>

19. Словари и энциклопедии на «Академике». [Электронный ресурс]: <http://dic.academic.ru/>

Методика лингвистического исследования

Для исследования материалов по поставленным вопросам на предмет наличия порочащих сведений проводилось в соответствии с типовой методикой судебной лингвистической экспертизы, утвержденной Ученым советом ЭКЦ МВД России в 2008 году, при этом использовались рекомендации Гильдии лингвистов-экспертов, а также методика целевой лингвистической экспертизы, отраженная в публикациях (см. список литературы).

Изучив содержание высказываний, лингвист сделал вывод о **выражаемом им смысле** на основе анализа текста при помощи следующих лингвистических методов:

- *системно-функционального* (анализ высказывания с учетом функционального стиля и жанра);
- *лексико-семантического* (анализ значения слов и выражаемого ими смысла в контексте);
- *семантико-синтаксического* (анализ синтаксических единиц различных уровней с выявлением структурно-грамматических и, как следствие, смысловых взаимосвязей);
- *логико-содержательного* (установление смысла высказывания в соответствии с типовыми представлениями о причинно-следственных связях тех или иных процессов и явлений).

Использование указанных лингвистических методов соотнесено с **целями лингвистического исследования** в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации (Иваненко Г.С. Цель лингвистической экспертизы в процессах по защите чести и достоинства) и включено в целостную целевую **методику** (Иваненко Г.С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации), находящуюся в русле складывающейся **практики** лингвистических экспертиз (Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста; Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В.Горбаневского).

Методика автора исследования текста на предмет выявления порочащих сведений отражена в 40 публикациях, часть которых приведена в следующем списке:

1. Иваненко Г.С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации: Монография. – Челябинск: Издательство ООО «Полиграф-Мастер», 2006. – 229с.

2. Иваненко Г.С. Цель лингвистической экспертизы в процессах по защите чести и достоинства// Проблемы филологии в синхронии и диахронии. Сб. статей к юбилею профессора Л.А. Глинкиной / Отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2005. – С.338 – 346.

3. Иваненко Г.С. Определение информационной природы конфликтного высказывания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» / Под ред. Н.И.Лауфер, А.С.Нариньяни, В.П.Селегея. - М.: Изд-во РГГУ, 2006. - С191 - 195.

4. Иваненко Г.С. Структура лингвистической экспертизы в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации/ Юрислингвистика-6: Материалы Международной научно-практической конференции «Русский язык и современное Российское право»/Под. ред. Н.Д. Голева. - Барнаул, 2006. -с.107-119

5. Иваненко Г.С. Ложные presuppositions как средство создания запрограммированного эффекта речевого воздействия // Текст и языковая личность: Материалы V Всероссийской научной конференции с международным участием (26-27 октября 2007г.) / Под ред. проф. Н.С.Болотновой. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2007. – С.113-118.

6. Иваненко Г.С. Семантическое лингвистическое исследование в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации/ Возможности лингвистической экспертизы в судопроизводстве/ Судебные экспертизы: Методические рекомендации. – Челябинск, 2011. – С.81 – 145.

7. Иваненко Г.С. Объективная и субъективная информация в контексте лингвистического исследования по процессам о защите чести и достоинства // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов /под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 452с.

8. Иваненко Г.С. Понятия значения, смысла, понимания, восприятия, интерпретации текста в концепции целевого лингвистического судебного исследования /Мир культуры, науки, образования, № 4 (35) 2012 – С.74-78). 32. Иваненко Г.С. Вторичный текст как источник правового конфликта /Филологические науки .Вопросы теории и практики. -- Тамбов: Грамота, № 6(17), 2012. С.54-58.

8. Иваненко Г.С. Роль жанрово-стилистического анализа в судебном лингвистическом исследовании конфликтного текста/ /Филологические науки .Вопросы теории и практики. -- Тамбов: Грамота, № 7(18), 2012. С.96-101 .

10. Иваненко Г.С. Ситуативный контекст как фактор смыслообразования/ Актуальные проблемы современной лингвистики: антропоцентризм, семантика, прагматика: сб. статей научно-методической конференции кафедры русского языка и МПРЯ / отв. Ред. Т.Е. Помыкалова; Челяб. Гос. пед. Ун-т. Челябинск: Изд-во ООО «Дитрих», 2012. – С.49-57.

11. Иваненко Г.С. Утверждение о факте: форма и содержание /Вторая интернет-конференция по юрислингвистике и судебной лингвистической экспертизе «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юриколингвистическая герменевтика» [Интернет-ресурс] <http://konference.siberia-expert.com>

12. Иваненко Г.С. Критика или диффамация? // Юрислингвистика-12. – Кемерово: Изд-во КемГУ. -- №12. – 2013. -- С.166-174.

Теория вопроса

Для того чтобы лингвистический анализ текста служил цели объективации судопроизводства, необходимо рассмотреть теорию вопроса и определить терминологию.

Порочащими являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, о совершении нечестного поступка, о неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, о недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, о нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» от 24 февраля 2005 г. № 3 п. 7).

Для квалификации сведений как порочащих в правовом аспекте учитываются следующие факторы:

- 1) порочащий характер информации в лингвокоммуникативном аспекте (фактор негатива);
- 2) отнесенность информации к конкретному лицу (фактор референции);
- 3) событийный (в противовес оценочному) характер информации (фактор фактуальности);
- 4) несоответствие информации действительности.

Подчеркиваем, что слово «**порочащий**» далее по тексту заключения понимается не в правовом, а в **лингвокоммуникативном смысле**, поскольку не предполагает рассмотрения четвертого из перечисленных выше пунктов. Вне компетенции лингвиста определение соответствия сведений действительности, функция филолога заключается в определении содержательной сущности распространенной информации, в референциальном ее соотнесении (отнесении к субъекту), в вычленении из текста сведений событийного (фактуального) характера. (Иваненко Г.С. Структура лингвистической экспертизы в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации).

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» обозначена граница между правом на свободу слова и правом на честь и достоинство: *«...следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения..., которые, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия действительности»*.

Два противопоставленных типа информации в юридическом плане различаются правовыми последствиями для распространителя. Лингвистический аспект разграничения обозначенных типов предполагает дифференциацию сведений, представленных как объективные, и сведений, представляющих собой субъективное выражение отношения к явлениям действительности.

Сложность такой дифференциации обусловлена спаянностью в реальной речевой практике компонентов объективного и субъективного, наличием различных средств и способов выражения обоих типов информации, необходимостью соотнесения высказывания со смыслом всего речевого произведения, а также комплексного анализа семантической и грамматической структуры высказывания.

Утверждения о факте, или, как их еще называют по различной терминологии, событийные, фактологические, фактуальные, описательные сведения, сообщают о событиях, процессах, явлениях, проведении, представленных как реальные. Это информация о конкретных ситуациях, происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности лица юридического. Такая событийная, фактуальная информация, в отличие от **мнений и оценок**, либо соответствует, либо не соответствует действительности, подвергается верификации и в случае недоказанности считается порочащей. Важным признаком фактуальной информации является ее проверяемость. Вопрос о соответствии сведений действительности в компетенцию лингвиста не входит, его задача ограничивается самим вычленением из текста этой информации.

Оценочные суждения, мнения, убеждения являются выражением субъективного взгляда говорящего, отражением индивидуального восприятия ситуации. Это оценки фактов, мнения о причинах и следствиях явлений и событий. Сведения этого типа могут проявлять свою природу эксплицитно (открыто), в показателях субъективной модальности, а могут быть имплицитными (скрытыми) и проявляться через общие семантические (смысловые) признаки высказываний и текста.

Для раскрытия поставленных вопросов необходимо пояснить следующие понятия:

Имплицитный – скрытый, подтекстовый, словесно не выраженный, но логически вытекающий из соотнесения других компонентов текста.

Коммуникативная ситуация - конкретная ситуация общения, в которую входят партнеры по коммуникации, условия и способы реализации коммуникативной задачи.

Коммуниканты – участники коммуникации.

Коннотация – дополнительные смысловые компоненты языковой единицы, помимо собственно соотнесения слова с явлением действительности: образность, оценочность, эмоциональность, экспрессивность.

Контекст - обладающая смысловой завершенностью устная или письменная речь, позволяющая выяснить смысл и значение отдельных входящих в ее состав фрагментов (слов, выражений или отрывков текста).

Концепция – основная идея.

Модальность - функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности.

Предикат – в логике и языкознании конститутивный член суждения – то, что высказывается (утверждается или отрицается) о субъекте (Большой энциклопедический словарь. Языкознание, 1998, с.392).

Прагматическая направленность – целевая ориентация текста как самостоятельной смысловой сущности, проявляющаяся в структуре, стилистике, языковых средствах.

Пропозиция – глубинная смысловая структура предложения, семантическая конструкция, содержащая модель внеязыковой (денотативной) ситуации в основных ее элементах и отношениях. Пропозиция – сообщение, отражающее связь между субъектом и предикатом. Одно предложение может содержать несколько пропозиций – сообщений различного характера: сведений о действительности и характеристик, оценок, мнений.

Реципиент – получатель информации.

Субъект речи – в различных контекстах: 1) тот, кто говорит, 2) главное действующее лицо высказывания.

Субъект грамматический – подлежащее в предложении согласно формально-грамматическому подходу.

Субъект семантический – деятель, производитель действия или носитель признака, независимо от синтаксической квалификации.

Эксплицитный - выраженный с помощью языковых средств, предназначенных для данного выражения.

Признаки утверждений о фактах (фактивных, фактуальных высказываний):

1. Использование лексем с семантикой конкретного действия, четко и однозначно соотносимых с денотатом (явлением действительности): *убил, украл, ударил.*
2. Отсутствие показателей субъективной модальности, отнесенных к пропозиции: вводных слов со значением предположительности (*может быть, возможно, скорее всего, др. подобных*), предикатов со значением вероятности (*может*).
3. Утвердительный характер *пропозиции*.
4. Реальная модальность пропозиции.

Признаки оценочных высказываний (мнений):

1. Оценочная семантика слова: *хороший / плохой, достойный / недостойный, правильный / неправильный*).
2. **Коннотативные** смыслы (прежде всего оценочность) в семантике лексемы. Слово может своим денотатом соотноситься с действием, но в то же время давать ему оценку. В таком случае факт может быть проверен, а оценка – нет. Например, *X ускользнул от задававших вопросы избирателей* : можно проверить, ушел ли человек с мероприятия, но тонкие оттенки смысла слова *ускользнул* являются недоказуемыми и непроверяемыми.
3. Вопросительный характер пропозиции, содержащей вопрос, версию, предположение: *Не лукавит ли X?*
4. Деонтический (долженствующий) характер **пропозиции**, содержащей выражение представления о необходимом: *X должен представить декларацию о доходах*.
5. Наличие маркеров субъективной модальности: вводных слов со значением предположительности (*может быть, возможно, скорее всего, др. подобных*), предикатов со значением вероятности (*может*).
6. К категории субъективных относятся описания **ментальных состояний** человека (мысли, чувства, желания, мотивы), соответствие действительности которых проверить невозможно.
7. **Выводы и прогнозы**, сделанные на основе анализа ситуации, установления причинно-следственных связей, **рассуждения**, логика которых открыта читателю – проявления субъективного восприятия и понимания явлений действительности.
8. Нравственно-этические **оценки** поступков, деятельности, событий. Верифицировать можно факт совершения поступков, но их оценка основана на индивидуальной системе ценностей, не могущей быть признанной соответствующей / не соответствующей действительности.

Как видно из приведенных признаков двух противопоставленных групп информации, в выражении смысла, а следовательно, и в процессе его восприятия задействованы как внутренние смысловые структуры, так и грамматические.

При анализе материалов на предмет содержания в них порочащих сведений, как и любых других, необходимо придерживаться современных взглядов на теорию лингвистического анализа текста. В соответствии с ними содержательная структура

текста формируется многими языковыми средствами, которые все во взаимосвязи, в комплексе выражают какую-либо мысль.

Для адекватного понимания выраженного смысла необходимо учесть и **жанровую** специфику текста, и **композицию**, и особенности стилистики. Необходимо также включать высказывания в **ситуативный контекст**, объясняющий характер, содержание и **порождающие мотивы** того или иного речевого акта (Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике; Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста; Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста; Иваненко Г.С. Ложные пресуппозиции как средство создания запрограммированного эффекта речевого воздействия; Хворостин Д.В. Скрытые компоненты смысла высказывания).

Рассмотрим с этих позиций предложенный для анализа материал.

Ход исследования

На первом этапе исследования представленный на анализ текст был прочитан, выявлен его общий смысл, поставленные проблемы и характер их трансляции читателю.

Установлено, что текст представлен в виде открытого письма, адресованного предпринимателем мэру города. В корректной публицистической форме поднимаются проблемы, которые, на взгляд автора, решаются градоначальником неправильно. Выражается недовольство определенными подходами к конкретным вопросам. Из материала следует, что автор видит в Главе города оппонента и ведет с ним дискуссию по наиболее важным аспектам деятельности.

Были рассмотрены высказывания, выделенные в исковом заявлении и содержащиеся в заданных вопросах. Установлено, что фрагменты в исковом заявлении выделены не дословно, отчего смысл их искажается.

На **втором этапе** исследования выявлены **текстовые** единицы, имеющие отношение к поставленным вопросам, рассмотрены их значения и смысловые интерпретации, соответствующие контексту всей статьи. Итогом второго этапа стал общий стилистический обзор публицистического материала и включение в его контекст высказываний об истце.

На **третьем этапе** полученные выводы, с учетом всех факторов декодировки текстовой информации в аспекте ее восприятия реципиентами, представлены в следующих ответах на вопросы.

Вопрос №1

Вопрос №1. Содержатся ли в представленном тексте открытого письма дословно следующие высказывания, выдвинутые истцом для опровержения:

1) Глава Златоустовского городского округа, используя административный ресурс, создал на территории ЗГО невыносимые («кошмарные») условия для ведения частного бизнеса. В Златоусте налицо ситуация, обозначенная Президентом России, как «кошмарить бизнес».

2) Именно Главой Златоустовского городского округа была инициирована подача в арбитражный суд иска о признании права собственности ООО «Катрин» на сооружение – «благоустройство» на улице Таганайской, 204, именуемое в народе «Арбат», отсутствующим.

3) С подачи Главы Златоустовского городского округа ООО «Катрин» оказалась загнана под пресс судебных тяжб.

4) Политика Главы Златоустовского городского округа в «арбатской» проблеме является попыткой банальной наживы.

Если приведенные высказывания в измененном виде представляют фрагменты из текста, то влияет ли это искажение на их смысл?

Сопоставление представленных в исковом заявлении истца и приведенных в настоящем вопросе высказываний с текстом открытого письма Валерия Ульданова показало несовпадение формулировок.

Первый фрагмент. Первое предложение в тексте отсутствует полностью. Добавленный текст искажает принципиально смысл реальных высказываний.

Второй фрагмент. Содержание в целом идентично. Однако при трансформации реального высказывания выдвижение на первый план в предложении частицы **именно с** последующим наименованием должности Главы в форме творительного падежа позволяет расставить акценты таким образом, что на второй план уходит существенная разница между понятиями *подать иск – инициировать иск*, значимая для понимания настоящего высказывания.

Третий фрагмент. Искажение связано с формой коммуникативной подачи материала. В тексте открытого письма обращение к адресату и наименование его по

имени и отчеству придает всему предложению отчетливый субъективный оттенок: один человек в дискуссионной форме высказывает другому свое видение ситуации:

С Вашей, Вячеслав Анатольевич, подачи возглавляемая мной фирма оказалась загнана под пресс судебных тяжб.

В представленной в исковом заявлении форме смена обращения на третье лицо несколько сглаживает полемическую направленность высказывания.

Четвертый фрагмент. Сокращение реального высказывания, представление части суждения вне полного контекста, притом с опущением той части, которая существенна для понимания его смысла, приводит к серьезным концептуальным изменениям, значимым в аспекте рассматриваемых вопросов.

В письме для выражения своего видения ситуации автор использует фразеологизированную конструкцию **как минимум – как максимум**, показывающую процесс размышления автора, отсутствие готового ответа:

Политика мэра в «арбатской» проблеме, что грозит завершиться котлованом и разрухой, как минимум, поразительно нелогична. Как максимум — превращается в попытку банальной наживы, автоматически становясь новым поводом для пристального интереса со стороны правоохранительных органов.

Формулировка в письме не является категоричным утверждением, напротив, относится к категории предположений. Формулировка же из искового заявления, содержащая половину авторского предположения, претендует на утверждение.

Таким образом, все приведенные высказывания не дословно передают реальные фрагменты из текста статьи.

В высказывании №3 искажения не влияют принципиально на его смысл, хотя и меняют коммуникативную подачу и сглаживают полемический характер.

В высказывании № 2 синтаксическим приемом парцелляции создан акцент, отсутствующий в тексте, а потому вне контекста восприятие смысла фразы несколько отличается.

Высказывания 1 и 4 принципиально искажают реальный текст: №4 – из-за сокращения важных компонентов текста, №1, напротив, из-за включения комментариев, отсутствующих в реальном тексте и не соответствующих его смыслу.

Вопрос №2

Содержатся ли в тексте открытого письма обвинения Жилина Вячеслава Анатольевича в нарушении действующего законодательства, злоупотреблении полномочиями, совершении преступления?

Представленное письмо – открытое обращение бизнесмена к Главе города. В тексте автор поднимает проблему, которую считает значимой и по поводу которой он и ведет дискуссию. Полемическое содержание определяет выражение негативного отношения к поступкам и деятельности оппонента. Из текста письма следует, что Валерий Ульданов считает неправильными решения Главы города Вячеслава Жилина, связанные с землей под «Арбатом». Автор письма полагает, что политика мэра обусловила судебные иски против ООО «Катрин», в результате которых предприятие, вложившее свои средства в объект и сделавшее его украшением города, может лишиться права собственности на него со всеми вытекающими последствиями. Данная ситуация, как видится автору, – результат несправедливых и нелогичных методов работы Главы, замешанных на личной неприязни.

В тексте письма выражается негативное отношение к позиции оппонента, но отсутствуют обвинения в противоправных поступках. И по смыслу, и по форме имеет место **критика действий** Главы города, а не утверждение их **криминального характера**.

Рассмотрим те фрагменты, в которых выражается несогласие с действиями Главы города и которые (в искаженном виде) вынесены истцом для опровержения. Определим их смысл и характер отнесенности к личности Главы города Жилину В.А.

Фрагмент1

*Нахожу Ваши методы несправедливыми и нелогичными, замешанными на личной неприязни и – главное – осуществляемыми с явным **применением административного ресурса, то есть тех привилегий, что дает высокий пост градоначальника**. Словом, в Златоусте налицо ситуация, метко обозначенная Президентом России как «кошмарить бизнес».*

1. Фрагмент начинается со слова **НАХОЖУ**, показывающего, что пишущий выражает свое мнение и не претендует на истину в последней инстанции, а потому вся последующая информация **не может быть утверждением** о чем-либо, в том числе о совершении противоправных поступков.

2. Формулировка: *с применением административного ресурса, то есть тех привилегий, что дает высокий пост градоначальника*, -- не выражает утверждения о злоупотреблении полномочиями.

Применение административного ресурса не то же самое, что *злоупотребление*.

Злоупотребление – использование полномочий сверх отпущенных законодательством границ.

В тексте же речь идет *не о злоупотреблении* полномочиями, а о *применении* административного ресурса, что вполне естественно для Главы городского округа, чья работа и состоит в том, чтобы применять административный ресурс. Автор письма подчеркивает наличие у Главы города особых возможностей для решения вопросов согласно своему видению. Важно, что во избежание недопонимания и какой-либо иной трактовки сказанного в тексте дано пояснение, что понимается под применением административного ресурса: *то есть тех привилегий, что дает высокий пост градоначальника*. Из этого пояснения с очевидностью следует отсутствие обвинения в криминальном характере действий Главы, речь лишь об иных возможностях влияния на обстоятельства, обусловленных высокой должностью. Сказанное в письме применительно к Жилину В.А. может быть в равной мере отнесено к любому другому чиновнику высокого ранга, поскольку руководящая должность, безусловно, по своей функциональной сути является привилегией в сфере принятия решений.

3. Второе предложение: *Словом, в Златоусте налицо ситуация, метко обозначенная Президентом России как «кошмарить бизнес»*, -

во-первых, относится не персонально к Жилину В.А., а к сложившейся в городе ситуации;

во-вторых, является образным выражением, а именно, по лингвистической терминологии, окказионализмом, к тому же цитатой.

Окказионализм – авторский неологизм, слово, не существующее в языке, но образованное по существующим моделям. Поскольку слово *кошмарить* отсутствует в словарях, его значение можно определить только приблизительно по используемым контекстам. В данном случае речь идет о неблагоприятии к бизнесу, о создании жестких условий для бизнесменов, отсутствию помощи. В контексте речи Президента

России характеристика *кошмарить бизнес* также была не правовой, а негативно-оценочной. Речь не шла о том, что все руководители, которые не способствуют развитию бизнеса, нарушают закон. *Кошмарить бизнес* – характеристика приоритетов, модели руководства, вне связи с правовой оценкой такой политики.

Фрагмент 2

Но сегодня речь пойдет лишь о златоустовском «Арбате» — единственной и красивейшей пешеходной территории, которой город, и без того в этом году признанный Челябинскстатом самым депрессивным в регионе, скоро может лишиться. Ответственность за этот прискорбный факт, бесспорно, придется нести Вам, Вячеслав Анатольевич. Поскольку именно Вы инициировали подачу в Арбитражный суд иска о признании права собственности ООО «Катрин» на сооружение – «благоустройство» на улице Таганайской, 204, именуемое в народе «Арбат», отсутствующим.

В настоящем фрагменте отсутствуют указания на противоправные действия Главы Златоустовского городского поселения.

Подчеркивается ответственность мэра за все происходящее в городе, что естественно, поскольку любой руководитель в той или иной мере всегда отвечает за ситуацию во вверенном ему объекте. Автор мотивирует также особую ответственность Жилина В.А. за возникший конфликт по поводу пешеходной улицы города, упрекая его в инициации исков, противоречащих интересам ООО «Катрин».

Во-первых, понятие *инициировать* не тождественно понятию *подать иск*.

Словари дают непротиворечивую картину значений слова *инициировать*:

ИНИЦИИРОВАТЬ [лат. *injicere* - вызывать, возбуждать] - 1) хим., физ. возбуждать цепную химическую или ядерную реакцию путем внешнего воздействия на систему; 2) способствовать возникновению, развитию чего-л., выступать в качестве инициатора чего-л. (Комлев Н.Г. *Словарь иностранных слов*. – 2006.)

ИНИЦИИРОВАТЬ *несов.* *и* *сов.* *перех.*

1. Давать импульс, толчок чему-либо; вызывать, возбуждать что-либо.

2. Проявлять инициативу в каком-либо деле. (Ефремова Т. Ф. *Толковый словарь русского языка*. – 2000).

Сообщение об инициации какого-либо процесса указывает не на внешнюю, видимую канву событий, а на их неформальную сторону. Так, для любого руководителя

инициация чего-либо далеко не всегда сопровождается документально. Влияние на события может быть неформальным: выражение мнения, демонстрация отношения.

Во-вторых, хотя автор письма и не считает инициацию действий, не соответствующих интересам ООО «Катрин», правильными, однако не называет их незаконными. Незаконным может быть лишение предприятия каких-либо прав без решения суда. В данном же случае выражается недовольство самим фактом исков, что вполне понятно со стороны заинтересованного лица. Недовольство – не обвинение в противоправности, противозаконности.

Фрагмент 3.

*С Вашей, Вячеслав Анатольевич, **подачи** возглавляемая мной фирма оказалась загнана под пресс судебных тяжб.*

Во-первых, выражение *с вашей подачи* еще раз подчеркивает, что автор письма не утверждает, что его адресат Жилин В.А. от своего лица подал иск в суд. Фразеологизм *с чьей-то подачи* синонимичен слову *инициировать* и указывает на неформальный толчок, заинтересованность.

Во-вторых, в предложении автор высказывает недовольство ситуацией, но не утверждает, что мэр делает что-либо незаконное. Слово *загнана* и слово *пресс* использованы в переносном, метафорическом значении и вместе с другими компонентами предложения формируют смысл: фирме тяжело из-за участия в судебных тяжбах. Способствовать/ считать правильным/ инициировать судебные тяжбы против кого-либо – не преступление и вообще объективно не плохо и не хорошо, но может быть недовольным лицом оценено негативно, что и происходит в настоящем случае.

Фрагмент 4.

*Политика мэра в «арбатской» проблеме, что грозит завершиться котлованом и разрухой, **как минимум**, поразительно нелогична. **Как максимум** — превращается в попытку банальной наживы, автоматически становясь новым поводом для пристального интереса со стороны правоохранительных органов.*

Фрагмент состоит из двух предложений, связанных одной моделью, разрывать которую без утраты смысла нельзя. Языковая модель состоит из двух частей, дающих характеристику чему-либо в диапазоне от элемента 1 до элемента 2:

Как минимум..., как максимум....

Части обозначают границы возможных интерпретаций. Первая часть – нижнюю

границу, вторая часть – верхнюю.

Сама языковая модель демонстрирует процесс размышления автора, показывает, что он сомневается и не может однозначно оценить то, о чем идет речь. Может быть, правильная оценка дана тем, что указано в первой части модели, может быть, то, что во второй, или имеет место что-либо в промежутке между этими крайностями. Таким образом, сама представленная модель является размышлением. А следовательно, предположением, мнением, а не утверждением.

Предположение о попытке наживы сопровождается логичным предположением о возможном внимании со стороны правоохранительных органов. Однако настоящее суждение является версией, вариантом осмысления настоящих событий и их развития в будущем. Предположительный характер суждения задан самим построением предложения, в котором сказуемое содержит глагол *грозит* со значением возможных перспектив:

Политика мэра грозит завершиться... = ..может завершиться

Утверждение о совершении противоправных поступков как о реальном свершившемся факте отсутствует.

Таким образом, анализ всех спорных фрагментов, выражающих отношение автора к происходящему, показал, что в тексте открытого письма отсутствуют утверждения – обвинения Жилина Вячеслава Анатольевича в нарушении действующего законодательства, злоупотреблении полномочиями, совершении преступления.

Вопрос №3

Является ли следующее высказывание:

«Нахожу Ваши методы несправедливыми и нелогичными, замешанными на личной неприязни и – главное – осуществляемыми с явным применением административного ресурса, то есть тех привилегий, что дает высокий пост градоначальника. Словом, в Златоусте налицо ситуация, метко обозначенная Президентом России как «кошмарить бизнес», – утверждением о факте или выражением личного мнения?»

Ответ на настоящий вопрос определен следующими факторами:

- общим контекстом письма, его стилем и жанром;
- языковой формулировкой, определяющей модальность фрагмента;
- семантикой (значениями) использованных слов.

1. Полемический характер открытого письма, позиционирование его как послание бизнесмена мэру определяет доминирование в нем личного начала и представление обстоятельств с точки зрения автора. Читателю дано достаточно маркеров, чтобы субъективность восприятия была понятна.

2. Фрагмент вводится словом *нахожу*, которое является ярким показателем субъективной модальности. Оно представляет всю последующую информацию как мнение.:

Нахожу = считаю = думаю = полагаю = выражаю свое мнение.

3. Само содержание мнения выражено словами, которые выражают не сообщение о факте, а 1) оценку: *методы несправедливые, нелогичные, кошмарить бизнес* или 2) указывают на действия широкого диапазона, которые нельзя проверить на соответствие действительности: *применение административного ресурса, привилегии*.

Итак, данное высказывание является выражением личного мнения, на что, прежде всего, указывает первое слово *нахожу*, вводящее всю последующую информацию и представляющее ее как субъективное видение обстоятельств.

Вопрос №4

Является ли следующее высказывание:

«Поскольку именно Вы инициировали подачу в Арбитражный суд иска о признании права собственности ООО «Катрин» на сооружение – «благоустройство» на улице Таганайской, 204, именуемое в народе «Арбат», отсутствующим», -- обвинением Главы ЗГО в совершении противоправных действий, направленных на осложнение и воспрепятствование законной предпринимательской деятельности ООО Катрин»? содержится ли в нем сообщение о том, что Жилин В.А. является истцом по указанному делу?

Смотрите ответ на вопрос №2.

Инициация какого-либо иска является законным правом любого лица.

Даже если иск является для кого-либо нежелательным, как в данном случае, сообщение о самом его факте не может характеризовать истца негативно в объективном плане, конкретное лицо может лишь выразить свое несогласие.

К тому же в данном контексте речь идет не о подаче иска мэром, а об инициации. О разнице понятий см. в ответе на вопрос №2.

Таким образом, настоящее высказывание сообщает о позиции Главы ЗГО по вопросу о праве собственности ООО «Катрин» на сооружение «Арбат», но не сообщает о противоправном характере этой позиции. В тексте использовано слово «инициировал», что не означает, что глава ЗАО лично подал иск.

Вопрос №5

Содержится ли во фразе:

«Политика мэра в «арбатской» проблеме, что грозит завершиться котлованом и разрухой, как минимум, поразительно нелогична. Как максимум — превращается в попытку банальной наживы, автоматически становясь новым поводом для пристального интереса со стороны правоохранительных органов», --
утверждение о совершении Главой ЗГО «тяжкого преступления, предусмотренного ч.2 ст.285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) (с.3 Искового заявления)? Или информация выражена в форме мнения?

См. раскрытие ответа на вопрос №2, анализ фрагмента 4.

Информация выражена в форме мнения, признаками которого являются следующие языковые факторы:

1. Конструкция *как минимум... как максимум..*

Так как автор задает диапазон возможных характеристик происходящего, показывает вероятностный характер оценок, находящихся в промежутке между *как минимум* и *как максимум*. Неоднозначность, отсутствие одного варианта подчеркивает предположительность выводов.

2. Во фрагменте характеризуется *политика мэра* – первое словосочетание фрагмента, которому затем дается характеристика. Оценка политики всегда субъективна, проверить ее невозможно, поскольку политика состоит из множества действий, совокупности взглядов, позиций, мнений. То есть сам объект характеристики является размытым и обобщенным.

3. Сказуемое *грозит завершиться* содержит слово с семантикой отнесенности к будущему и вероятностными коннотациями:

грозит завершиться = может завершиться.

В приведенном далее фрагменте выделены маркеры субъективности, доказывающие, что в нем выражено мнение, а не утверждение о деятельности мэра. Конкретные языковые факты обозначены цифрами, соответствующими их значимости

для квалификации как мнения и соответствуют нумерации доказательств в ответе на настоящий вопрос.

Политика мэра (2) в «арбатской» проблеме, что грозит завершиться (3) котлованом и разрухой, как минимум (1), поразительно нелогична. Как максимум (1) — превращается в попытку банальной наживы, автоматически становясь новым поводом для пристального интереса со стороны правоохранительных органов.

Итак, в приведенном высказывании с очевидностью проявляются признаки мнения, о чем свидетельствует, в первую очередь, его языковая формулировка: **как минимум.. как максимум**, а также отнесенность к плану будущего и обобщенность характеризуемого объекта (политика).

Вопрос №6

Содержит ли высказывание: «С Вашей, Вячеслав Анатольевич, подачи возглавляемая мной фирма оказалась загнана под пресс судебных тяжб», – **утверждение о совершении Главой ЗГО каких-либо противоправных действий?**

См. ответ на вопрос №2, фрагмент 3.

В высказывании отсутствует утверждение о совершении Главой ЗГО каких-либо противоправных действий.

Во-первых, фразеологизм *с чьей-то подачи* синонимичен слову *инициировать* и указывает на неформальный толчок, заинтересованность. Выражение *с вашей подачи* еще раз подчеркивает, что автор письма не утверждает, что его адресат Жилин В.А. от своего лица подал иск в суд.

Во-вторых, в предложении автор выражает недовольство ситуацией, но не утверждает, что мэр делает что-либо незаконное. Слово *загнана* и слово *пресс* использованы в переносном, метафорическом значении и вместе с другими компонентами предложения формируют смысл: фирме тяжело из-за участия в судебных тяжбах. Способствовать/ считать правильным/ инициировать судебные тяжбы против кого-либо – не преступление и вообще объективно не плохо и не хорошо, но может быть недовольным лицом оценено негативно, что и происходит в настоящем случае.

Таким образом, приведенное высказывание не содержит утверждений о совершении Главой ЗГО каких-либо противоправных действий.

Вопрос №7

Содержатся ли в представленном открытом письме какие-либо высказывания, содержащие негативную информацию о Жилине В.А. порочащего характера, выраженную не как мнение, а как утверждение о факте?

Анализ всего текста как содержательного и стилистического целого, объединенного образом автора, а также его отдельных фрагментов, выдвинутых в исковом заявлении в качестве порочащих, показал, что в тексте отсутствуют суждения, которые удовлетворяют следующим требованиям:

- 1) являются негативной информацией порочащего характера;
- 2) относятся к личности Жилина В.А., умаляют его честь и достоинство;
- 3) являются утверждением о факте.

Примечание: лингвист использует понятие *порочащие* не в квалификационно-правовом, а в лингвокультурологическом значении, как понятие коммуникативного порядка.

Таким образом, в тексте отсутствуют высказывания, содержащие негативную информацию о Жилине В.А. порочащего характера, выраженную как утверждение о факте. Вся негативная информация представлена как выражение личного мнения.

Вопрос № 8

Кому адресовано открытое письмо Ульданова В.Б: частному лицу Жилину В.А. или Главе Златоустовского городского округа?

В тексте отсутствуют характеристики Жилина В.А. как личности, человека.

Текст содержит критику политики Главы города Златоуста, в частности по вопросу, волнующему автора письма. В то же время не утверждается, что Жилин В.А. совершает или совершил что-либо противоправное или недостойное. Критика касается подхода к бизнесу, методов работы.

Ответ: настоящее открытое письмо адресовано Жилину В.А. как Главе Златоустовского городского округа.

ВЫВОДЫ

Вопрос №1. Содержатся ли в представленном тексте открытого письма дословно следующие высказывания, выдвинутые истцом для опровержения:

1) Глава Златоустовского городского округа, используя административный ресурс, создал на территории ЗГО невыносимые («кошмарные») условия для ведения частного бизнеса. В Златоусте налицо ситуация, обозначенная Президентом России, как «кошмарить бизнес».

2) Именно Главой Златоустовского городского округа была инициирована подача в арбитражный суд иска о признании права собственности ООО «Катрин» на сооружение – «благоустройство» на улице Таганайской, 204, именуемое в народе «Арбат», отсутствующим.

3) С подачи Главы Златоустовского городского округа ООО «Катрин» оказалась загнана под пресс судебных тяжб.

4) Политика Главы Златоустовского городского округа в «арбатской» проблеме является попыткой банальной наживы.

Если приведенные высказывания в измененном виде представляют фрагменты из текста, то влияет ли это искажение на их смысл?

Ответ

Все приведенные высказывания в искаженном виде передают реальные фрагменты из текста статьи. В высказывании №3 искажения не влияют принципиально на его смысл, в высказывании № 2 синтаксическим приемом парцелляции создан акцент, отсутствующий в тексте, а потому вне контекста восприятие смысла фразы несколько отличается. Высказывания 1 и 4 принципиально искажают реальный текст: №4 – из-за сокращения важных компонентов текста, №1 – напротив, из-за включения комментариев, отсутствующих в реальном тексте и не соответствующих его смыслу.

Вопрос №2. Содержатся ли в тексте открытого письма обвинения Жилина Вячеслава Анатольевича в нарушении действующего законодательства, злоупотреблении полномочиями, совершении преступления?

Ответ

В тексте открытого письма отсутствуют обвинения Жилина Вячеслава Анатольевича в нарушении действующего законодательства, злоупотреблении полномочиями, совершении преступления.

Вопрос №3. Является ли следующее высказывание:

«Нахожу Ваши методы несправедливыми и нелогичными, замешанными на личной неприязни и – главное – осуществляемыми с явным применением административного ресурса, то есть тех привилегий, что дает высокий пост градоначальника. Словом, в Златоусте налицо ситуация, метко обозначенная Президентом России как «кошмарить бизнес», – утверждением о факте или выражением личного мнения?»

Ответ

Данное высказывание является выражением личного мнения, на что указывает первое слово **нахожу**, вводящее всю последующую информацию и представляющее ее как субъективное видение обстоятельств.

Вопрос №4. Является ли следующее высказывание:

«Поскольку именно Вы инициировали подачу в Арбитражный суд иска о признании права собственности ООО «Катрин» на сооружение – «благоустройство» на улице Таганайской, 204, именуемое в народе «Арбат», отсутствующим», -- обвинением Главы ЗГО в совершении действий, направленных на осложнение и воспрепятствование законной предпринимательской деятельности ООО «Катрин»? содержится ли в нем сообщение о том, что Жилин В.А. является истцом по указанному делу?»

Ответ

Настоящее высказывание сообщает о позиции главы ЗАО по вопросу о праве собственности ООО «Катрин» на сооружение «Арбат», но не сообщает о противоправном характере этой позиции. В тексте использовано слово «инициировал», что не означает, что глава ЗАО лично подал иск.

Вопрос №5. Содержится ли во фразе:

«Политика мэра в «арбатской» проблеме, что грозит завершиться котлованом и разрухой, как минимум, поразительно нелогична. Как максимум — превращается в попытку банальной наживы, автоматически становясь новым поводом для пристального интереса со стороны правоохранительных органов», -- утверждение о совершении Главой ЗГО «тяжкого преступления, предусмотренного ч.2 ст.285 УК РФ (злоупотребление должностными

полномочиями) (с.3 Искового заявления)? Или информация выражена в форме мнения?

Ответ

В приведенном высказывании с очевидностью проявляются признаки мнения, о чем свидетельствует его языковая формулировка (*как минимум.., как максимум*).

Вопрос №6. Содержит ли высказывание: «С Вашей, Вячеслав Анатольевич, подачи возглавляемая мной фирма оказалась загнана под пресс судебных тяжб», – утверждение о совершении Главой ЗГО каких-либо противоправных действий?

Ответ

Приведенное высказывание не содержит утверждений о совершении Главой ЗГО каких-либо противоправных действий.

Вопрос №7. Содержатся ли в представленном открытом письме какие-либо высказывания, содержащие негативную информацию о Жилине В.А. порочащего характера, выраженную не как мнение, а как утверждение о факте?

Ответ

В тексте отсутствуют высказывания, содержащие негативную информацию о Жилине В.А. порочащего характера, выраженную как утверждение о факте. Вся негативная информация о Главе Златоустовского городского округа представлена как выражение личного мнения.

Вопрос № 8. Кому адресовано открытое письмо Ульданова В.Б: частному лицу Жилину В.А. или Главе Златоустовского городского округа?

Ответ

Настоящее открытое письмо адресовано Жилину В.А. как Главе Златоустовского городского округа.

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и
методики обучения русскому языку
ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный
педагогический университет»

/Иваненко Г.С./

Научное издание

Иваненко Галина Сергеевна

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
В ПРОЦЕССАХ ПО ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ,
ДОСТОИНСТВА, ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

Монография

Подписано к выпуску 29.12.2017. Формат 60×88/8.

Уч.-изд. л. 10,29.

Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495) 334-82-65; тел.: (495) 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru